

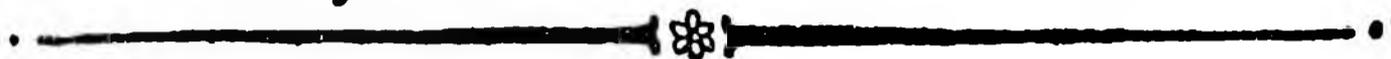


Т. МАЙН РИД
**ОТВАЖНАЯ
ОХОТНИЦА**

ДЕТГИЗ · 1960



**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**



МОСКВА ~ 1960

Т. Майн Рид



ОТВАЖНАЯ ОХОТНИЦА

РИСУНКИ
И. КУСКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Перевод Н. Б. Маркович
Редактор И. Г. Гурова
Послесловие А. Ю. Наркевича



Глава I

УЧАСТОК СКВАТТЕРА

Белоголовый орел, паря над одним из дремучих лесов штата Теннесси, смотрит вниз, на участок скваттера. Этот клочок земли, затерявшийся в необъятном зеленом море, отлично виден зоркому глазу птицы, так как резко выделяется из окружающей его растительности окраской своих деревьев. Они еще стоят, но давно мертвы: кольца содранной коры у самых корней преградили дорогу поднимающимся сокам, остальная кора осыпалась под клювами дятлов, листва давно уже облетела и остались лишь стволы да голые сучья. Словно руки скелетов, простираются они к небу, безмолвно взывая о мщении тому, кто так безжалостно их погубил.

Сухостой на участке скваттера не вырублен, уничтожен лишь подлесок. Молодая поросль срезана или вырвана, спутанный клубок растений-паразитов сорван с ветвей, заросли тростника выжжены, и кустарник, сваленный в кучи, исчез в пламени костров. Только несколько небольших пней указывают на то, что кое-какая работа была здесь сделана и топором.

Весь участок едва ли достигает двух акров, и примитивная ограда вокруг него свидетельствует, что его хозяин вполне удовлетворен размерами своих «полей». Нет ни свежих следов топора, ни новых колец на стволах — ничего, что указывало бы на желание скваттера расширить свои владения. Он охотник и не хочет тратить ни времени, ни труда на расчистку леса. Если стук топора дровосека приятен, как музыка, для слуха одинокого путника, то на скваттера он производит впечатление похоронного звона. По счастью, ему не часто приходится слышать этот звук, так как его жилище далеко от тех мест, где он раздается. Сосед — такой же скваттер — живет за милю от него, а ближайший поселок находится еще в шесть раз дальше от его хижины.

Участок имеет форму неправильного полукруга. Узкая глубокая река ограничивает его, как хорда, и пробивается дальше, в девственный лес. В изгибе дуги, в наиболее удаленном от ручья месте, стоит хижина — бревенчатая постройка с дощатой крышей. С одной стороны к ней примыкает кое-как сколоченная из досок конюшня, а с другой — маленький сарай из жердей для хранения кукурузы.

Такая картина часто встречается в лесных дебрях Америки, и некоторым она может показаться банальной. Но я всегда с удовольствием смотрю на бедную усадьбу лесного жителя, и для меня она неизменно полна безусловного очарования. Возможно, я связываю эту картину с рамой, в которую она заключена: с величественным дремучим лесом, где все тропинки окутаны дымкой романтики. Невольно вспоминаются охотничьи предания и легенды: о наводнениях и сражениях, о безумной отваге и героических подвигах, совершенных обитателями этих девственных лесов. Думаю я и об их отважных противниках — о стройных краснокожих воинах, так гордо ступавших по лесным тропинкам и исчезнувших ныне навсегда.

Возможно, именно эти мысли пробуждают у меня интерес к обиталищу скваттера. А может быть, мне на память приходят происшедшие на фоне такого же пейзажа события, определившие всю мою дальнейшую судьбу.

Если зимой этот пейзаж можно назвать однообразным и бесцветным, то с наступлением весны картина рез-

ко меняется. Природа, облекшись в свой зеленый наряд, смягчает краски и сообщает необычайную нежность всему, к чему она прикасается своим волшебным жезлом. Молодая кукуруза, посеянная в почву, тысячелетиями не знавшую плуга, пышно разрастается, выбрасывая вверх блестящие копьевидные листья, которые, грациозно изгибаясь, скрывают от взора темный лик земли. Буйно распускается листва на деревьях. Некоторые из них, как, например, кизил и магнолия, уже цветут. Нарушается и зимнее безмолвие леса. В тростнике щебечет алый кардинал, голубая сойка, испуганная скользкой в траве змеей, пронзительно кричит в зарослях папайи, а пересмешник, сидя на верхушке дерева и не обращая внимания на грозящую опасность, заливается своей неподражаемо звонкой песней. Иногда слышится тихое цоканье белки и нежное воркование каролинского голубя.

Ночь полна иных, менее приятных для слуха звуков: пронзительный неумолчный звон цикад и древесных жаб, настолько беспрерывный, что, лишь когда он стихает, можно догадаться об их существовании, глухое кваканье огромной лягушки-быка, хриплые крики цапли и замогильное уханье рогатого филина. Еще неприятнее свирепое мяуканье красной пумы и вой тощего волка, но, конечно, не для ушей охотника, который, проснувшись, с жадной радостью прислушивается к ним в своей одинокой хижине.

Теперь эти устрашающие звуки стали уже необычны и редки даже в этих глухих дебрях, но не исчезли окончательно, как воинственный клич индейцев. Только в отдаленных речных долинах, где любят селиться скваттеры, раздаются эти звуки, но лишь ночью. После рассвета их сменяют звуки более нежные и ласкающие слух.

Теперь представьте себе прекрасное майское утро через полчаса после восхода солнца. Первые его лучи озарили стоящую на берегу реки хижину скваттера и превратили в золото все, к чему прикоснулись. Воздух напоен запахом лесных цветов, жужжание пчел и пение птиц сливаются в сладостную мелодию — такова картина, на фоне которой развергивается действие. Можно ли назвать банальным такой пейзаж? Нет, я бы сказал, что он восхитителен!

И вот на этой сцене вдруг появляются действующие лица, полные жизни и очарования. Теперь, чтобы сделать скромную усадьбу скваттера привлекательной, не надо больше ни яркого солнечного света, ни пения птиц в листве, ни аромата цветов. Все лесное великолепие с его гаммой красок — зеленых и золотых — отходит на задний план. Если бы вместо майского утра был самый мрачный декабрьский день, случилось бы то же самое, так как при одном виде этих очаровательных созданий все меняется, как по волшебству. Бедная хижина превращается в дворец, сухие стволы деревьев становятся мраморными коринфскими колоннами, и высохшие ветви венчают их, словно капители. Даже огороженная узкая полоса земли, где растет кукуруза, превращается в сказочный сад.

Но не волшебством объясняется такое превращение. Его совершают две молодые девушки — черноволосая и белокурая, — показавшиеся на пороге хижины скваттера. Они не похожи друг на друга, но все же между ними есть нечто общее — обе они прекрасны.

Кто же это? Две сестры? В их внешности нет ничего, что говорило бы о таком родстве. Одна из них высокая, стройная, с золотисто-смуглым цветом лица, свойственным брюнеткам. Чуть раскосые глаза, орлиный нос и все черты лица делают ее похожей на индианку племени чикасавы, некогда владевшего этим обширным лесом. Возможно, в жилах этой девушки течет их кровь, но кожа ее слишком светла для настоящей индианки. Индейское происхождение особенно подчеркивается ее одеждой. На ней полосатая желтая юбка из домотканой материи и зеленый корсаж из более тонкой ткани, имеющий почти нарядный вид. Блестящие браслеты, излюбленные индейскими красавицами, охватывают ее запястья, несколько рядов ярких бус украшают шею. Расшитые бисером мокасины изящно облегают ноги. Отсутствие головного убора довершает ее сходство с индианкой. Роскошные черные волосы, заплетенные в косу, уложены короной вокруг головы. Вместо гребня и золотых шпилек — алые перья из крыльев виргинского кардинала. Это украшение привлекает на некоторое внимание, уделенное туалету, и вместе с необычной прической оно придает девушке, несмотря на простоту одежды, тот вид, который принято

называть величественным. Однако в ней нет ничего неженственного, хотя, глядя на ее лицо, можно сразу угадать натуру незаурядную, характер скорее решительный, чем мягкий, и сердце, одаренное почти мужской храбростью. Это впечатление усиливается видом легкого ружья, которое она держит в руках, сумки с пулями и рога с порохом, висящими на левом плече. Впрочем, в этих местах многие девушки, подобно ей, носят при себе смертоносное оружие и владеют им с большим искусством.

Красавица, стоящая рядом, совсем на нее не похожа. У нее безупречно правильные черты лица, белоснежная кожа, ослепительный румянец и сияющие золотые волосы.

Девушка эта еще очень молода, почти ребенок.

Одета она еще проще, чем ее спутница: в свободное платье из той же домотканой материи, с вырезом на груди и длинными рукавами. Ее чудесные золотые волосы падают на плечи густыми, длинными локонами, заменяя ей и шаль и головной убор. Нитка жемчуга — конечно, фальшивого — ее единственное украшение. На ней нет ни туфелек, ни чулок, но самая дорогая обувь не могла бы сделать изящнее ее хорошенькие маленькие ножки.

Кто же они, эти прекрасные лесные цветы? Откроем тайну. Они сестры, но от разных матерей и единственные дети охотника, которому принадлежат хижина и участок.

Счастливец! Пусть он беден и дом его убог, но он никогда не будет одиноким. Самый гордый принц может позавидовать ему, обладателю двух сокровищ, бесценных и ни с чем не сравнимых!

Г л а в а II

МЭРИЕН И ЛИЛИЕН

В дверях девушки останавливаются при виде огромной тощей собаки, которая выбегает из конюшни и, неуклюже виляя хвостом, направляется к ним. К ней чрезвычайно подходит ее кличка «Волк», так как, даже ласкаясь, она сохраняет мрачный и свирепый вид. Очевидно, она чего-то хочет и особенно ластится к старшей сестре — Мэриен.

— Здравствуй, Волк, — говорит девушка. — Я вижу, ты голоден, бедняга, и у тебя совсем подвело живот. Что бы дать ему, Лил?

— Не знаю, сестрица. У нас для бедного пса ничего нет.

— Кажется, есть немного оленины.

— Боюсь, отец не позволит отдать ее Волку. Он говорил, что ожидает кого-то к обеду. Ты не знаешь, кого?

Этот вопрос, заданный с лукавой улыбкой, неприятен старшей сестре. Ее лицо затуманивается.

— Знаю. Но со мной этот гость обедать не будет. Я нарочно захватила ружье, так как намерена пообедать в лесу. А скорей всего, обойдусь совсем без обеда. Но не бойся, Волк: буду я обедать или нет, ты свой завтрак получишь... Но в самом деле, Лил, я не представляю себе, чем мы накормим сейчас нашего пса. Я могла бы подстрелить одного из стервятников, которые сидят на том дереве, но даже собака не дотронется до этих мерзких птиц.

— Посмотри, сестрица, вон белка. Я знаю, Волк их ест с удовольствием, только как-то жаль убивать эту малютку.

— Ничуть. Эта малютка ловкая воровка. Она только что побывала в нашем амбаре. Убив ее, я сделаю два добрых дела: накажу воришку и вознагражу преданную собаку. Кш-ш, негодная!

Вспугнутая белка с молниеносной быстротой мчится к ближайшему дереву. Заметив ее, Волк стремглав бросается за нею, но собаке редко удается догнать этих юрких зверьков даже на земле. Белка мигом взбирается на дерево и, усевшись на высокий сук, с пренебрежением смотрит вниз на своего бессильного врага, по временам вызывающе помахивая хвостом. Самоуверенность глупого зверька губит его. Не сомневаясь в своей безопасности, белка не прячется в глубине листвы, а сидит на самом виду, в развилке сука, являясь прекрасной мишенью для охотницы. Девушка поднимает ружье к плечу, прицеливается и стреляет. Зверек, повернувшись несколько раз в воздухе, падает прямо в пасть голодного пса, который тут же с жадностью его пожирает.

Мэриен ничуть не удивляется такому искусству, так же как ее сестра. Для них в этом нет ничего необычного.

— Ты должна научиться стрелять, Лил.

— Зачем, сестрица? Ты ведь знаешь, что у меня нет ни любви к стрельбе, ни твоей ловкости.

— Ловкость дается практикой. А умение стрелять очень полезно. Оно может когда-нибудь пригодиться. Знаешь, отец рассказывал, что, когда в наших местах жили индейцы, каждая девушка умела обращаться с ружьем. Правда, здесь теперь живут только мирные индейцы, ну, а что, если бы ты повстречала в лесу медведя?

— Я бы, конечно, убежала от него.

— А вот я бы этого не сделала. Мне еще не приходилось встречаться в лесу с медведем, но я бы не прочь, чтобы это случилось.

— Ты пугаешь меня, милая Мэриен! Лучше не надо. Я всегда беспокоюсь, когда ты надолго уходишь в лес. Я боюсь, что какой-нибудь страшный зверь растерзает тебя. Скажи, зачем ты ходишь в эти дикие дебри? Не понимаю, что за удовольствие бродить по лесу совсем одной!

— Одной? Может быть, я не всегда одна.

Последние слова Мэриен произносит так тихо, что Лилен не может их расслышать и видит лишь ее улыбку.

— Видишь ли, дорогая Лил, — продолжает Мэриен громче, — у нас с тобой разные вкусы. Ты еще очень молода и предпочитаешь читать оставшиеся после твоей матери книги и рассматривать в них картинки. Моя же мать не оставила мне ни книг, ни картинок. У нее их не было, да, я думаю, она ими и не интересовалась. Ты ведь знаешь, она была наполовину индианка, и я, наверно, пошла в нее, так как предпочитаю не картинки, а подлинную жизнь. Мне нравится бродить по лесу, а все те опасности, о которых ты говоришь, — просто вздор! Я не боюсь ни медведя, ни пантеры, ни какого бы то ни было другого четвероногого. Мне гораздо страшнее некое двуногое животное, а встреча с ним грозит мне как раз в том случае, если я останусь сегодня дома.

Мэриен умолкает и погружается в раздумье, не лишенное горечи. Легкое облако грусти ложится на ее ли-

цо. Она начинает заряжать ружье, но делает это так рассеянно, что даже просыпает порох.

Последние слова сестры и ее задумчивый, опечаленный вид удивляют Лилиен. Но продолжить разговор ей не удается, так как внезапно мимо них с угрожающим рычанием пронесется Волк. Какой-то всадник приближается к участку скваттера.

Это худощавый мужчина лет тридцати, который с первого же взгляда производит отталкивающее впечатление. При виде гостя Мэриен еще больше омрачается, сестра же ее остается равнодушной. Новоприбывший им знаком. Это Джошуа Стеббинс, школьный учитель из Суомпилла. Он друг их отца, и, как известно Лилиен, именно он и ожидается сегодня к обеду. Ее внимание привлекает только то, что гость одет сегодня лучше, чем обычно, и что покрой его платья совсем иной.

— Посмотри, сестрица, — говорит она, весело смеясь, — как наряден сегодня мистер Джош! Черный сюртук и жилет! Стоячий воротничок! Он как две капли воды похож на методистского священника из Суомпилла. Может быть, он тоже стал священником? Это, положим, неудивительно: говорят, он очень учен. Если это так, мы еще, пожалуй, услышим его проповедь на следующем молитвенном собрании. Вот будет интересно!

Прелестная девушка от души смеется своей забавной выдумке. Птицы, услышав ее звонкий, серебристый голосок, умолкают, словно прислушиваясь к музыке, более мелодичной, чем их пение. Пересмешник вторит ей, но Мэриен остается серьезной. Она тоже заметила, что Джош Стеббинс одет иначе, чем обычно, однако на нее это производит совсем иное впечатление. Она не только не улыбается при виде всадника, но лицо ее становится еще суровее.

Мэриен на несколько лет старше сестры и давно понимает, что на свете существует зло. Она достаточно хорошо знает Стеббинса, чтобы питать к нему неприязнь. Судя по его внешности, у нее есть для этого все основания. И Мэриен знает, зачем он сегодня приехал, — он приехал ради нее.

Она встречает гостя не очень любезно, едва скрывая свое отвращение. Даже не будучи пронизательным, учи-

тель мог бы его заметить, но он не обращает на это ни малейшего внимания. Держит он себя так не потому, что преисполнен чванства. Стеббинс — человек совсем иного склада. Но его саркастически-самоуверенный вид и невозмутимо-наглое поведение неприятнее всякого чванства. Черты эти проявляются решительно во всем: и в лаконической манере его приветствия «Здравствуйте, барышни! Отец дома?», и в том, что он без приглашения соскакивает с лошади и грубо толкает Волка, стоящего на его пути, когда ведет свою лошадь к конюшне, и, наконец, в том, как он перекидывает седельную сумку через руку и входит в дом так, словно он здесь хозяин.

В хижине его встречает сам скваттер. Даже случайный наблюдатель мог бы заметить странную разницу в их поведении при обмене приветствиями. Гость полон безразличия и циничной самоуверенности, хозяин взволнован и обеспокоен и ему как будто не по себе. Что-то многозначительное есть и в самом приветствии и в последующем маленьком эпизоде.

Не успели они обменяться несколькими словами, как учитель спокойно поворачивается и закрывает дверь хижины, причем скваттер не протестует ни словом, ни жестом. Его поступок может показаться несущественным, но для Мэриен он полон значения. Стоя около дома, она наблюдает за всем, не пропуская ни одного движения, ни одного слова.

Почему Джош Стеббинс закрыл дверь — эту грубо сколоченную дверь, которая день и ночь стоит открытая, болтаясь на петлях из сыромятной кожи? Ее закрывают, лишь когда дует холодный ветер или с запада несется буря с дождем. Почему же он сейчас закрыл ее, и притом так бесцеремонно? Неудивительно, что Мэриен придает значение этому поступку.

Она заметила и то, как был взволнован отец, когда встречал гостя, — ее отец, который в чем угодно присутствию всегда был смел и независим, — и сердце ее болезненно сжимается.

Для такого непонятого поведения должна быть причина, думает она, и причина серьезная.

Некоторое время девушка стоит на прежнем месте. Сестра ее отошла к речке, чтобы нарвать цветов, расту-

щих на берегу, и Мэриен осталась одна. Не отрывая глаз смотрит она на дверь хижины. Девушка колеблется. Ей хочется подойти и послушать. Подойти или нет? Она о многом догадывается, но ей хочется знать больше. Что учитель приехал ради нее, она уверена, но сейчас ее беспокоит другое. Предоставленная самой себе, она сумела бы решительно и быстро отделаться от подобного поклонника. Но почему отец готов сдать на просьбы своего гостя? Вот что она хочет разгадать.

Может быть, причина — денежный долг? Вряд ли. В лесной глуши не очень считаются с законом, и власть кредитора — не та власть, которой покорился бы бесстрашный и своевольный Хикман Холт. Вот почему девушку мучат подозрения, что существует другая причина. Но какая? Она должна ее узнать.

Мэриен делает шаг по направлению к хижине, словно намереваясь подслушать разговор, и снова останавливается в нерешительности. Ее смущают просветы между бревнами и щели в двери. Невозможно подойти близко, не будучи замеченной, и всякая попытка подслушать будет немедленно обнаружена. Но эта ли мысль останавливает Мэриен и заставляет ее вернуться? Или ею руководят более благородные побуждения? Как бы там ни было, но девушка внезапно меняет свое решение. Она отходит от дома и некоторое время стоит, пристально глядя в лес, словно желая броситься в манящую глубину. Прощальный привет сестре, знак Волку следовать за нею — и Мэриен уходит.

Куда и зачем? Почему ей нравятся уединенные прогулки под сенью девственного леса? Любовь к романтическим прогулкам в лесу появилась у девушки лишь недавно, не более месяца назад.

Скваттер не препятствует увлечению дочери охотой. Больше того: он поощряет его и даже гордится смелой дочерью. Хотя он и белый, но, прожив столько времени бок о бок с индейцами, воспринял многие их взгляды и считает, что охота самое благородное занятие даже для женщины. Думает ли так же прекрасная Мэриен? Или по другой причине она так часто уходит из дома?

Последуем за нею в лес. Может быть, там мы найдем ответ на этот вопрос.

Г л а в а III

МЕСТО СВИДАНИЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

Взгляните на эту лесную поляну! Она расчищена не рукой человека — сама природа создала в лесу открытое место, на котором не растет ни одного дерева, а только кустарник, благоухающие травы и яркие цветы.

Поляна эта невелика, не больше того маленького участка, где скваттер выращивает свою кукурузу, и находится всего лишь в одной миле от его хижины. Она окружена лесными гигантами, среди которых выделяются тополя, магнолии и величественные дубы. По самому ее краю теснятся деревья более мелких пород, рядами возвышаясь друг за другом, как места в амфитеатре, словно лес склоняется, чтобы поцеловать пестреющие в траве цветы.

Из разновидностей этих более мелких пород здесь встречается сассафорас, широко известный своими целебными свойствами, благородный каролинский лавр с пахучими листьями, красная шелковица и особенное, единственное в своем роде, дерево маклюра, из которого индейцы выделяют свои луки. Тут растет и папайя, что доказывает необычайное плодородие дешней почвы.

Почему же скваттер не поставил свою хижину здесь, на готовой вырубке? Объяснение простое: поляна находится на расстоянии мили от речки, протекающей мимо хижины скваттера, а другой воды в окрестностях нет. Природа словно оберегает прелестный лесной уголок от осквернения его человеком.

Тем не менее люди посещают его.

В это прекрасное майское утро, с которого мы начинаем наше повествование, на поляну легким, упругим шагом вступает какой-то человек. Его гибкий стан и свежее лицо говорят о юности, а костюм и ружье — о том, что он охотник. В его безупречно стройной фигуре чувствуется сила, открытое и смелое лицо освещается мягкими карими глазами, а слегка выступающий вперед подбородок говорит о твердом характере и упорстве в достижении намеченной цели. Если добавить к этому каштановые кудри, крепкую округлую шею, дугообразные брови и небольшой рот с ровными белыми зубами, перед вами бу-

дет законченный портрет этого молодого человека — настоящее воплощение идеала мужской красоты.

Но заметно, что своей внешностью молодой человек занимается очень мало и не слишком часто прибегает к помощи гребня и щетки.

Костюм молодого охотника тоже в своем роде совершенство. На нем охотничья куртка из красновато-коричневой оленьей кожи, капюшон и края которой отделаны бахромой. На ногах зеленые суконные обмотки и пара крепких мокасин на толстой подошве. Высокая енотовая шапка сдвинута на правое ухо. Этот головной убор очень живописен — спереди красуется морда зверя, а сзади свисает хвост с поперечно чередующимися полосами. Пояс, короткий охотничий нож в ножнах, пороховой рог и сумка с пулями, висящие на правом боку, дополняют его наряд. Вот и все. Нет, не совсем: необходимо упомянуть о ружье.

Таков Френк Уингроув, отважный молодой житель лесной глуши, призвание которого — охота.

Выйдя на лужайку, молодой человек пересекает ее. Он идет медленно, но не той крадущейся походкой, которая свойственна охотникам Нового Света. Шаг его тверд, и он даже что-то напевает сквозь зубы. Несмотря на то что молодой красавец снаряжен для охоты, видно, что вышел он не за дичью. Сегодня утром Уингроув отправился в лес с другой целью, и, судя по его веселому виду, с целью весьма приятной. Даже птицы кажутся менее веселыми, чем он.

На открытой, пестреющей цветами поляне его радостное настроение достигает высшей точки, и он начинает громко петь известную песенку «Лесоруб, пощади это дерево».

Охотник выглядит, как человек, который пришел на свидание и уверен, что скоро встретится с возлюбленной. На противоположном краю лужайки лежит поваленное бурей дерево. Его ветви и кора давно уже исчезли, остался один побелевший ствол. Охотник направляется к нему и усаживается с видом человека, знающего, что ждать ему придется недолго.

Посреди лужайки, деля ее пополам, вьется едва заметная тропинка, идущая от ручья, на берегу которого

стоит хижина скваттера Холта, к другому ручью, впадающему в ту же реку, — Обайон. Там, на его берегах, много участков скваттеров, и там же расположен большой поселок Суомпвилл, громко величаемый «городом». Френк Уингроув устремляет взор на то место, где тропинка выходит из леса, но не со стороны Суомпвилла, а от участка скваттера. По-видимому, та, кого он ожидает, должна прийти именно оттуда.

Проходит довольно много времени, но никто не появляется. Охотник начинает проявлять признаки нетерпения, встает, затем снова садится. Он поглядывает на солнце, которое служит часами для жителей лесов, и чем выше поднимается на небе сияющий диск, тем больше падает настроение молодого охотника. Веселость его пропала. Он давно перестал петь, и лишь изредка слышатся его нетерпеливые возгласы.

Вдруг его лицо снова проясняется. Как раз оттуда, куда устремлены его глаза, доносится легкий шум. Кто-то подходит к лужайке. Молодой охотник вскакивает и напряженно прислушивается. Вскоре до него доносятся голоса. Радость на его лице сменяется удивлением, а потом печальным разочарованием.

— Кто-то разговаривает,—бормочет он вполголоса,— значит, она идет не одна. Кто это может с ней быть?

Он умолкает и снова еще напряженней прислушивается. Шум приближается, голоса становятся громче, и можно уже различить, что разговаривают несколько человек. Некоторое время охотник стоит, угрюмо вглядываясь в то место, где тропинка выходит из леса. Но ждать приходится недолго. Расслышав голоса более отчетливо, он узнает гортанные звуки индейской речи, и печаль на его лице сменяется досадой.

— Эх! — восклицает он, снова опускаясь на бревно.— Это не она, а какая-то банда краснокожих. Какой черт принес их сюда как раз в такую минуту, когда они совсем не нужны! — после короткого раздумья он встает, продолжая бормотать: — Нужно спрятаться, иначе они останутся поговорить. Это не годится, она уже, наверное, недалеко. Вот не везет! Будь они прокляты!

Закончив эту изысканную тираду, охотник поспешно обходит бревно, направляясь к ближайшим кустам, что-

бы спрятаться за ними. Но он опоздал. Характерное горланное восклицание «ак», раздавшееся на противоположном краю поляны, служит тому подтверждением и изменяет его намерения: он поворачивается и медленно направляется к своему прежнему месту.

Охотник не ошибся — на поляне появляются три индейца. Они одеты в пестрые рваные одеяла, высокие, до колен, гетры и мокасины. По индейскому обычаю, они, даже выйдя на открытую поляну, продолжают идти гуськом.

Присутствие индейцев в этих лесах требует объяснения. Их племя давно переселено на запад от Миссисипи, но некоторые семьи все-таки остались на той земле, где протекала их молодость. Они живут, подобно своим предкам, в шалашах или под открытым небом и поддерживают свое существование, торгуя всякой мелкой утварью собственного изготовления.

Совершенно очевидно, что трое людей, появившихся на поляне, составляют одну семью или часть семьи. Это отец, мать и дочь, еще очень молоденькая девушка. Впереди идет мужчина, за ним женщина, замыкает шествие девушка. Цель их путешествия ясна: в огромной корзине, которую тащит на спине мать семейства, лежат лисьи и енотовые шкуры и маленькие раскрашенные корзиночки, а в руках у дочери — вышитые бисером мокасины и пояса из мелких раковин. Зачем они направляются в Суомпвилл, догадаться нетрудно.

Верный обычаям своих отцов, индеец ничего не несет, если не считать болтающегося на плече заржавленного ружья и заткнутого за пояс маленького топорика, придающих этому шествующему на рынок человеку весьма грозный вид.

Г л а в а IV

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ПОЦЕЛУИ

Бревно, на которое сел молодой охотник, лежит в нескольких шагах от тропинки. Индейскую семью, проходящую мимо него, он немного знает и поэтому слегка кивает им головой, но не произносит ни слова. Он не желает вступать с ними в разговор по причине, нам известной.

Индеец проходит мимо не останавливаясь, за ним, сгибаясь под тяжестью корзины, следует его жена. Девушка же замедляет шаги, словно ей что-то внезапно приходит в голову. Она сворачивает с тропинки и подходит к охотнику.

Зачем? Может быть, это ее он ждет с таким нетерпением? Конечно, нет! Правда, девушку никто не назвал бы некрасивой. Ее блестящие, слегка раскосые глаза не лишены очарования, и яркий румянец, проступающий сквозь бронзовую кожу, очень красив, так же как и роскошные черные волосы. Так, может быть, это та, которую он ждет? Не раз случалось гордым бледнолицым класть свое сердце к ногам прекрасных индейских девушек! Но нет, охотник даже не встает, чтобы поздороваться с нею, и наблюдает за ее приближением равнодушно и даже с неудовольствием.

Вскоре становится ясно, зачем она подходит. На ее руке висит сумка для пуль из белой оленьей кожи, богато украшенная иглами дикобраза. Подойдя ближе, девушка протягивает ее охотнику, словно намереваясь сделать ему подарок. Можно подумать, что сумка представляет собой «залог любви»; но слово «доллар», произнесенное краснокожей красавицей, совершенно исключает возможность такого предположения. Индейская девушка просто предлагает бледнолицему купить сумку и имеет все основания рассчитывать на удачу, ибо вещь действительно красива и не может не вызвать восхищения. Френк Уингроув с восторгом смотрит на сумку — он знает, что девушка просит очень дешево. Охотник как раз собирался купить себе новую сумку для пуль, так как его старая, сделанная из меха дикой кошки, совсем износилась и засалилась. С некоторых пор он стал обращать внимание на свой костюм (не трудно догадаться, почему). Чудесная сумка так подойдет к его новой охотничьей куртке! Он как раз мечтал о такой! Ведь Мэриен... Он долго не раздумывает. По счастью, у него находится требуемый доллар, и в следующую минуту серебряная монета уже блестит на ладони индианки.

Но индианка не сразу отдает ему его покупку. Какая-то мысль внезапно приходит в голову прекрасной продавщице, и она на мгновение задерживает свой взгляд

на красивом лице охотника. Что это—любопытство? Или нежное чувство, внезапно вспыхнувшее в ее сердце? Девушка колеблется лишь мгновение. С нерешительной улыбкой она приближается к молодому человеку, высоко подняв сумку, и расправляет на ней ремень, очевидно собираясь сама надеть ее на плечо прекрасного охотника. И он не уклоняется от этой услуги. Он не был бы Френком Уингроуом, если бы сделал это. Наоборот, он наклоняется к девушке, чтобы помочь ей, причем их лица оказываются так близко друг к другу, что губы почти соприкасаются. Кажется, что индианка забыла, зачем она так близко подошла к охотнику. Девушка очень неловко надевает ему сумку на плечо через голову, причем ее пальцы запутываются в его каштановых кудрях, выбивающихся из-под шапки. Но индейская красавица ничего не замечает и пристально смотрит ему в глаза.

Сначала Уингроув делает слабую попытку отодвинуться, но легкая усмешка, появляющаяся на его губах, доказывает, что он отнюдь не считает свое положение неприятным. Однако какая-то мысль прогоняет улыбку с его уст.

«Черт возьми! — думает он. — Если бы Мэриен увидела меня сейчас, она решила бы, что я влюблен в эту молодую скво¹. Она уже ревновала меня к ней!»

Но мысль мелькнула и исчезла вместе с воспоминанием о Мэриен. Любезность индейской девушки должна быть вознаграждена поцелуем. Она не сопротивляется. Их губы почти встречаются... Но поцелуй тут же прерван. Раздается лай собаки и подавленный женский крик. В ужасе охотник отшатывается, но лицо индианки выражает лишь удивление. Оба смотрят на противоположную сторону поляны. Там стоит Мэриен Холт!

Щеки Уингроува пылают. На его лице испуг и смущение. В полном смятении он довольно грубо отстраняет от себя индианку.

— Уходи! — тихо говорит он. — Ради бога, уходи! Ты погубила меня!

¹ Скво (индейск.) — женщина.



*...Оба смотрят в противоположную сторону поляны. Там стоит
Мэриен Холт!*

Пораженная такой неожиданной переменной, индианка сначала повинуетя и, с упреком взглянув на него, неохотно направляется к тропинке, но, не дойдя до нее, внезапно поворачивается и быстро идет назад.

Уингроув изумлен и немного испуган. Прежде чем он успевает опомниться, индианка вплотную подходит к нему, срывает с его плеча ту самую сумку, которую только что надела, и швыряет серебряную монету ему под ноги. Громко и злобно бросив ему в лицо: «Бледнолицый лжец!» — она резко поворачивается и исчезает в лесу.

Все это происходит в течение нескольких мгновений. Мэриен стоит неподвижно и молчит, словно вырвавшийся из груди крик лишил ее дара речи. Стройная фигура девушки в яркой одежде, вырисовывающаяся на фоне зеленой листвы, уложенные короной блестящие волосы, рука, опирающаяся на ружье, и огромная собака рядом — в этой картине есть что-то величественное и в то же время грозное. Мэриен похожа на охотницу, которую Диана из зависти превратила в каменное изваяние. Но глаза ее, мечущие молнии гнева, и лицо, то вспыхивающее румянцем, то бледнеющее, говорят о том, что перед вами не статуя, а живая женщина, охваченная гневным возмущением.

Уингроув в отчаянии не знает, что делать, что сказать. В страшном смятении он бросается к девушке, зовет ее по имени. Но на полпути он останавливается, услышав ее гневный голос.

— Френк Уингроув! — кричит она. — Не подходи ко мне! Нам больше не по пути. Уходи! Отправляйся к своей индейской красотке. Ты найдешь ее в Суомпилле, где она, наверное, продает свои дешевые поцелуи таким же бессердечным негодяям, как ты! Изменник! Между нами все кончено!

Не ожидая ответа, даже не интересуясь, какое впечатление произвели ее слова, Мэриен Холт скрывается в лесу. Молодой охотник слишком потрясен, чтобы идти за нею. В его ушах еще звучат слова «бледнолицый лжец» и «изменник». Наконец его взгляд случайно падает на бревно, он машинально возвращается к нему и садится, чтобы обдумать последствия своего злополучного легкомыслия.

Глава V
СКВАТТЕР И «СВЯТОЙ»

Теперь вернемся к хижине скваттера и войдем в нее. В ней нет ничего примечательного или достойного описания. Она состоит из одной комнаты с бревенчатыми стенами; один угол отгорожен занавеской из шкур черного медведя и лани. Это «спальня» Мэриен и Лилиен.

Как ни просто все в уголке за перегородкой, в нем можно найти несколько реликвий, сохранившихся от давно ушедших лучших дней, проведенных не здесь, а где-то далеко, в других местах. На маленькой полке лежат книги, оставшиеся Лилиен после ее матери, и тут же стоит кое-какая мебель, может быть, не очень дорогая, но вполне приличная. В таких глухих местах вещи подобного рода встречаются чрезвычайно редко даже у более зажиточных людей, чем скваттер Холт.

Вся остальная обстановка состоит из двух табуреток и стола, сколоченного из тополевых досок. Железный котелок, несколько кастрюль, сковородок и жестяных ведер, тарелки из того же материала, выдолбленная тыква, служащая ковшом, полдюжины простых ножей, вилок и ложек составляют всю домашнюю утварь.

На стене висит шкура недавно убитой пумы, а возле нее красуются другие меха: лисицы, енота, рыси, мускусной крысы и норки. Они украшают голые стены хижины, придавая ей жилой вид. У двери висит старое седло, и рядом, на деревянном колышке, — уздечка. Поводья стали черными от долгого употребления, а мундштук совсем заржавел.

Несколько светлых женских платьев виднеются на стене около занавески. Да, эта хижина представляет собой весьма примитивное жилище. Ее можно сравнить с грубой шкатулкой, в которую заключены два сверкающих бесценных бриллианта.

В данное время в доме находятся два человека, к которым такое сравнение никак не относится. Это уже упомянутые выше охотники Хикман Холт и его гость — Джошуа Стеббинс, школьный учитель из Суомпилла. О внешности учителя уже было сказано несколько слов, но она заслуживает более подробного описания. Его то-

шая фигура и отталкивающая физиономия уже упоминались. Добавьте к этому маленький рост, землистый цвет кожи, срезанный подбородок, острый крючковатый нос и прямые жидкие черные волосы, падающие на лоб до маленьких, как у хорька, глубоко посаженных глаз. Придайте этому лицу зловещее выражение, и перед вами будет портрет Джошуа Стеббинса. Трудно сказать, почему облик учителя вызывает отвращение: черты его лица довольно правильны, и, если бы не землистый оттенок кожи, вряд ли можно было бы назвать Стеббинса некрасивым. Глаза его не косят, а тонкие губы сложены в благочестивую улыбку. Может быть, именно это напускное благочестие, столь очевидно не соответствующее внутренней сущности Джошуа Стеббинса, и производит отталкивающее впечатление. В юности лицо его было, по видимому, более привлекательным, но с тех пор на него легла печать порока.

Трудно себе представить, чтобы этот человек мог когда-нибудь предаваться греховным страстям, которые так не вяжутся с его теперешней профессией и поведением. Но Джошуа Стеббинс не всегда был школьным учителем. Кроме того, в такой глуши учителями могут стать самые разные люди. Стеббинс поселился здесь недавно и до сих пор проявлял себя с самой лучшей стороны. Вот почему, чтобы усилить впечатление добродетели и святости, он одевается, как священник: носит шляпу с загнутыми лодочкой полями, сюртук, жилет, брюки из дешевого черного сукна и белый галстук.

Джошуа Стеббинс не священник, хотя, как это будет видно дальше, не одной только одеждой ограничивается его причастность к духовному званию. В недавнем прошлом писец в конторе адвоката и школьный учитель Сумпвилла, он стал «апостолом» мормонов¹, или, как он себя называет, «святым последних дней».

События, о которых мы сейчас рассказываем, проис-

¹ Мормоны — американская религиозная секта, основанная в 1830 году Джозефом Смитом. Религия мормонов представляет собой смесь языческих и христианских верований и разрешает многоженство. В 50-х годах XIX века секта возглавлялась «пророком» Бригхемом Юнгом.

ходили в первое десятилетие после возникновения мормонской секты, и Холт еще не знал, что Джошуа стал ее последователем. Вот почему он с удивлением рассматривает необычный покррой одежды своего гостя.

Трудно себе представить большой контраст между двумя людьми, чем тот, что существует между Стеббинсом и скваттером. Если бы мы выбрали для них два соответствующих типа в мире зверей, то первого можно было бы сравнить с хитрой лисой, а второго, то есть скваттера, — с гризли.

Хикман Холт — человек огромного роста, с косматой седеющей бородой песочного цвета, достигающей второй пуговицы его куртки, с густыми, торчащими, как щетина кабана, бровями над серо-зелеными глазами и с широким синевато-багровым шрамом на левой щеке. Все вместе взятое придает его лицу выражение ничем не смягченной свирепости, вызывая у окружающих чувство невольной робости и даже страха. Выражение это подчеркивается красным бумажным платком, обвязанным вокруг головы и низко надвинутым на лоб. На нем длинная, свободная куртка из толстого зеленого сукна, поношенная и выцветшая, красная фланелевая рубашка, заменяющая ему жилет, и панталоны из синей кентуккийской бумази, которые едва видны из-под куртки, так как полы ее достигают высоких грубых сапог из лошадиной кожи.

Неужели это отец Мэриен и Лилиен? Возможно ли, что из столь грубого и корявого ствола могли вырасти такие грациозные ветви, такие пленительные цветы? В таком случае, их матери, вероятно, были исключительными красавицами? Да. Они были прекрасны — были, ибо обе уже умерли и Хикман Холт — дважды вдовец. Давно похоронил он метиску, мать Мэриен, а затем, всего лишь несколько лет назад, ее нежная золотоволосая приемница также преждевременно сошла в могилу.

Случилось это в одном из поселков, расположенных ближе к цивилизованному району. Соседи шептались по поводу второго вдовства Хикмана Холта, и разговоры их умолкли лишь после переезда его дальше на запад, в девственный лес, где мы и встречаемся с ним. Здесь никто ничего не знает о его прошлом, кроме человека, находящегося сейчас в его хижине.

* * *

Гость, казалось бы, должен испытывать почтение к грозному хозяину. Но происходит обратное: скваттер угодливо и смущенно, даже в некотором замешательстве, здоровается со школьным учителем. Тот же держится холодно и высокомерно, и насмешливая, полупрезрительная улыбка не сходит с его тонких губ. Даже поверхностный наблюдатель заметил бы, что подлинным хозяином является здесь не скваттер, а ничтожный, невзрачный человек — Джошуа Стеббинс!

Г л а в а VI

АПОСТОЛ

Утро было теплое, но в очаге еще тлели угли от хвороста, на котором только что готовился завтрак.

По обе стороны очага скваттер поставил по табурету — для гостя и для себя, а между ними стол с двумя треснувшими чашками и бутылкой виски. Тут же лежали две трубки из кукурузных стеблей и немного черного табаку. Все было приготовлено заранее; поэтому Лилиен и сказала, что в этот день Хикман Холт ожидает гостя.

Пока гость и хозяин не сели за стол, они не обменялись ни единым словом, кроме обычного приветствия. Наконец скваттер заговорил.

— Вы, наверное, устали с дороги, Джэш, и не прочь прополоскать себе глотку, — сказал он, протягивая руку за бутылкой. — Попробуйте-ка этой бурды. Напиток, конечно, не слишком изысканный и не совсем удобно предлагать его такому франту, как вы, но в наших дебрях приходится пить и не такую дрянь. Желаете разбавить — возьмите воду из кувшина.

— Не надо, — коротко ответил гость.

— Вы правы, так лучше. Я купил это пойло в Суомпилле у Хэтчера. Прежде чем продать, он сам разбавляет его водой. Наверное, чтобы избавить нас от лишних хлопот. Ха-ха-ха!

Скваттер расхохотался над своей остротой не потому, что она ему очень понравилась, а просто стараясь развеселить своего молчаливого гостя. Вместо ответа на тон-

ких губах Стеббинса промелькнула саркастическая, полупрезрительная улыбка.

Они молча выпили.

И снова Холту пришлось первому возобновить разговор. Он сразу заметил, что гость его одет не так, как обычно, и решил заговорить на эту тему.

— Послушайте, Джош, — начал он, пытаясь говорить шутливо, — по какому случаю вы так вырядились сегодня? Ведь на вас все с иголки, новое, да и костюм точь-в-точь как у этих ханжей-проповедников, которые заходят в Суомпвилл. Черт возьми, я вижу, вы что-то задумали. Не стали же вы набожным!

— Нет, стал, — серьезно ответил Стеббинс.

— Ну? Ха-ха-ха! К какой же религии вы примкнули, Джош?

— К истинной, брат Холт.

— Стали методистом?

— Ничего подобного.

— Кем же? Ведь в Суомпвилле все методисты.

— Нет. Моя религия совсем другая и ничего общего не имеет с той, которую исповедуют суомпвиллские лавочники. Господь в своей неизреченной милости указал мне истинный путь к спасению. Полагаю, брат Холт, вы слышали о новом откровении?

— О новом откровении? Нет, не слышал. А что это такое?

— Я имею в виду учение мормонов.

— А-а, мормоны! Мне говорили, что они проповедовали не то в Миссури, не то в Иллинойсе, пока их оттуда не выгнали.

— Да, брат Холт, гнусные противники нашей веры злобно преследуют святых.

— Кажется, их главного святого убили. Фамилия его как будто была Смит?

— Увы! Это правда. Джозеф Смит принял мученический венец и сейчас находится на небесах, первый среди сонма ангелов.

— Но от кого вы услышали об этой религии, Джош Стеббинс? Кто надоумил вас стать мормоном?

— Вы помните человека, с которым я был у вас прошлой осенью?

— Конечно. Мне даже запомнилось его имя — Юнг... Бригхем Юнг — так, кажется, вы его называли?

— Он самый.

— Я помню его хорошо, но думаю, что Мэриен помнит еще лучше. Он пытался заигрывать с моей девчонкой, говорил ей всякие любезности, только ей они пришлись не по вкусу. Вы помните, какую шутку она с ним сыграла? А? Она расстегнула подпругу на его лошади как раз в ту минуту, когда ваш приятель на нее сажился, и он полетел вверх тормашками на землю со всеми сумками и седлом. После его отъезда я так смеялся, что чуть не лопнул.

— Вы согрешили, Хикман Холт, поощряя дерзкие выходы вашей дочери. Если бы вы знали, кто посетил вас! В вашем доме, сэр, был пророк!

— Пророк!

— Да, величайший пророк, которого еще не видел мир, человек, находящийся в непосредственном общении с самим всевышним!

— Черт! Но ведь это был не Джо Смит?

— Нет. Но он не менее велик, ибо унаследовал дух Джозефа Смита и теперь стоит во главе мормонов.

— Тот парень, что был здесь, — во главе мормонов? Да что вы, Джош Стеббинс!

— Вполне понятно, что вы удивлены. Я тоже в свое время был поражен, Хикман Холт. Это он указал мне верный путь к спасению. Лишь благодаря ему я понял свои заблуждения.

Скваттер недоверчиво посмотрел на Стеббинса, но ничего не ответил.

— Да, — продолжал гость, — тот самый человек, что однажды был в вашем убогом жилище, теперь первосвященник мормонов. Он возложил руки на мою недостойную голову и сделал меня одним из своих смиренных апостолов. Да, одним из двенадцати, тем, кому поручено распространять истинную веру святых по всему миру.

— Ого, Джош Стеббинс! — воскликнул скваттер. — Работа как раз для вас — вы же человек ученый.

— Несомненно, брат Холт. Я надеюсь, что с помощью всевышнего я сумею применить с пользой свои скромные знания. Несмотря на то что только бог может открыть

нам, бедным грешникам, небесные врата, он в своем бесконечном милосердии дозволит мне, своему недостойному слуге, указывать заблудшим узкий путь, ведущий в царство божье.

— Не потому ли вы явились сюда сегодня, что решили начать с меня и сделать из меня мормона?

До этой минуты разговор был натянутым и принужденным, потому что скваттер не мог скрыть тревогу, несмотря на все свои усилия казаться веселым. Стеббинс предупредил его о своем визите, и он знал, что учитель приехал по важному делу. Он задал Стеббинсу последний вопрос, чтобы заставить того объяснить наконец цель его приезда.

Как рад был бы скваттер, если бы учитель подтвердил его предположение! В сущности говоря, ему ничего не стоило примкнуть к секте мормонов или сделать вид, что он стал их последователем. В душе Холта затеплилась надежда, что именно это привело к нему Стеббинса, и лицо его немного просветлело. Но оно тут же снова затуманилось, поскольку «святой» не торопился с ответом.

— Имейте в виду, Джош, — продолжал Холт, стараясь говорить беззаботно, — меня будет трудно убедить. Вам предстоит нелегкая задача.

— Я так и думал, — сухо отозвался апостол, — вот почему я и не собираюсь убеждать вас. Не скрою, мне хотелось бы видеть вас среди верных, брат Холт. Наш первосвященник был бы доволен. Нам нужны такие люди, как вы, Хикман Холт, — сильные телом и духом, ибо господь дал право своему пророку защищать истинную веру даже оружием, и горе тому, кто пойдет против нас! Да убоятся враги наши ангелов-мстителей!

— Ангелов-мстителей? А что это такое?

— Это даниты¹.

— Я все равно ничего не понимаю, Джош. Бросьте меня морочить. Кто такие даниты?

¹ Даниты (от имени Дана, одного из сыновей библейского патриарха Иакова), или «ангелы-мстители», — специальный отряд у мормонов, которому вменяли в обязанность исполнение тайных смертных приговоров.

— Это вы можете узнать только после посвящения. Скажу одно: вы созданы быть данитом. И я не сомневаюсь, что вы станете одним из них, как только обратитесь в истинную веру.

Апостол замолчал, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова. Но охотник, казалось, их не слышал; в эту минуту он пытался отгадать, что же привело сюда Стеббинса, и его сердце сжималось от дурных предчувствий. У него было много оснований предполагать, что разговор коснется его дочерей. И действительно, после некоторого молчания мормон наконец произнес:

— Слушайте, Хикман Холт, дело, по которому я сегодня приехал, касается не вас... то есть, вернее, не совсем вас.

— А кого же?

— Вашей дочери.

Г л а в а VII

ТРЕБОВАНИЕ МОРМОНА

По огромному телу скваттера пробежала дрожь. Он напряг всю силу воли, чтобы скрыть охвативший его трепет, но учитель заметил этот страх и прекрасно понял, чем он был вызван. Бывший писец адвоката хорошо умел читать выражение человеческого лица, и его трудно было обмануть.

— Моей дочери? — пробормотал Холт, машинально повторяя слова Стеббинса.

— Да, вашей дочери, — невозмутимо повторил мормон.

— Но которой? У меня их две.

— Вы прекрасно знаете, о ком я говорю, — о Мэриен.

— А что нужно вам от нее, Джош?

— Полно вам притворяться, брат Холт! Я с вами об этом уже говорил.

— Провалиться мне на этом месте, если я что-нибудь понимаю! Я помню, что вы говорили, но я думал, вы шутите.

— Я говорил совершенно серьезно, брат Холт. А сейчас говорю с вами ещё серьезнее. Мне нужна жена, и я

считаю, что Мэриен для этого подходит. Да, между прочим, известно ли вам, что святые не живут более в Иллинойсе, а поселились за Скалистыми горами?

— Я что-то об этом слышал.

— Ну, так вот, я собираюсь ехать к ним и должен привезти с собой жену. Мормону полагается быть женатым, иначе он не может рассчитывать на радушный прием.

— Д-да, — с горькой усмешкой процедил скваттер.— И, судя по тому, что я слышал о мормонах, тот, кто привезет их с полдюжины, будет принят еще радужнее.

— Вы говорите вздор, Хикман Холт! Я удивляюсь, как человек с вашим здравым смыслом может верить такой выдумке. Это сплетни, распространяемые кучкой священников и методистских проповедников. Они нам завидуют и не могут примириться с тем, что люди их паствы один за другим переходят к нам. Все это злобная клевета, в которой нет ни единого слова правды.

— Ну, этого я не знаю. Но зато уверен в другом: Мэриен никогда не даст согласия быть вашей женой.

— А мне не нужно ее согласия. С меня достаточно вашего.

— Моего?

— Ну да, вашего. И вы должны его дать. Послушайте, Хикман Холт! Мы слишком много говорим. У меня нет времени повторять одно и то же. Все уже подготовлено к отъезду. Я собираюсь выехать к Большому Солленому озеру через три дня. Из форта Смит на реке Арканзасе отправляется туда караван. К тому времени, как я туда приеду, он как раз будет готов тронуться в путь. Я уже купил упряжку и фургон. Он нагружен всем необходимым, и в нем оставлено место специально для вашей дочери. Она должна ехать.

Тон учителя внезапно из елейно-благочестивого стал повелительным и наглым, а скваттер, несмотря на свой грозный вид, не осмеливался отвечать ему тем же. Он, очевидно, был чем-то сильно испуган.

— «Должна!» — машинально пробормотал он.

— Да, должна и поедет.

— Говорю вам еще раз, Джош Стеббинс, она ни за что не согласится.

— А я говорю вам, Хикман Холт, что мне не нужно

ее согласия. Добиться его я предоставляю вам, а если она не захочет, вы должны принудить ее силой. Скажите, пожалуйста, чего лучшего ей еще желать? Хороший муж, хороший дом, вдоволь еды, питья и нарядов! Имейте в виду, что мы, мормоны, не похожи на лицемерных ханжей других вероучений, думающих, что угождают богу тем, что умерщвляют свою плоть. Как раз наоборот, уверяю вас. Господь создал людей, чтобы они ели, пили и веселились. Посмотрите! — И с этими словами Стеббинс вынул из кармана горсть блестящих золотых монет. — Вот как живут апостолы нашей церкви. Вашей дочери со мной будет в тысячу раз лучше, чем с вами в этой жалкой лачуге. А может быть, она вовсе и не будет возражать против перемены жизни? Я знаю, что многие самые красивые девушки с радостью приняли бы мое предложение.

— Только не Мэриен, — снова возразил скваттер. — А кроме того, она не захочет, чтобы из нее сделали мормонку. Она терпеть не может этих ваших святых.

— А я говорю вам, что Мэриен должна покориться. В конце концов, совершенно не обязательно говорить ей, что я мормон. Пусть она думает, что мне просто хочется переехать дальше на запад — в Орегон, тем более что туда сейчас переселяется очень много почетных и уважаемых людей. Тогда мой отъезд не покажется ей подозрительным. А когда она окажется в Солт-Лейк-Сити, она скоро привыкнет к нашей жизни.

В течение нескольких минут скваттер молча сидел, опустив голову на могучую грудь. Он словно искал в глубине своей души ответа, как поступить и что сказать. В нем бушевали противоречивые чувства. Холт любил свою дочь и хотел предоставить ей право распоряжаться собой, но боялся этого святоши, ее поклонника, и не осмеливался противоречить ему. Власть этого плюгавого человечка над гигантом могла объясняться только какой-то страшной тайной или дьявольской хитростью.

Время шло, но скваттер по-прежнему молчал. Он все еще колебался и никак не мог решить, что ему ответить.

Несколько раз он украдкой взглядывал на своего гостя, но лицо Стеббинса оставалось неумолимым и беспощадным.



— *Черт побери!* — взревел скваттер, встав во весь свой исполинский рост. — *Она никуда с вами не поедет!*

Вдруг скваттер поднял голову. Очевидно, он решил не уступать. Лицо его внезапно преобразилось и приняло угрожающее выражение. Торжествующий вид лжесвятого взбесил его даже больше, чем предъявленное требование. Скваттера охватил неукротимый гнев, который можно было сравнить лишь с яростью бизона, пронзенного стрелой индейца, или кита, доведенного до безумия острой гарпунщика. Он словно очнулся от летаргического сна, вскочил на ноги и выпрямился перед своим мучителем во весь исполинский рост.

— **Черт побери!** — взревел он, топнув тяжелым сапогом. — Она никуда с вами не поедет!

— Не горячитесь, Хикман Холт, — невозмутимо ответил мормон, продолжая спокойно сидеть на своем месте. — Не горячитесь! Я так и знал, что вы вспылите. Но ведь ваши угрозы не стоят выеденного яйца. Повторяю: она должна ехать и поедет.

— Берегитесь, Джош Стеббинс, берегитесь! Вы не знаете, до чего вы можете довести меня...

— Но я знаю, к чему я могу вас привести, — перебил с насмешливой улыбкой апостол.

— К чему? — удивленно вырвалось у Холта.

— К виселице, — коротко ответил Стеббинс.

— **Будьте вы трижды прокляты!** — зарычал скваттер, скрежеща зубами, но одновременно на его лице промелькнули смятение и страх.

Угроза, очевидно, подействовала. Он присмирел.

— К чему ругань и крики, Холт? — продолжал мормон после короткого молчания, последовавшего за гневной вспышкой скваттера. — Я твердо решил, что девушка поедет со мной. Скажите: да или нет? Если да, то все будет хорошо и для вашей дочери и для вас. Я уйду с вашей дороги. Вы понимаете, что я имею в виду? Соленое озеро далеко отсюда, и поэтому вряд ли вы меня когда-нибудь опять увидите.

Апостол произнес последнюю фразу с особым ударением и замолчал, предоставляя скваттеру поразмыслить над ее значением. И его слова оказали свое действие. Услышав их, Холт просветлел. Предложение мормона как будто представилось ему в ином свете.

После некоторой паузы он заговорил, но уже без гне-

ва, потому что его возмущение улеглось так же внезапно, как вспыхнуло.

— Ну, а если я скажу «нет»?

— В таком случае я уеду отсюда не так скоро, как предполагаю. Мне придется остаться в Суомпвилле, чтобы выполнить свой долг, которым я столь преступно и длительно пренебрегал.

— Какой долг вы имеете в виду?

— Долг перед обществом: предать убийцу в руки правосудия.

— Тс-с!.. Джош Стеббинс, ради бога, говорите тише! Вы знаете, что это неправда, но все же... тс-с... Девушки здесь рядом... они ничего не должны слышать...

— Возможно, убийца воображает, — продолжал Стеббинс, не обращая ни малейшего внимания на слова скваттера, — что ему удастся ускользнуть от наказания, но он очень ошибается, если так думает. Одно мое слово — и блюстители закона настигнут его. Но, даже скрывшись от них, он все равно не уйдет от меня. Вам уже известно, что я — апостол великой мормонской церкви, а избежать карающего меча наших ангелов-мстителей не может даже самый ловкий человек. Ну, Хикман Холт, что же вы скажете: да или нет?

Судьба бедной Мэриен была решена. После недолгого молчания скваттер произнес хриплым от волнения голосом:

— Да, да, она поедет с вами!

Г л а в а VIII

ЩЕДРОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

После мирного договора, заключенного в Гуаделупе Идальго¹, большая часть наших войск была распущена по домам и много тысяч сабель со звоном вложено в ножны.

Многие из них, фигурально выражаясь, были перекованы в лопаты, и их хозяева отправились к далеким бе-

¹ Гуаделупе Идальго — город в Мексике, где был подписан в 1848 году мирный договор между США и Мексикой после войны 1846—1848 годов.

регам Тихого океана добывать золото в Калифорнии. Большинству же клинков был предназначен печальный удел — висеть на стенах кабинетов или торговых контор и ржаветь в бесславном бездействии.

Трехлетняя кампания под знойным небом Мексики погасила воинственный пыл американской молодежи и удовлетворила честолюбие большей ее части. Только те, что пришли на поле брани слишком поздно и не успели отличиться, желали продолжения войны.

Я, Эдвард Уорфилд, бывший капитан конных стрелков, не принадлежал к последней категории.

Для меня, как и для многих других, мексиканская кампания была лишь продолжением мелких стычек, то и дело вспыхивавших на границе Техаса. Те скудные лавры, которые мы пожали в них, сплелись с более свежими и обильными, заслуженными на полях мексиканских сражений. Этот лавровый венок нас вполне удовлетворил. Я устал от тягот войны и страстно желал мира, хотя бы временного, чтобы немного отдохнуть и пожить на покое. Я вполне разделял чувства поэта, жаждавшего найти уединение «вдали от суеты людской, под сенью девственного леса», хотя, пожалуй, мне ближе было желание другого поэта, который не так стремился к одиночеству, но хотел «в пустыне жить с возлюбленной своей, служенью ей отдав себя всецело». Сказать по правде, и мне хотелось претворить в жизнь его мечту, но, к сожалению, я был слишком беден, чтобы содержать жену. Каждому известно, что отсутствие средств является непреодолимой преградой на пути самых заветных желаний!

Я достаточно долго жил в глуши и знаю, что даже в пустыне жить без денег нельзя и что, как бы живителен там ни был воздух, никакая возлюбленная питаться им не может, а требует чего-то более существенного. Благо-разумие подсказывало мне, что о женитьбе не может быть и речи.

Увольняя нас из армии, государство не дало нам пенсии. Взамен ее нам вручили свидетельство на право получения земельного участка, считая, что за проявленные доблести этого вполне достаточно. Такой участок мы имели право выбрать из государственных земельных

фондов. Количество земли определялось сроком службы. На мою долю приходилось шестьсот сорок акров. В обычное время акр стоил доллар с четвертью, но ввиду того, что после войны рынок был завален подобными документами, цена упала вдвое.

Так щедро наградило меня правительство за годы службы в армии, и мне ничего больше не оставалось, как безропотно удовольствоваться его скромным даром. Мой верный конь, неоднократно выносивший меня из дыма кровавых сражений, да испытанное в боях ружье, с которым я никогда не расставался, составляли все мое имущество. К нему можно еще прибавить пару револьверов Кольта, толедский кинжал, взятый при штурме Чапултепека, и только что полученный документ. Кроме того, у меня из последнего жалованья оставалось немного денег, но на них нельзя было купить даже гражданского платья. Как я ни мечтал о нем, мне, к сожалению, пришлось остаться в своем старом мундире с золочеными пуговицами, на которых были изображены орлы с распростертыми крыльями. Когда-то я с гордостью носил его, охваченный честолюбивыми мечтами, но теперь это чувство поистерлось, как поистерся сам мундир. Однако большинство моих знакомых, не зная истинных причин, думали, что я ношу его из тщеславия. Как они ошиблись!

Я старался избегать их, и, в отличие от большинства отставных офицеров, которые продали свои права на землю за бесценок и тут же прокутили деньги, сохранил свой документ. Я ни в коем случае не хотел отдавать его в руки жадных спекулянтов, так как у меня были совсем другие намерения. Этот документ сулил мне жизнь, о которой я мечтал: дом в девственном лесу, где я мог поселиться в одиночестве, ибо, к сожалению, у меня даже в перспективе не было никого, кто разделит бы его со мной.

В это время я гостил в Теннесси у своего сослуживца, с которым дружил еще до войны. Он был потомком одного из первых пионеров, поселившихся в этом штате и основавших город Нэшвилл.

От него я слышал так много волнующих рассказов о приключениях его деда, что Теннесси в моем воображении стал краем, овеянным романтикой. Я полюбил этот гостеприимный штат и твердо решил поселиться в нем.

Посещение земельного управления закончилось тем, что я выбрал участок № 9 в ***. Мне сказали, что местность эта очень плодородна и расположена на берегах прекрасного Обайона, недалеко от его впадения в Миссисипи. Чиновник управления, с которым я беседовал, сообщил мне, что мой участок уже расчищен каким-то скваттером, но живет ли этот скваттер там до сих пор, чиновник не знал.

— Во всяком случае, — сказал он, — этот человек, вероятно, слишком беден, чтобы воспользоваться преимущественным правом покупки обработанной им земли, и он должен будет передать участок вам.

Сообщение о том, что в моей будущей усадьбе имеется вырубка, чрезвычайно меня обрадовало. Несмотря на то что в Техасе я привык к жизни в лесу, дровосеком я от этого не стал. Вырубка скваттера, как бы мала она ни была, могла послужить началом моей будущей плантации.

Считая, что в этом отношении мне очень повезло, я отдал чиновнику свой документ и взамен получил необходимые бумаги, удостоверявшие, что я отныне являюсь законным хозяином и владельцем участка № 9. Кроме того, чиновник сообщил мне, что будущее мое владение находится в лесной чаще и что ближайший от него поселок называется Суомпвилл, а участок известен под названием «Вырубка Холта», по-видимому, по имени поселившегося там скваттера.

Получив эти сведения и спрятав в карман выданные мне бумаги, я попрощался с любезным чиновником, а он пожелал мне удачи и счастливой жизни на моей будущей плантации.

Г л а в а IX ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Вернувшись из земельного управления, я сообщил моему другу о своем приобретении и с удовольствием услышал, что он одобряет мой выбор.

— Земля на Обайоне вас не подведет, — сказал он. — Это одна из плодороднейших местностей в Теннесси. Кроме того, должен порадовать вас как охотника: в тех

лесах водится масса всякой дичи. В долине Обайона, как и вообще в лесах штата Теннесси, черный медведь и даже пантера — явление весьма обычное.

— Очень рад это слышать.

— Я уверен, — продолжал мой друг, улыбаясь, — что вы сможете стрелять оленей прямо из дверей вашего дома и ставить капканы на волков и диких кошек у самого курятника.

— Замечательно!

— Несомненно. Долина Обайона — истинный рай для охотника.

— В таком случае, — ответил я, — она привлекает меня еще сильнее. Судя по вашим словам, я нашел то, о чем мечтал.

— Между прочим, — прервал меня мой друг, и лицо его вдруг стало серьезным, — вы как будто сказали, что на вашем участке живет какой-то скваттер?

— Во всяком случае, он там жил — так сказал мне чиновник земельного управления. Но живет ли он там до сих пор, неизвестно.

— Если он еще там, вы можете попасть в неприятное и весьма затруднительное положение, — задумчиво ответил мой друг, энергично поглаживая бородку.

— В каком отношении затруднительное? Разве то, что он там живет, имеет какое-нибудь значение?

— Огромное. Скваттеры обычно люди грубые и неотесанные, и с ними не только трудно, но и небезопасно иметь дело. Особенно если вы к ним являетесь для того, чтобы выгнать с земли, которая, по их мнению, принадлежит им. Правда, у них есть преимущественное право покупки — другими словами, если бы он захотел купить этот участок, вам пришлось бы искать себе другой, но эти господа редко пользуются своим правом, потому что слишком бедны.

— Так в чем же дело?

— Их девиз: «Кто смел, тот и съел». Для скваттеров старая поговорка законников: «Держатель на девять десятых собственник» — не пустой звук.

— Вы хотите сказать, что скваттер может отказаться освободить землю?

— Видите ли, все будет зависеть от того, что он собой

представляет. Они не все одинаковы. Если ваш скваттер окажется грубым и упрямым человеком, у вас, по всей вероятности, будет много неприятностей.

— Но ведь закон... — начал я.

— ...поможет вам выселить его? — прервал меня мой друг. — Вы так хотите сказать?

— Разумеется. Во всяком случае, в Теннесси не может быть иначе.

— К сожалению, должен вас разочаровать. В любой другой части нашего штата вы могли бы рассчитывать на помощь властей, но боюсь, что в Суомпвилле вы встретите лишь людей, подобных тем, с которыми вам приходилось иметь дело в Техасе. Вы сами знаете, как мало там считаются с законом.

— В таком случае, я сам сумею с ним справиться! — с горячностью возразил я, так как меня охватило возмущение при мысли о подобном препятствии.

— Нет, Уорфилд, — спокойно ответил мой рассудительный друг, — не идите по этому пути. Я знаю, вы не из тех, кого можно запугать и заставить отказаться от своих прав, но в данном случае следует быть благоразумным. Будем надеяться, что ваш скваттер — такая же фикция, как многие наши города, существующие лишь на карте. Но, если на вашей земле действительно окажется подобный субъект, у него несомненно есть с полдюжины соседей, таких же скваттеров, как он сам. Обычно эти господа не очень солидарны, но тут они будут единоклассны в своих симпатиях и антипатиях, как при совместной охоте на медведя. Выгони вы одного силой, с помощью закона или без него, вы потревожите целое осиное гнездо. Если вашему скваттеру придется покинуть свою вырубку, вы окажетесь в кругу враждебно настроенных соседей, а между тем вам неминуемо придется иметь с ними дело. Все это я знаю по собственному опыту.

— Что же вы посоветуете делать?

— Поступить так, как поступали другие. Если на вашем участке действительно живет скваттер и если он заупрямится — а он несомненно заупрямится, — подойдите к нему осторожно и попробуйте уладить все мирным путем. Вы увидите, что самое правильное — это догово-

риться с ним. Обычно они честные и нередко по-своему гордые люди. Поговорите об улучшениях, которые он произвел, и предложите ему компенсацию.

— Ах, дорогой Блаунт! — воскликнул я, обращаясь к моему доброму хозяину просто по имени. — Легче выслушать ваш совет, чем последовать ему!

— Вот что, дружище! — ответил он после небольшого молчания. — Я понимаю, что вы хотите сказать. Такие старые товарищи, как мы, могут говорить прямо. Пусть подобное затруднение не мешает вам действовать согласно моему совету. Я еще не окончательно растратил наследство деда, и, если вам понадобится сто—двести долларов, чтобы откупиться от скваттера, дайте мне знать, и я тотчас же вышлю их вам.

— Благодарю, Блаунт, благодарю! Я знал, что вы мне это предложите, но я не хочу из-за какого-то скваттера брать деньги в долг. Слишком много лет я жил в Техасе, чтобы меня мог запугать какой-то лесной охотник.

— Полно, Уорфилд! Бросьте горячиться и последуйте лучше моему совету. Прошу вас, не поступайте опрометчиво, а действуйте так, как я вам говорю.

— Все будет зависеть от обстоятельств. Если мистер Холт — так, кажется, его зовут — не будет упрямяться, я, пожалуй, воспользуюсь вашим любезным предложением и заплачу ему за расчистку участка. Если же он меня встретит в штыки, я с ним церемониться не буду, клянусь мадонной Гуаделупской, как мы говаривали в Мексике. Впрочем, может быть, мы совершенно напрасно так долго обсуждаем этот вопрос и пресловутый скваттер существует лишь в нашем воображении? Возможно, он давно отправился на тот свет, и тогда только его привидение будет бродить по этому старому участку. Вдруг он станет являться ко мне, чтобы скрашивать полночные часы моего одиночества? Приятное дополнение к волкам и диким кошкам. Ха-ха-ха!

— Послушайте, старина, — ответил мой друг, — боюсь, что соседство такого привидения будет приятнее, чем живой скваттер, у которого отняты его участки. Несмотря на ваши шутки, я надеюсь, что вы поступите рассудительно и будете всегда помнить, что можете рассчитывать на мою помощь, если она вам понадобится.

Блаунт горячо пожал мою руку, и я почувствовал, что расстаюсь с одним из немногих оставшихся у меня настоящих друзей.

* * *

Вещи мои были уже уложены. Все мое имущество уместилось в двух седельных сумках, пистолеты были на мне, саблю я приторочил к седлу. Попрощавшись с моим другом, я сел на своего благородного арабского скакуна и, выехав на дорогу, повернул на запад, туда, где лежала долина Обайона.

Г л а в а X

КРАЙ ГРОМКИХ НАЗВАНИЙ

Нэшвилл находится в ста милях от Суомпвилла, иными словами — в трех днях пути, если ехать верхом. Первые десять миль — до реки Харпет — дорога, по обеим сторонам которой тянулись изгороди плантаций, была великолепна. Вскоре я достиг Парижа, а еще через сорок миль очутился в Дрездене. Судя по названиям, можно было подумать, что я нахожусь в Европе. Если бы мой путь лежал немного правее, я попал бы в Азию, так как мне сказали, что в том направлении находятся Смирна и Троя, а если бы я свернул налево, то проехал бы через Данию и достиг Мемфиса. Иными словами, я совершил бы огромное путешествие и всего в течение каких-нибудь трех дней.

Что за нелепые названия! Какой учитель приходской школы так беззастенчиво и щедро разбросал их по этим чудесным местам! Мемфис! Как будто древний Мемфис с его величественными статуями нуждается в увековечивании на берегах Миссисипи! На каждом перекрестке, спрашивая, в каком направлении мне следует продолжать путь, я слышал прославленные названия, пока в конце концов меня не охватило возмущение.

После Дрездена наименования стали менее претенциозными, но их в то же время становилось все меньше и меньше, так как я ехал по пустынной местности, где вообще было нечего называть. Многочисленные реки и ручьи,

встречавшиеся на моем пути, видимо, были окрещены самими жителями лесов. Названия — Олений, Илистый, Енотовый, Кошачий, ручьи Малые и Большие излучины — свидетельствовали о том, что первые поселенцы, исследовавшие гидрографическую систему этого края, не были слишком эрудированными.

Как жаль, что часть этих простых и образных названий впоследствии была изменена! Но, к сожалению, такие переименования делаются и до сих пор.

На картах стираются нежные и благозвучные индейские и испанские наименования и еще более характерные и выразительные имена, данные первыми следопытами. Их подобострастно заменяют фамилиями местных воротил и видных чиновников.

«Нет никакого сомнения, что генерал Смит будет доволен, если я назову эту красивую реку его именем. Он, конечно, упомянет обо мне в следующем же донесении. А как будет улыбаться министр, увидев, что его фамилия увековечена на моей карте никогда не высыхающим озером, которое отныне будет элегантно называться Озером Джонса!»

* * *

После Дрездена дорога, по которой я ехал, уже не заслуживала этого названия. Она превратилась в едва заметную тропинку, вьющуюся по лесу. Кое-где на деревьях виднелись зарубки, указывающие направление. По мере того как я все ближе подъезжал к месту назначения, у меня, естественно, возрастало желание узнать что-нибудь о Суомпвилле, поскольку мне предстояло жить в непосредственном соседстве с ним.

Я бы, конечно, с удовольствием расспросил, что представляет собой этот поселок, но, к сожалению, спрашивать было некого, так как на расстоянии последующих десяти миль я не встретил ни одного живого существа, если не считать негра, везшего дрова в повозке, запряженной быками. Отчаявшись получить от него нужные сведения, я не стал его долго задерживать. Единственное, что мне удалось из него вытянуть, было следующее: «Да, масса, до Суомпвилла вниз по реке десять миль». Эти мили «вниз по реке» оказались очень длинными, и на

всем их протяжении я не встретил ни одной души, пока не очутился совсем близко от поселка.

Мне было уже известно, что Суомпвилл основан совсем недавно. Даже в Нэшвилле о его существовании знало только земельное управление. Однако Суомпвилл оказался вовсе не таким уж захудалым местечком. Причина же того, что на своем пути я увидел так мало движения, заключалась в том, что я въехал в город, так сказать, «с задворок», так как главные улицы Суомпвилла выходили на реку.

Сначала мне встречались разбросанные бревенчатые постройки, которые по мере моего продвижения вперед становились все многочисленнее. Среди них начали попадаться вполне приличные дома. Перед одним из таких домов, самым большим, стоял высокий столб, вернее дерево со спиленными ветвями и верхушкой, на котором был установлен скворечник, а под ним приколочена широкая доска с надписью: «Гостиница». Эту доску украшал портрет генерала Джексона¹. Нельзя сказать, чтобы вывеска была очень уместна. Лицо старого генерала отнюдь не было радушным. Но ехать дальше не имело смысла. По-видимому, гостиница «Джексон» была лучшей, а может быть, и единственной в Суомпвилле, и я не раздумывая спешился у двери.

Хорошо зная обычаи Запада и поэтому не рассчитывая ни на услуги, ни на приветливое обращение, я сам расседлал своего арабского скакуна, тем более что боялся отдать его в чужие, неумелые руки. Почистить его мне помог полуголый негр, который все время улыбался и тарачил глаза на мой мундир — очевидно, для него это было редкое зрелище.

Г л а в а XI

ГОСТИНИЦА «ДЖЕКСОН»

Оказалось, что я прибыл как раз вовремя, так как, возвращаясь из конюшни и входя на веранду гостиницы, я услышал удары гонга, извещавшие постояльцев, что

¹ Д ж е к с о н (1767—1845) — американский военный и политический деятель, начавший свою карьеру в штате Теннесси. Был президентом США с 1829 по 1837 год.

ужин подан. Никто не обратил на меня никакого внимания. Следуя за остальными постояльцами, прибывшими ранее меня, я сел за общий стол.

Если бы картину, представшую передо мною, я увидел впервые, многое удивило бы меня и дало бы пищу для размышлений. Но я давно уже привык к самым смешанным компаниям, вроде той разношерстной толпы, которая сидела теперь за столом суомпиллской гостиницы. Тут были люди в одежде из бумазеи и даже из одеял, в красных фланелевых рубашках, в куртках из оленьей кожи и вовсе без курток. И все это не казалось мне странным, так же как и то, что среди этих фантастических нарядов там и сям виднелись модные костюмы из тончайшего сукна. И надо сказать, что люди, одетые в атласные и бархатные жилеты и элегантные черные сюртуки, составляли большинство. В новых поселениях гостиница является местом, где столуются и проводят свой досуг преуспевающие лавочки и мелкие чиновники, спать же они уходят в свои лавки и конторы.

Оглядев всех сидящих за столом, я увидел много знакомых типов, но ни одного знакомого лица. Тем не менее одно из них привлекло мое внимание, и я никак не мог оторвать от него взгляда. Не думайте, что оно принадлежало какой-нибудь красавице, хотя за столом были и женщины: супруга хозяина гостиницы восседала за кофейником, а рядом с ней сидели четыре молодые девушки — ее дочери и племянницы. Однако ни одна из них не обладала ни малейшей привлекательностью. Нет, лицо, столь заинтересовавшее меня, принадлежало не женщине, и ничего женственного в нем не было. Обладателем его был молодой человек лет двадцати четырех — двадцати пяти, одетый так, как обычно одеваются местные охотники: в куртку из оленьей кожи, кожаные брюки, суконные обмотки и мокасины. Через плечо у него висели сумка для пуль и пороховой рог, а на поясе — нож. На соседней стене висела его енотовая шапка — я увидел, как он снял ее перед тем, как сесть за стол.

Молодой человек был необыкновенно красив. С первого же взгляда меня поразила его великолепная фигура, благородное, одухотворенное лицо и прекрасные карие глаза с длинными ресницами. Тонкие дугообразные бро-

ви, густые каштановые кудри и небольшой, правильно очерченный рот с белыми, ровными зубами создавали поистине безупречный образец мужской красоты. Мне сразу бросилось в глаза, что молодой красавец весьма мало занимается своей наружностью. По-видимому, он и не подозревал о том, до какой степени хорош собой, и это делало его еще более привлекательным.

Трудно сказать, что именно в молодом охотнике оставило на себе мое внимание, так как костюм его для здешних мест был самым обычным. Пожалуй, меня заинтересовала не столько его живописная одежда или красота, сколько манера держать себя.

Мы оба сидели в самом конце стола, друг против друга, и поэтому у меня была полная возможность наблюдать за ним.

По взглядам, которые бросали на него сидевшие на противоположном конце стола дочери хозяина — мисс Альвина и мисс Каролина, — я понял, что обе барышни не остались нечувствительными к его красоте. Но молодой охотник не обращал на них никакого внимания. Он был задумчив и очень грустен. Не замечал он и нахмуренных лиц нескольких шеголей-лавочников, по-видимому ревновавших девиц, чьи томные взгляды не ускользнули от их внимания.

Молодого охотника здесь знали, но друзей среди присутствующих у него, по-видимому, не было. Я заметил, что большинство мужчин, особенно джентльмены в сюртуках, смотрели на него свысока. С ним много не разговаривали, да его сдержанность и не располагала к этому. Если же кто-нибудь из сидевших за столом и обращался к нему, то делал это с видом богатого человека, устаивающего своим вниманием бедняка. Действительно, нетрудно было заметить, что охотничья куртка, когда-то красивая, сильно поношена, а зеленые суконные обмотки выцвели и стали почти бурыми. Все это в совокупности с другими мелочами указывало на то, что кошелек молодого охотника весьма легок; во всяком случае, легче, чем его настроение, которое, судя по выражению лица, было весьма грустным.

И все-таки он возбуждал всеобщий интерес, и к нему несомненно были бы прикованы все взоры, и дружелюб-

ные и враждебные, если бы не мой мундир и золотые пуговицы с орлами. Они также требовали некоторой доли внимания со стороны жителей Суомпвилла. Вот почему любопытные взгляды присутствующих были устремлены не только на молодого красавца, но и на меня. Не знаю, что они думали обо мне, да, впрочем, это меня мало заботило, но, судя по взглядам мужчин, особенно богатых, мне показалось, что моя особа не вызывала в них ни восхищения, ни симпатии.

Я было самонадеянно решил, что мисс Альвина и ее визави мисс Каролина посматривают на меня довольно благосклонно, но, взглянув на красивое лицо и роскошные кудри молодого охотника, понял, что, имея такого соперника, нет смысла начинать сражение. Правда, мы друг другу не завидовали. Наоборот, он был со мною вежливее всех присутствующих и два раза пододвинул поближе некоторые наиболее соблазнительные на вид кушанья, стоявшие далеко от меня. Я почувствовал невольную симпатию к нему, и мне показалось, что он отвечает мне тем же.

Охотник видел, что я приезжий, и, несомненно, заметил, что мой «блестящий» мундир сильно поношен. Он догадался, что я так же беден, как и он сам, и его симпатия была скорее всего вызвана таким предположением,

Г л а в а XII

ПОЛКОВНИК КИПП

После ужина я подошел к хозяину гостиницы. Как я уже успел установить, фамилия этого почтенного джентльмена была Кипп. Постояльцы же называли его «полковник Кипп».

Мне хотелось получить некоторые сведения о местонахождении моей будущей усадьбы и узнать все, что было известно о ней в Суомпвилле. Я был уверен, что хозяин гостиницы сможет ответить на мои вопросы.

Я нашел его на веранде. Он сидел в кресле-качалке, и ноги его, покоившиеся на перилах веранды, находились дюймов на шесть выше уровня носа, а огромные сапоги из лошадиной кожи почти на полтора фута высовывались на улицу.

Внешность этого человека никак не гармонировала с громким званием «полковника». В ней не было ничего военного. Он был высок, кособок, постоянно жевал табак и каждые полминуты выплевывал густой коричневый сок, посылая его чрезвычайно ловко поверх своих сапог, не задевая их. Когда я подошел к полковнику, он был окружен только что окончившими ужин постояльцами, которые молча ковыряли в зубах зубочистками. Затем они стали расходиться, и я решил начать разговор, когда хозяин останется один. Сначала он не обратил на меня ни малейшего внимания, и, только когда я оказался настолько близко, что уже нельзя было сомневаться в моем намерении заговорить с ним, хозяин гостиницы оглянулся в мою сторону. Повернувшись вполоборота, он снял ноги с перил веранды, но по-прежнему остался сидеть в кресле.

— Служите в армии, сэр, я полагаю? — спросил мистер Кипп.

— Нет, — ответил я столь же лаконично.

— Нет?

— Служил, но недавно вышел в отставку.

— А-а! Воевали в Мексике?

— Да.

— Дела в Суомпвилле?

— Да, мистер Кипп...

— Меня тут обычно зовут полковником... — перебил он, снисходительно улыбаясь и всем своим видом как бы протестуя против насильно навязанного ему звания. — Конечно, — продолжал он, — вы приезжий...

— Извините, полковник, я действительно только что прибыл в ваш город и, конечно, не знал, что...

— Чего там, сэр, — снова прервал он меня добродушно, очевидно польщенный моим почтительным тоном и тем, что я вежливо назвал Суомпвилл городом.

— Так вы, значит, у нас по делам?

— Да, — ответил я, чувствуя, что он собирается начать расспросы об этих делах. Не желая посвящать его в них, я поспешно продолжал: — Не знаете ли вы случайное место, называемое вырубкой Холта?

— Место, называемое вырубкой Холта?

— Вот именно.

— Такое место есть.



*А ведь вы еще не сказали мне, зачем приехали в Суомвилл, —
сказал полковник Кипп.*

— Это далеко отсюда?

— Если вы о Хике Холте говорите, так он живет милях в шести отсюда, на Илистой речке.

— Так, значит, там живет скваттер?

— На вырубке Холта? А как же!

— Его фамилия Холт?

— Ну да.

— Вы не знаете, может здесь кто-нибудь проводить меня туда?

— Отчего же? Видите того парня в енотовой шапке?— И полковник кивнул в сторону молодого человека в куртке из оленьей кожи, стоявшего недалеко от веранды возле тощей клячи.

Я ответил утвердительно.

— Ну, так вот он и может указать вам дорогу к вырубке Холта. Он сам скваттер с Илистой речки и как раз возвращается домой.

Я очень обрадовался его словам. Если молодой охотник жил около моего участка, он, по всей вероятности, мог дать мне о нем все необходимые сведения. И, судя по его честному, открытому лицу, на его слова можно было положиться. Поэтому я тотчас же решил изменить намеченный ранее план действий. Было еще рано — в лесной глуши ужинают в то время, когда в более цивилизованных местах еще пьют чай, — и солнце должно было сесть только часа через два. Моя лошадь была свежа, и ей ничего не стоило сделать еще шесть миль. Я отказался от намерения ночевать в гостинице и решил: если молодой охотник не будет возражать, ехать с ним до Илистой речки, не задумываясь, найду ли я там где переночевать. К задней луке моего седла был привьючен плащ; он неоднократно служил мне одеялом, а само седло — подушкой. Сколько раз мне приходилось ночевать под открытым небом в дождь и бурю, покрываясь этим плащом! А в тот день небо было безоблачно и ничто не предвещало непогоды. Я уже повернулся, чтобы подойти к молодому человеку, но меня остановил мистер Кипп.

— А ведь вы еще не сказали мне, зачем приехали в Суомпвилл, — как бы в шутку напомнил он.

— Нет, не сказал, — ответил я учтиво.

— Так зачем вы едете к Холту?

— Это, мистер Кипп... прошу прощения — полковник Кипп, мое личное дело.

— Личное и секретное?

— Весьма.

— Ну, тогда держите его при себе.

— Как раз таково мое намерение, — ответил я, поворачиваясь и спускаясь с веранды.

Молодой охотник уже затягивал подпругу. Подойдя к нему, я увидел по его улыбке, что он слышал конец нашего разговора, и, по-видимому, остался очень доволен тем, как я вежливо осадил «полковника», который, как я потом узнал, был самым хвастливым и заносчивым человеком в Суомпвилле.

Одного моего слова было достаточно, чтобы молодой охотник тотчас же разрешил мне ехать с ним. Он охотно, хотя и не в изысканно литературных выражениях, согласился показать мне дорогу к вырубке Холта.

Я вернулся в гостиницу, чтобы заплатить по счету и приказать оседлать своего коня. Было совершенно ясно, что хозяин обиделся на меня. Я это понял как по сумме счета, так и по тому, что мне пришлось самому седлать своего коня, так как даже негр не появился в конюшне.

Но мне так часто случалось это делать, что такая мелкая неприятность несколько меня не задела и не раздосадовала. Через пять минут я уже был в седле и выехал на улицу, где меня ожидал мой спутник. Мы покинули негостеприимный кров гостиницы «Джексон» и оставили ее воинственного хозяина на веранде ломать голову, какое дело могло привести меня в Суомпвилл.

Глава XIII

ЧЕРЕЗ ЛЕС

Когда мы ехали по улице, я заметил, что являюсь предметом оживленных толков и пересудов жителей Суомпвилла. Они с жадным любопытством рассматривали меня из окон или стоя кучками у дверей своих домов. Вряд ли мой спутник мог вызвать такой интерес. Охотничья куртка из оленьей кожи не была редкостью на улицах Суомпвилла, но зато военный в мундире с золотыми

пуговицами и верхом на прекрасной лошади был необычайным зрелищем. Особенное восхищение вызывал мой конь, который гарцевал подо мной так, как будто не выходил из конюшни целую неделю.

Однако через пять минут и Суомпвилл и его жители остались позади. За этот короткий промежуток времени мы миновали окраину «города» и въехали в густой, темный лес. Его прохладный полумрак скрыл нас и от взглядов любопытных зевак, и от жгучих лучей солнца. Не знаю, как мой спутник, но я был этим очень доволен.

В течение нескольких минут мы ехали молча, молодой охотник впереди, а я за ним. Подобный способ передвижения объяснялся характером дороги. Это была попросту выючная тропа, петляющая меж деревьев, зарубки на которых указывали направление пути. Ни одна повозка не оставила следа на мягкой грязи, в которой лошади вязли до самых бабок. Так как два всадника не могли здесь проехать рядом, мне пришлось держаться позади моего проводника.

Добрую милю, а может быть, и больше мы ехали по топкой низине, где росли влаголюбивые деревья — огромные тополя и сикоморы. Их стройные серые стволы, возвышаясь по обе стороны тропы густыми, порой совершенно правильными рядами, напоминали колонны величественного храма. Я с тайной радостью глядел на этих лесных великанов, с которыми мне предстояло делить мое одиночество. В то же время я невольно подумал о том, что, если мои новые владения заросли так же густо и такими же огромными деревьями, вряд ли мистер Холт мог расчистить большой участок.

Немного дальше начался подъем. Низина осталась позади — мы пересекали водораздел между Илистой речкой и рекой Обайон. Почва стала сухой, каменистой и менее плодородной. Тут рос редкий сосновый лес, и мы наконец смогли ехать рядом. Я был очень доволен, потому что хотел поговорить со своим новым знакомым.

Всю дорогу охотник хранил глубокое молчание, но все же мне казалось, что он тоже не прочь поболтать со мной. Видно, он из деликатности не решался заговорить первым. Я вывел его из этого затруднения, задав ему следующий вопрос:

- Что за человек этот мистер Холт?
- Как вам сказать, сэ. Он из тех, с кем, как говорится, лучше не связываться.
- Неужели?
- Да, с ним трудно иметь дело.
- Он беден?
- Уж куда бедней. У него только и есть, что старая кляча и акра два земли. Да и та не его.
- Так, значит, он не покупал участка, на котором живет?
- Покупать-то не покупал, сэ, да считает его своим, как будто платил за него наличными, как я за свой.
- Вот как!
- Да. Я бы не позавидовал тому, кто купит эту землю у него за спиной, — сказал он и многозначительно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Не это ли дело привело вас сюда?»
- А семья у него есть? — продолжал я.
- Есть... дочка.
- И больше никого? — спросил я, увидев, что он замаялся.
- Была еще одна дочь, немного постарше...
- И что с ней случилось?
- Она... она уехала.
- Вышла замуж, по-видимому?
- Здесь никто ничего не знает. Даже куда она уехала.
- Голос молодого человека вдруг стал печальным. Я заметил, что лицо его омрачилось. Мне сразу стала понятна причина этой грусти: резкая перемена в настроении молодого охотника была несомненно вызвана разговором об уехавшей дочери скваттера. Из чувства деликатности я не расспрашивал его дальше, к тому же тропа снова сузилась и мы опять были вынуждены ехать гуськом. Охотник стал нетерпеливо понукать свою лошадь, и я почувствовал, что ему хочется прекратить разговор, по всей вероятности вызвавший горькие воспоминания. В течение получаса мы ехали в полном молчании. Мой спутник вновь погрузился в раздумье, а я старался представить себе встречу со скваттером. После разговора с охотником не приходилось сомневаться в том, что она будет чрезвычайно неприятной. Нечего было надеяться, что Холт при-

мет меня приветливо и позволит переночевать в его хижине. По-видимому, мне предстоял мало приятный разговор и ночевка в лесу. Раза два я чуть было не рассказал моему спутнику о деле, приведшем меня в Суомпвилл, и не спросил у него совета, как мне поступить. Но, не зная, друг он или враг моего предполагаемого противника, я решил, что благоразумнее будет промолчать.

Вдруг молодой охотник снова заговорил, уже более веселым тоном. Он сказал, что скоро дорога улучшится, так как мы приближаемся к лесной поляне, за которой тропа достаточно широка, чтобы ехать рядом. Едва мой спутник кончил говорить, как мы выехали на эту поляну. Контраст между нею и оставшейся за нами темной тропинкой был разителен и производил самое приятное впечатление. К этому времени полная луна поднялась уже высоко над лесом и заливала своим сиянием все вокруг.

Осыпанные каплями росы цветы сверкали подобно драгоценным камням; их опьяняющий аромат доносился до нас, когда мы еще ехали лесом. Не было ни ветерка, и неподвижные листья отливали серебром. При ярком лунном свете я мог даже различить их оттенки: листву красного клена — от алого сумака и сассафораса и темную зелень каролинского лавра — от серебряной магнолии.

Эта великолепная картина открылась мне еще с тропинки, и я на минуту придержал коня, чтобы насладиться созерцанием ее. Молодой охотник все еще ехал впереди меня. Я хотел было попросить его тоже остановиться, но не успел вымолвить ни слова, как увидел, что он сделал это сам, причем настолько поспешно и неловко, что я невольно перестал любуясься поляной и посмотрел на него. Резким, словно произвольным движением охотник так сильно натянул поводья, что чуть не поднял свою лошадь на дыбы. Побледнев, он застыл в седле, словно увидел что-то ужасное. Пришпорив лошадь я в одно мгновение поравнялся с ним и окинул взглядом поляну.

Несколько правее пересекающей ее тропинки, там, куда был устремлен взгляд охотника, я заметил на траве что-то белое. Это было упавшее дерево. Его лишенный коры ствол ярко блестел в лучах луны. В двух шагах от него виднелась темная фигура. На поляне было достаточно светло, и я без труда различил, что это женщина.

Да, это, без сомнения, была женщина, и, судя по легким и быстрым движениям, молодая. Ее костюм был необычен — коричневая рубаха из кожи лани, кожаные чулки и мокасины. Голова была непокрыта, руки и шея обнажены. Ее кожа казалась немного темнее одежды. Значит, перед нами была индианка. На это указывали и многочисленные браслеты на руках, блестящие бусы вокруг шеи и массивные, сверкающие при свете луны кольца в ушах.

Я остановил лошадь и увидел, что незнакомка быстро идет к нам. Кляча охотника и мой конь насторожили уши и испуганно захрапели. Вероятно, им передалось волнение всадников. Впрочем, то, что я испытывал, было скорее изумление. Появление женщины в таком месте и в такой час могло поразить кого угодно, но я видел, что моим спутником овладело совершенно иное чувство. На его лице был страх!

«Чего он испугался?» — подумал я, глядя на приближавшуюся женщину. На мой взгляд, в ней не было ничего, что могло бы напугать лошадь или человека, а тем более внушить ужас, так ясно написанный на лице моего спутника. Хотя, как уже говорилось, ее кожа была бронзового цвета, но черты лица, хотя и не безупречно правильные, могли скорее вызвать восхищение. Особенно хороши были большие глаза, блеск которых соперничал со сверканием ее позолоченных серег. Нет, по всей вероятности, не внешность девушки испугала моего проводника. Очевидно, он не впервые встречался с индианкой. Она была высока, сильна и могла бы внушить страх робкому человеку, если бы захотела. Но я не замечал ничего враждебного в ее поведении, да и мой спутник не казался трусом. Здесь, видимо, крылась какая-то тайна.

Шагах в шести от нас индианка остановилась, словно не решаясь подойти ближе. До сих пор она не проронила ни единого слова, так же как и охотник, если не считать его невольного восклицания, когда он ее заметил: она здесь, и в такое время? Теперь охотник спросил слегка дрожащим голосом:

— Су-ва-ни?

По-видимому, это было ее имя, но она ничего не ответила.

— Су-ва-ни! — повторил мой спутник громче. — Это ты?

— Разве Белый Орел лишился зрения, любуясь на бледнолицых красавиц Суомпвилла? На небе луна, и лицо Су-ва-ни повернуто к ней. Пусть Белый Орел взглянет на него. Оно не так красиво, как лицо метиски, но того лица Белый Орел никогда больше не увидит.

Я заметил, что слова ее произвели впечатление на молодого охотника. Он нахмурился и вздохнул; видно было, что ему хочется прекратить этот разговор.

— Уже поздно, — проговорил он после короткого молчания. — Зачем ты сюда пришла?

— Су-ва-ни пришла не зря. Она ждет Белого Орла уже много часов. Нежные руки бледнолицых девушек очень долго задержали его в Суомпвилле.

— Ты меня ждала? Что тебе надо?

— Пусть Белый Орел попросит знакомого отъехать в сторону. Су-ва-ни хочет говорить с Белым Орлом наедине.

— Ты можешь говорить при нем. Это мой друг.

— Разве Белый Орел хочет, чтобы знали его тайны? Не все из них можно рассказать даже другу. Су-ва-ни может открыть Белому Орлу еще одну тайну. Когда он ее узнает, его щеки станут алыми, как цветы красного клена.

— У меня нет никаких тайн, которые надо скрывать от других.

— А метиска?

— Я не хочу слышать о ней.

— Белый Орел лжет. Он очень хочет знать, что стало с пропавшей Мэриен. Су-ва-ни может рассказать ему о ней.

При последних словах поведение охотника внезапно изменилось. Теперь он порывисто наклонился вперед, как будто страстно желал услышать то, что она собиралась сообщить. Заметив это, индианка вновь указала на меня и спросила:

— Должен ли бледнолицый незнакомец знать сердечные тайны Белого Орла?

Мне показалось, что мой спутник уже не хочет, чтобы при их разговоре кто-нибудь присутствовал. Не ожидая его ответа, я повернул лошадь, намереваясь отъехать назад, и увидел при этом его лицо, которое по-прежнему выражало испуг. Я не ошибся — когда я проезжал мимо, он наклонился и шепнул озабоченно:

— Не отъезжайте далеко, сэр. Я ей не доверяю. Она на все способна.

Я кивнул и, вернувшись на тропинку, остановился в тени огромного дерева.

Я находился шагах в десяти от охотника и хорошо видел его, но поросль белой магнолии заслоняла от меня индианку, в то же самое время скрывая от нее меня и мою лошадь. Стрекотание цикад заглушало разговор, но отдельные слова вполне отчетливо долетали до меня, и благодаря им я понял, о чем идет речь. Я хотел было отъехать дальше, но, вспомнив странную просьбу молодого охотника, остался на месте.

С первых же слов я догадался, что они говорят о Мэриен Холт, старшей дочери скваттера, о которой я уже слышал от моего спутника, и легко понял эту часть разговора, а также и то, что Мэриен — возлюбленная охотника, или, вернее, была его возлюбленной до того, как покинула этот край. Несколько месяцев назад она не то уехала, не то кто-то ее увез, — словом, девушка исчезла самым таинственным образом, не оставив никаких следов. Кроме того, я узнал, что прекрасная Мэриен вышла замуж, причем за очень странного человека. Индианка говорила о нем с презрением. Его фамилия, насколько я мог разобрать, была не то Стивенс, не то Стеббинс, и прежде он был школьным учителем в Суомпвилле.

Пока индианка разговаривала с охотником, я не спускал с него глаз и заметил, что он ничего не знал об этом браке. Он побледнел и пошатнулся в седле. Но, очевидно, он все же что-то подозревал, потому что, услышав фамилию мужа, воскликнул сдавленным голосом:

— О боже! Я так и думал, что это он увез Мэриен! Бедняжка!..

Помолчав немного, охотник продолжал:

— Скажи мне, куда они уехали? Ты ведь сказала, что знаешь все.

Пронзительное стрекотание цикад заглушило ответ. До меня долетели только лишь отдельные громко произнесенные слова «Юта» и «Большое Соленое озеро». Но этого было вполне достаточно.

— Еще одно, — нерешительно сказал отвергнутый возлюбленный. — Ты не знаешь... она прехала с ним добровольно или... или ее силой принудил отец... или кто-нибудь другой?

Я с нетерпением ждал ответа. Цикады умолкли, но молчала и индианка.

— Ответь мне, Су-ва-ни! — с мольбой в голосе повторил молодой охотник. — Скажи мне это, и я обещаю...

— Обещает ли мне Белый Орел забыть девушку, потерянную для него навеки?

— Нет, Су-ва-ни, этого я обещать не могу. Я никогда не забуду ее.

— Можно не забывать, но ненавидеть.

— Ненавидеть Мэриен? Нет, нет!

— Даже если она изменила своим клятвам?

— Откуда я знаю, что это так? Ты же не говоришь, сама она согласилась уехать или ее заставили?

— Белый Орел сейчас узнает все. Его кроткая лань добровольно пошла в логово волка. Повторяю тебе — добровольно. Су-ва-ни может доказать это.

Удар был настолько силен, что охотник вздрогнул и покачнулся в седле. Смертельная бледность покрыла его лицо, в глазах застыло отчаяние.

— Теперь, — продолжала индианка, словно желая воспользоваться его растерянностью, — обещает ли Белый Орел больше не вздыхать об изменнице? Обещает ли он любить ту, которая будет ему верна?

В голосе девушки вдруг прозвучала горячая мольба. Теперь наступила ее очередь ждать с нетерпением ответа. Но этот ответ глубоко ранил ее гордое сердце и развеял в прах сокровенные мечты.

— Нет, нет! — воскликнул охотник в смятении. — Невозможно ни забыть, ни разлюбить Мэриен. Пусть даже она мне изменила... Все равно слишком поздно! Я никогда не полюблю другую!

Послышался заглушенный, полный отчаяния крик, упреки и угрозы, произнесенные на индейском наречии и

потому для меня непонятные. В тот же миг я увидел, что молодой охотник сильно натянул поводья и осадил лошадь, словно желая объехать индианку и двинуться дальше. Я решил, что мне пора вмешаться, пришпорил коня и рысью выехал на поляну. К моему величайшему удивлению, я увидел, что охотник один. Су-ва-ни исчезла!

Г л а в а XV

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

— Где она? Ушла? — удивленно спросил я оглядываясь.

— Да, ушла! Ушла! И с кем? С мормоном!

— С мормоном?

— Да, сэр. Прости ей бог! Мне было бы легче услышать о ее смерти, чем знать, что она вышла замуж за мормона, у которого, кроме нее, может оказаться еще двадцать жен.

— Разве с ней был какой-нибудь мужчина? Я никого не видел.

— Ах, сэр, извините меня. Вы имеете в виду эту индианку, а я говорил не о ней.

— О ком же?

Молодой охотник смутился. Не подозревая, что мне известна тайна его сердца, он понял, что я заметил его волнение, но сказать мне имя той, о ком он думал, значило открыть самые заветные тайны своей души. После короткого колебания он поборол смущение и ответил:

— Не знаю почему, сэр, но я чувствую к вам доверие. И отчего бы мне не рассказать вам все, что произошло? Глупо, конечно, влюбляться в красивую девушку, но если бы вы ее видели!

— Судя по вашим словам, она действительно красавица, — сказал я не совсем искренне. — Что же касается того, что глупо влюбляться в хорошеньких девушек, то никто из нас не застрахован от этой маленькой слабости.

— Приходится только пожалеть об этом, сэр. Но поздно! Какой смысл запирать конюшню, когда коня уже украли? Она уехала, и все кончено. Наверное, никогда в жизни я ее больше не увижу, — грустно сказал он.

Эти слова сопровождались тяжелым вздохом, и я понял, что передо мной человек, искренне любящий и сильно страдающий.

«Вероятно, — подумал я, — дело объясняется просто. Молодой охотник беден, а школьный учитель немного зажиточнее. Во всяком случае, настолько, чтобы практичная красotka предпочла его».

— Но вы еще не сказали мне, — обратился я к моему спутнику, — кто ваша возлюбленная. Раз это не индейская девица, с которой вы только что расстались...

— Нет, сэр, не она, хотя в той, кого я люблю, тоже есть индейская кровь, поэтому Су-ва-ни и назвала ее метиской. Но это неправда. У нее мать была метиска.

— Как же зовут вашу любимую?

— Ее звали Мэриен Холт. Теперь ее зовут Мэриен Стеббинс. Я только сейчас узнал, что она вышла замуж.

— Нельзя сказать, что ее новая фамилия благозвучнее, — заметил я.

— Она дочь скваттера Холта, — продолжал охотник, — того самого, к которому вы едете. У него есть еще одна дочь, помоложе, ее зовут Лилиен.

— Красивое имя. Так вы говорите, что старшая хороша собой?

— Я никогда никого красивее не видел.

— А младшая похожа на нее?

— Как белка на енота.

— Значит, младшая некрасива?

— Ну, это зависит от вкуса. Многим Лилиен нравится больше. Но не мне. Кроме того, Лил совсем девочка. Ей еще и семнадцати нет.

— Но, если она тоже хороша собой, почему бы вам не влюбиться в нее? В Мексике, где я недавно был, есть хорошая поговорка: «Un clavo saca otro clavo», что в переводе означает: «Клин клином вышибают». Иными словами, от любви есть лекарство: другая любовь.

— Ах, сэр, — вздохнул охотник, — это, может быть, годится для Мексики, в наших же лесах есть другая поговорка, противоположная ей: «Два медведя в один капкан не попадают».

— Ха-ха-ха! — рассмеялся я. — Поговорка ваших лесных дебрей, пожалуй, правильнее и больше мне по ду-

ше. Но вы не рассказали еще, что же случилось у вас с Мэриен. Вы говорите, она уехала отсюда?

— Сейчас все узнаете, сэр.

Охотник начал свой печальный рассказ, а я время от времени прерывал его вопросами, хотя многое уже знал, а об остальном догадывался. Он был влюблен в Мэриен Холт и думал, что она отвечает ему взаимностью. Они часто встречались в лесу, на той самой поляне, где мы теперь находились. Холт ничего не знал об их свиданиях. Он недолюбливал охотника, и, опасаясь его гнева, молодые люди скрывали от него свои чувства.

Таков был пролог рассказа моего спутника. Эпилог же я передаю его собственными словами.

— Это случилось как-то утром месяцев пять назад. Мэриен обещала встретиться здесь со мной, и я ожидал ее, сидя вон на том бревне. Через поляну прошли двое индейцев и с ними девушка, которую вы сейчас видели. Она несла продавать красивую сумку для пуль. Я ее купил. Индианка захотела сама надеть ее на меня, и тут черт меня дернул ее поцеловать. И как раз в эту минуту выходит на поляну Мэриен! Я поцеловал индианку шутя, а Мэриен приняла это всерьез. Она и раньше меня ею попрекала, потому что девчонка и правда недурна собой. Я хотел попросить у Мэриен прощенья, но она не стала меня слушать и ушла. Больше я ее не видел. А сейчас индианка сказала мне, что Мэриен вышла замуж и уехала к мормонам. Кто-то из индейцев видел ее в прерии и рассказал об этом Су-ва-ни.

— А что было дальше с индианкой?

— Ах, сэр! — снова вздохнул охотник. — Вот это еще одна беда, которую я навлек своим легкомыслием. С того самого дня, как я ее поцеловал, она пристает ко мне и всюду меня преследует. Я все время встречаю ее в лесу. Она пришла бы в мою хижину, если бы не собаки, которые могут разорвать ее на куски. Их она боится больше, чем меня, несмотря на все мои угрозы. Я сердился на нее за Мэриен, хотя сам был виноват больше, старался избегать ее и долго с ней не разговаривал. Она разозлилась и грозила отомстить. Однажды ночью я ехал из Суомпвилла, как раз в такое же время, как сейчас, — только тогда было темно, как в горшке с дегтем. Я вышел сюда, на по-

ляну, как вдруг моя старая кляча рванулась вперед, и меня сзади что-то сильно кольнуло. Кто-то ударил меня ножом чуть повыше бедра, и кровь так и потекла ручьем. Я узнал, кто это сделал, только утром, когда вернулся и нашел здесь следы мокасин.

— Следы Су-ва-ни?

— Конечно. Мне они хорошо известны. Я не раз видел их на берегу Илистой речки.

— Вы приняли какие-нибудь меры, чтобы наказать ее?

— Нет... не принял.

— Почему же? Я думаю, было бы благоразумнее это сделать, хотя бы для того, чтобы подобные нападения больше не повторялись.

— Сказать по правде, мне было стыдно. Поступи так мужчина, я бы, конечно, отплатил ему. Но все говорят, что девушка влюблена в меня, — конечно, по-своему, на индейский лад, — и мне не хочется ей мстить. Да и, кроме того, я сам во всем виноват: не надо мне было шутить с ней.

— И вы полагаете, что она перестанет преследовать вас?

— Не знаю. Особенно после того, что случилось сейчас. Су-ва-ни опять грозилась мне уходить. Я было решил, что она уже не думает о мести, ведь она знает, что мне все известно. Я сам сказал ей об этом при первой же встрече. Она вроде как бы обрадовалась, что я не донес на нее в полицию. Она сказала, что Белый Орел — так называют меня люди ее племени; их тут еще осталось несколько человек — великодушен. Она вроде как обещала, что не будет больше меня беспокоить, но я ей не очень верю. Вот почему, сэр, я просил вас не отъезжать далеко.

— По-моему, вам следует быть начеку. Видимо, эта индианка довольно вспыльчивая девица, и, судя по вашему рассказу, от нее можно всего ожидать. И, кроме того, она чрезвычайно странно проявляет свою любовь к вам. Конечно, вы дали ей повод.

— Что правда, то правда, сэр.

— Однако это недостаточное оправдание для ее поведения. Я вижу, вы несчастливы в любви. Одна любит вас чересчур пылко, а другая, по-видимому, недостаточно. Но

как же вы не постарались увидеть ее еще раз? Я имею в виду Мэриен.

— Видите ли, я не в очень хороших отношениях с Хиком Холтом, и мне было неловко пойти к нему. Кроме того, я решил держаться подальше от Мэриен, пока она не успокоится и не поймет, что я только шутил с индианкой.

— Вполне естественно.

— А через две недели я узнал, что она уехала. Я ни от кого не мог добиться, почему. Никто не знал, зачем и куда. Это было известно только Холту, а он умеет держать язык за зубами. Теперь я это знаю, и мне легче было бы услышать, что она умерла.

Охотник тяжело вздохнул, и я понял, что его грустный рассказ окончен.

Я ничего не сказал, так как видел, что моему спутнику сейчас слишком тяжело продолжать этот разговор, и мы молча поехали по тропе через поляну.

Перед тем как снова углубиться в лес, охотник вдруг остановил свою лошадь и устремил пристальный взгляд на противоположную сторону поляны. На что он смотрел? Нигде не было ничего примечательного. Но последовавшие за тяжким вздохом слова объяснили мне его странное поведение.

— Там, — воскликнул он, указывая на место, где тропинка выходила из леса, — там я в последний раз видел Мэриен!

Г л а в а XVI

ТРЕВОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

На протяжении первой полумили после поляны тропинка была настолько широка, что мы снова могли ехать рядом. Но, несмотря на это, никто из нас не проронил ни слова. После встречи с индианкой мой спутник стал еще более печальным. Он ехал, опустив голову на грудь, и, казалось, не замечал, ни где он находится, ни куда он едет. Я молчал, зная, как бесполезны в таких случаях утешения.

У меня самого мысли были невеселые. Правда, сердце мое было свободно и я не терзался любовными муками,

но будущее рисовалось мне в довольно мрачных красках. То, что я узнал о скваттере Холте, не могло не обеспокоить меня. Несколько раз я порывался рассказать охотнику о своем деле.

«Почему бы мне этого не сделать? — думал я. — Как искренне и честно он доверил мне свою печальную и самую сокровенную сердечную тайну! Почему бы мне не ответить ему доверием на доверие, тем более что моя тайна далеко не так важна?»

Я уже упоминал, почему я не сделал этого раньше. Теперь я уже не сомневался, что он будет скорее моим союзником. Во всяком случае, я был уверен, что могу рассчитывать хотя бы на дружеский совет, который был бы для меня очень ценен. Я уже собрался сказать ему о цели моего приезда и просить его помощи, когда он вдруг остановил лошадь и повернулся ко мне. Я тоже придержал коня.

— Дорога здесь разветвляется, — сказал он. — Левая тропинка ведет к вырубке Холта, а правая — к моей хижине.

— В таком случае, позвольте мне поблагодарить вас за любезную услугу и попрощаться с вами, — ответил я.

— Нет, сэр, погодите прощаться. Я провожу вас до места, откуда видна хижина Холта. Проводить вас до самого дома мне неудобно — я уже говорил вам, что мы с ним не в ладах.

— Но я не могу допустить, чтобы вы делали крюк, особенно в столь поздний час. Я сам немного слепопыт и как-нибудь найду дорогу.

— Нет, сэр! Тут есть места, где тропинка прерывается. Вы можете заблудиться. Она проходит в такой глухой чаще, что туда не проникает даже свет луны. Кроме того, это место опасное, потому что рядом большое болото. А поздний час меня не пугает — я, бывает, ложусь еще позднее. От хижины скваттера есть другая дорога — вдоль ручья, — по которой можно проехать к моему дому. Но я остановился не для того, чтобы попрощаться с вами.

«Для чего же?» — подумал я, стараясь понять, с какой целью он начал разговор.

— Вы не обидитесь, — продолжал охотник другим тоном, — если я вам задам один вопрос?

— Конечно, нет.

— Вы уверены, что сможете переночевать у Холта?

— Сказать по правде, нет. Но это неважно. Со мной мой старый плащ и седло. Спать под открытым небом мне приходилось сотни раз, так что это будет не впервые.

— Я вас спрашиваю вот почему. Если вас не приютит Холт, то в моей хижине для вас найдется медвежья шкура, если вы ею не побрезгаете.

— Вы очень добры, и, возможно, мне придется воспользоваться вашей любезностью. Должен сказать, я не очень рассчитываю на ласковый прием у вашего соседа.

— Да?.. Но...

Тут мой спутник замялся, как бы размышляя и словно не решаясь меня о чем-то спросить.

— Мне очень неудобно, — продолжал он после небольшой паузы, — но я хотел бы задать вам еще один вопрос, который все время вертится у меня на языке.

— Я буду рад ответить на любой вопрос, который вы найдете нужным мне задать.

— Если бы не ваше разрешение, я никогда не осмелился бы на это. Вас об этом уже спрашивали сегодня вечером, и я слышал, как вы ответили.

— Что за вопрос вы имеете в виду?

— По какому делу вы хотите видеть Хика Холта? Можете быть уверены, сэр, что я спрашиваю не из любопытства.

— Расскажу вам все с удовольствием. Более того: я сам собирался посвятить вас в свои дела, прежде чем расстаться, и хотел заодно просить вашего совета.

И без дальнейших предисловий я рассказал охотнику, зачем еду на Илустую речку. Он выслушал меня, ни разу не перебив. По выражению его лица я понял, что у меня очень мало шансов на миролюбивое соглашение со скваттером.

— Знаете, — сказал он, когда я кончил свой рассказ, — я догадывался, что вы приехали сюда за этим. Вот почему я и сказал вам, что я не стал бы покупать эту землю у него за спиной.

— Почему? — возразил я не без некоторого беспокойства, вспомнив, что говорил мой нэшвиллский друг о щекотливом «праве первой покупки»,

— Видите ли, сэр, я уже говорил вам, что с Холтом лучше не связываться, особенно в таком деле.

— Вы имеете в виду его право первой покупки?

— Нет, я говорю не о том. Холт не собирается ни предъявлять свои права, ни покупать землю по той причине, что у него нет за душой ни гроша.

— На что же он живет?

— На то же, на что и я. В наших местах очень много медведей, оленей и другой дичи. Леса полны белок, опосумов и диких индеек. А если надоест дичь — чего со мной никогда не случается, — можно ловить рыбу. Кроме того, на своей вырубке он выращивает кукурузу.

— Ну, а как же одежда и другие необходимые вещи, которых нельзя найти в лесу?

— Одежду можно достать в Суомпвилле — выменять на шкуры или оленину. Так же и порох, свинец, кофе и табак. Ну, и виски, конечно. Его-то Холт больше всего и любит... Но скажите, сэр, — продолжал охотник, внезапно меняя тон и предмет разговора, — неужели вы поедете к скваттеру по вашему делу сейчас, ночью?

— По-видимому, я действительно выбрал неподходящий час. Об этом я и не подумал.

— Кроме того, — прибавил мой спутник, — есть еще одно обстоятельство. Если Холт не изменил своей привычке, вряд ли он будет любезен с вами в такое позднее время. Я его давно не видел, но думаю, что он так же любит выпить, как и раньше. Ведь Хик не ляжет, не приложившись к бутылке. Десять против одного, что вы его сейчас найдете вдребезги пьяным.

— Действительно, я могу оказаться в весьма неловком положении.

— Вам не следует ехать сейчас к Холту, — продолжал убеждать меня охотник. — Вы можете переночевать у меня, а с восходом солнца отправиться к нему. Утром вам будет легче с ним объясниться. Я, конечно, не могу предоставить вам большие удобства и хороший ужин, но в моем доме всегда есть кусок оленины, найдется и кофе на заварку, и ломоть-другой хлеба. И ваш конь тоже голодным не останется.

— Благодарю вас! — воскликнул я, крепко пожимая его руку. — Я принимаю ваше приглашение.

— Ну, так едем.

Мы свернули направо и, проехав около двух миль, приблизились к поляне, на которой стояла бревенчатая хижина. Это было жилище охотника.

Как оказалось, он жил совершенно один, и шесть огромных собак были единственными живыми существами, разделявшими его одиночество. Они встретили нас радостным лаем. Прimitивная конюшня, рассчитанная на одну лошадь, стояла рядом с хижинкой. Она была предоставлена моему скакуну. Свою клячу хозяин пустил в лес ночевать среди деревьев, к чему она уже была приучена.

Эту ночь я провел в маленькой хижине, на медвежьей шкуре. На ужин была холодная оленина, кукурузный хлеб и кофе, а после него — трубка. Но вся эта незатейливая простота более чем скрашивалась искренним радушием моего хозяина — молодого охотника Френка Уингроува.

Г л а в а XVII **ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО**

Когда утром, покинув хижину моего гостеприимного хозяина, я отправился дальше по долине Илистой речки, передо мной развернулась восхитительная картина.

Был октябрь, время года, называемое индейским летом, та чудесная пора, когда солнце в последний раз бросает на землю прощальные лучи и деревья, словно вспыхивая от них, загораются красной и желтой листвой.

Но в это время года дремучий лес становится жертвой губительных ураганов. Они проносятся над ним, вырывая деревья с корнями, и на своем пути ломают и сметают все. После них не найти ни ствола, ни пня, ни молодой поросли. Даже могучие лесные исполины не могут устоять против их напора. Безжалостно вырванные из родной почвы, они лежат бесконечными рядами, и земля еще льнет к их обнажившимся корням, а зеленеющие вершины медленно увядают и гибнут. Печальное зрелище представляет собой поверженный лес! Он напоминает громадное поле сражения, на котором сомкнутые ряды солдат все разом полегли от смертоносного залпа картечи, и ни один из них не остался в живых, чтобы позаботиться о те-

лах убитых, похоронить или убрать их. Подобно полю сражения, он становится приютом для волков и других диких зверей. Тут они находят надежное убежище от преследования охотника и его собак. Здесь черная медведица учит своих косолапых детенышей взбираться на древесные стволы. Здесь прячутся рысь и пума и бродит по протоптанной им тропинке енот. Хитрый опоссум осторожно крадется по рухнувшему дереву или спит под перепутанными сухими корнями, а тощий бурый волк надрывно воет или хрипло лает на полночную луну.

Но проходит несколько лет, и эта мрачная картина становится отраднее. Нежный подлесок скрывает скелеты мертвых деревьев, разрастаются кусты и появляются травы, часто совсем иные, чем те, что были здесь прежде. И на месте недавнего запустения все пышно зеленеет и цветет, услаждая и радуя взор. Молодые деревья и кусты, покрывающие теперь землю, выделяются на более темном фоне окружающего леса. Так долго царившее здесь злое безмолвие нарушается. Хотя и слышатся еще иногда дикие, пронзительные крики пумы или отдаленный вой волков, но они заглушаются непрерывным пением иволги и алого кардинала, трелью зяблика и звонкоголосых дроздов, слетающих сюда, словно сговорившись, чтобы давать концерты в этом восхитительном лесном уголке.

* * *

Именно такой уголок предстал передо мной, когда я, покинув хижину охотника, поехал по тропинке, вившейся в тени мрачных раскидистых деревьев, до того места, где она внезапно оборвалась. Для меня это не было неожиданностью. Молодой охотник предупреждал меня, что тропинка, ведущая к хижине Холта, жившего в двух милях вниз по реке, идет через бурелом, и я ожидал увидеть ряды поваленных бурей засохших деревьев. Каково же было мое удивление, когда при выезде из лесного мрака передо мной раскинулась великолепная, ласкающая взор панорама!

Как я уже говорил, было то время года, когда американский лес одевается в свой самый роскошный наряд и краски его настолько разнообразны и ослепительны, что

даже листья кажутся цветами. Сквозь бледно-золотистую листву молодых буков просвечивает солнце, увядающий клен становится багряным, сумах — темно-алым, а сасафорас — ярко-красным. Лиловые гроздья дикого винограда, золотые ягоды персимоны — виргинского лотоса — и плоды маклюры отягощают ветви. Неудивительно, что я был так потрясен восхитительным и неожиданным зрелищем, неудивительно, что я остановился и долго не мог оторвать глаз от окружавшей меня красоты. Сердце билось от восторга, я слушал жужжание пчел и радостный хор птиц, поднимающийся к небесам, и душу охватывала радость при мысли, что в этом прекрасном краю я обрел свой дом.

Г л а в а XVIII

КРАСАВИЦА ЛЕСНОЙ ГЛУШИ

В течение некоторого времени я предавался мечтательному созерцанию окружавшей меня природы, затем тронул поводья и поехал дальше. Молодой охотник предупредил меня, что путь будет извилистый и трудный. По его словам, ураганом была захвачена полоса в триста ярдов ширины, но, чтобы пересечь ее, мне придется проехать расстояние вдвое большее. Направление ветра было перпендикулярно тропе, и поэтому рухнувшие деревья упали поперек ее. Наваленные друг на друга, они загромождали дорогу, словно барьеры для скачек с препятствиями. Через некоторые из них лошадь могла перешагнуть, через другие — перепрыгнуть, но местами встречались такие груды стволов, что высота их достигала моему коню по грудь. Прыжок с разгона через барьер с пятью брусьями был бы пустяком по сравнению с преодолением такого чудовищного препятствия. Должен сказать, что прыгать верхом через толстые бревна вообще довольно опасно, особенно когда нет места для разгона. Если лошадь заденет бревно подковой, она упадет и сломает шею либо себе, либо всаднику.

Так как торопиться мне было некуда, я начал медленным шагом пробираться сквозь этот запутанный лабиринт рухнувших деревьев.

Мне оставалось не более пятидесяти ярдов до леса, но

даже на таком небольшом расстоянии глаз безуспешно пытался проникнуть в его мрачную глубину. Я собирался поздравить себя с тем, что все препятствия остались позади, как вдруг заметил, что между мною и лесом лежит еще один огромный ствол. Приблизившись к нему, я увидел, что дорога разветвляется на две боковые тропинки. Одна огибала вершину дерева, а другая — огромные корни. Земля еще не осыпалась с них, и они вздымались на добрых десять футов. Примерная же толщина ствола была не более пяти. Мне предстояло выбрать, по какой тропинке ехать, что, в сущности, не имело значения, так как обе они вновь сходились по ту сторону дерева. Подумав, я решил не ехать ни по одной из них. Надо сказать, что одной из причин, побудивших меня поселиться в лесу, была страсть к охоте. Я считал, что чем скорее мой конь научится брать барьеры, тем успешнее и интереснее будет моя охота. Дело это являлось для него совершенно новым, и ему необходима была некоторая тренировка. Лежавшее поперек моего пути дерево свалилось далеко от других, и с каждой его стороны имелось большое свободное пространство, достаточное для разгона. Таким образом, я имел полную возможность дать моему арабу первый урок. Я уже собрался пришпорить коня, как вдруг услышал топот копыт, доносившийся из леса, и, пристально взглядевшись в его чашу, увидел, что кто-то едет по тропинке. Это обстоятельство заставило меня отказаться от моего намерения или, вернее, отложить его, пока всадник не проедет. Если бы я попробовал перепрыгнуть через дерево, мой конь на полном галопе столкнулся бы с лошастью этого всадника.

Я остановился и начал поджидать его, как вдруг, прищелкнувшись, увидел, что ошибся и ко мне приближается не всадник, а всадница — юная девушка необычайной красоты!

Что-то невыразимо нежное, бесконечно прелестное было в ней, в гармоничном сочетании безупречно правильных черт лица и белоснежной кожи, озаренной отблеском золотых волос, которые, казалось, сияли даже в глубокой тени деревьев. Возможно, читатель улыбнется такому восторженному описанию и подумает, что оно явилось плодом романтического воображения. Но, если бы он сам

взглянул в оттененную темнотой зрачков лазурную глубину ее влажных глаз, на щеки, словно окрашенные перьями лучами утренней зари, на алые губы, цвет которых пристыдил бы любую розу, на шею, будто выточенную из слоновой кости, на золото волос, он не усомнился бы в том, что видит пред собой лицо богини.

И это волшебное создание было одето не только просто, но даже бедно. Свободное платье из желтой полосатой домотканой материи с большим вырезом и скромный чепчик составляли весь ее наряд. Золотые волосы падали густыми локонами на спину и плечи, заменяя шаль, а нитка жемчуга, конечно фальшивого, была ее единственным украшением. На ней не было ни туфелек, ни чулок, но самая дорогая обувь не могла бы сделать изящней видневшиеся из-под юбки хорошенькие маленькие ножки, покоившиеся без стремян на боку лошади.

Еще более убогим, чем ее домотканое платье, был конь, на котором она сидела. Он не мог не возбуждать жалости, так как походил не на живое существо, а на вытянутый кожей скелет. Вместо седла у него на спине лежал кусок медвежьей шкуры, подвязанный ремнем. Девушка сохраняла равновесие, держась одной рукой за истертые поводья, а другой — за высокий костистый загривок, вздымавшийся, как верблюжий горб, под жесткой гривой, в которой не могли спрятаться ее тонкие пальчики.

Контраст между старым конем и юной всадницей был поистине разителен. Первый казался карикатурой на прекраснейшее из четвероногих, а вторая — воплощением самой богини красоты.

Г л а в а XIX

РЯД НЕУДАЧ

При виде прекрасной всадницы я тотчас отказался от мысли перескочить через дерево и решил его обогнуть. Придержав своего коня, я приблизился к лежащему исполину как раз в то время, когда девушка подъезжала к нему с другой стороны. Таким образом, мы оказались лицом к лицу, разделенные лишь его стволом. Мне хоте-

лось заговорить с ней, но я никак не мог придумать подходящие слова. Избитая фраза «доброе утро, мисс» была бы слишком банальной и, наверное, уронила бы меня в ее прекрасных глазах. В этом я не сомневался и потому промолчал.

Однако вежливость требовала, чтобы я с ней поздоровался. С легким поклоном я приподнял свою фуражку, может быть несколько живее, чем полагалось, но все же не выходя из рамок приличия. В ответ она кивнула головкой и, как мне показалось, улыбнулась. Но была ли улыбка приветливой или насмешливой, я не понял. Я решил поклониться ей еще раз, когда мы вновь встретимся, обезжая дерево, и обязательно заговорить с ней.

Повернув коня, я стал обдумывать, как это сделать. Я выбрал правую тропинку. Она вела вокруг корней дерева и показалась мне более короткой и протоптанной. Но каково же было мое разочарование, когда, обернувшись, я увидел, что непросительно ошибся: девушка поехала в противоположном направлении! Да, она предпочла ехать по тропинке, огибавшей вершину дерева, — выбрала более длинный путь. Было ли это случайно или преднамеренно? Конечно, преднамеренно. Во всяком случае, мне так показалось, и я сразу упал в собственных глазах. Выбрав этот путь, она дала мне понять, что не желает еще раз встречаться со мной. Правда, мы должны были вновь съехаться у середины бревна, но лишь для того, чтобы немедленно разъехаться.

Чтобы доставить себе хоть это удовольствие, я быстро объехал огромные корни дерева, на мгновение потеряв всадницу из виду. Я так торопился и был так поглощен мыслью еще раз любезно поклониться ей, что не заметил страшного зверя, который, греясь на солнце, лежал у самого ствола. Обогнув дерево, я увидел, что меня постигла еще одна неудача, почти столь же досадная, как и предыдущая: я прибыл слишком рано! Золотоволосая девушка еще не объехала вершину, и ее лицо мелькало за ветвями.

Мне показалось, что она нарочно едет медленно, чтобы не встречаться со мной, и я почувствовал себя еще более несчастным.

А между тем я был уже на тропинке, ведущей в лес,

и у меня не было никакого предлога, чтобы остановиться. Я в последний раз оглянулся, но не увидел всадницы, так как она по-прежнему была скрыта огромными ветвями дерева.

«Лучше бы я никогда не видел ее!» — подумал я, въезжая под угрюмые своды деревьев, менее мрачные, впрочем, чем мое настроение.

Теперь я уже раскаивался в том, что был так застенчив с этой лесной красавицей. «Вот поэтому-то, — думал я, — она так равнодушно и проехала мимо. Отчего я с ней не заговорил, не обратился к ней даже с самым банальным приветствием? Если бы я сказал ей «доброе утро, мисс», она несомненно что-нибудь ответила бы. Во всяком случае, хуже не было бы. Почему, черт возьми, я не сказал ей «доброе утро»? Я хоть услышал бы ее голос, безусловно такой же очаровательный, как она сама. Почему я проехал молча? Она, конечно, сочла меня каким-нибудь деревенским увальнем. Может быть, и улыбнулась она только потому, что ее рассмешила моя робость! Черт возьми, какой же я был глупец!..» Но что я слышу? Женский голос... крик, полный ужаса! Опять! Отчаянный зов: «На помощь!» Неужели это зовет она? Да, да! Конечно!

Круто повернув коня, я поскакал назад к поваленному дереву. Выехав на опушку, я остановился, чтобы осмотреться и узнать, откуда доносятся призывы о помощи. Сцена, открывшаяся моим глазам, была ужасна.

Девушка уже объехала дерево и находилась по другую его сторону, совсем близко от поворота на тропу. Но, вместо того чтобы ехать вперед, она стояла на месте. Лицо всадницы выражало беспредельный ужас. Кляча ее тоже была чем-то страшно испугана. Она храпела и фыркала, закинув голову и вытянув шею. Девушка машинально дергала поводья, словно желая повернуть ее. Но это было невозможно: рядом с поваленным деревом лежал еще один ствол, и ее лошадь, попав между ними, не могла повернуться в этом узком проходе. Мое удивление при виде этой картины длилось всего лишь одно мгновение, так как я сразу понял, чем был вызван столь панический страх. На рухнувшем дереве я увидел пуму.

Припав к стволу, она медленно приближалась к де-

вушке — не прыжками и не шагами, а ползком, как кошка. Ее длинное рыжее тело распласталось по бревну. Зверь полз так, что не видно было движения его лап, и он скорее походил на гигантскую гусеницу, чем на четвероногое. Только его огромный, не менее трех футов длины, хвост хлестал по дереву. Я не видел морды зверя, она была обращена в противоположную от меня сторону, к его жертве.

По счастью, хищник не заметил моего приближения. Он несколько раз приостанавливался, готовясь к прыжку, но старая кляча снова отступала, и он продолжал красться все дальше по стволу. Как всегда, мое ружье было со мной. В одно мгновение оно оказалось у меня в руках. Прикосновение ствола к уху моего араба было для него сигналом, что я готовлюсь стрелять, и он остановился как вкопанный. Я выстрелил. Рыжее тело скатилось с дерева на землю, и, когда дым рассеялся, я увидел, что хищник бьется в предсмертных конвульсиях. Пуля перебила ему позвоночник. Я вытащил револьвер и тремя выстрелами прикончил пуму.

* * *

Что случилось дальше, я предоставляю воображению моего читателя. Достаточно сказать, что это происшествие оказалось для меня счастливым. Лед равнодушия был сломан, и за смелость и ловкость меня наградили не только улыбками, но словами благодарности, звучавшими в моих ушах, как музыка.

Я поехал проводить девушку по тропе, заваленной буреломом, и мне казалось, что я мог бы ехать так с ней на край света! Узкая тропа не давала возможности много разговаривать, но все же время от времени мы обменивались несколькими словами. Я не помню, о чем мы говорили. Для меня было достаточно смотреть на нее и слушать нежный голосок. Мое сердце трепетало от любви, и я не спросил мою спутницу, откуда она едет и как ее имя. Лишь случайно, в разговоре, я узнал, куда она направляется. Она ехала навестить живущих за рекой друзей ее отца. Как мне хотелось быть другом ее отца, родственником, сыном!

Наконец мы подъехали к броду. На противоположном



На рухнувшем стволе я увидел пуму. Она медленно приближалась к девушке...

берегу неподалеку находился дом, куда она направлялась. Тут мы должны были попрощаться. Старая кляча спустилась с берега — и мы расстались.

Я смотрел, как девушка пересекала реку. Капли воды сверкали на ее босых ножках, как жемчужины.

Я провожал ее глазами, пока она не скрылась за деревьями.

Г л а в а XX

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Неохотно отправился я в обратный путь и вскоре вновь очутился среди поваленных ураганом деревьев. Цветы, росшие вдоль озаренной солнцем тропинки, казались еще ярче и свежее. Из их чашечек струились пряные благоухания, наполнявшие воздух сладким ароматом.

Я ехал медленно. Передо мной витал образ прекрасной девушки. Мое сердце, охваченное любовью, трепетало от радости. Прошлое казалось светлым, настоящее — подлинным счастьем, будущее — полным надежд. Я нашел то, к чему так страстно стремился: уединение среди дикой, первобытной природы и возлюбленную, о которой столь долго мечтал. Впереди все казалось безоблачным и таким же солнечным и ярким, как небо над моей головой. Мне улыбался весь мир!

Но недолго длились эти упоительные мечты. Всего лишь пока я пересекал заваленную буреломом поляну, по которой только что проезжал с прелестной незнакомкой. Подъехав к дереву, где была убита пума, я вдруг очнулся от своих грез.

Труп хищника лежал поперек тропинки, уходившей в лес. Его великолепной шкурой нельзя было пренебречь, и, прыгнув с седла, я снял ее при помощи охотничьего ножа.

С гордостью рассматривал я свой первый добытый в этих лесах трофей, с которым были связаны столь сладостные воспоминания. Через несколько минут шкура была свернута, приторочена к седлу, и с этим дополнительным грузом мой конь вновь углубился в чащу.

Проехав около мили, я оказался на тропинке, проле-

гающей через болотистую низину, похожую на ту, которую мы пересекли, когда выехали с молодым охотником из Суомпилла.

Под копытами лошадей и скота черный перегной тропинки превратился в грязь. Местами встречались трясины — ответвления огромного болота, простиравшегося параллельно реке. Мой конь, непривычный к такой почве, проваливался в вязкую тину по самое брюхо.

Несмотря на полуденный час, в глубине леса царил густой сумрак, более похожий на ночь, чем на день. Впечатление это усиливалось от многократно повторявшихся лесным эхом зловещего уханья совы и унылого крика выпи — звуков, неразрывно связанных с ночным мраком. По временам на тропинку падали причудливые световые блики, указывавшие, что где-то поблизости находится открытое место. Однако источником этого света оказывалась не гостеприимная поляна, а мрачная заводь, у неподвижных вод которой не растет даже кипарис. Это было обиталище черных водяных змей, болотных черепах, а также журавлей и цапель. Я видел сотни этих птиц. Одни сидели на сгнивших, полузатопленных корягах и на стволах, подобно бурым обелискам, стоявших у берегов заводи, другие медленно кружились над водой, оглашая воздух пронзительными криками.

По обе стороны тропы возвышались исполинские деревья, над корнями которых поднимались огромные отростки, похожие на зубчатые стены крепости. Местами они были значительно выше моей лошади и совершенно преграждали путь, так что мне приходилось объезжать их. В этом глубоком сумраке было бы легко сбиться с тропинки, если бы не зарубки на гладкой коре сикимор.

Все это отнюдь не могло вызвать приятные размышления, тем более что, судя по словам моего вчерашнего спутника, такова была большая часть участка № 9. «Вряд ли на нем найдется пригодное для жилья место, кроме уже занятого скваттером. Это похуже всякой закладной», — думал я. В эту минуту я с удовольствием уступил бы весь свой лес «по самой сходной цене». Но я не обольщался этой мыслью. На берегах Мерсея или Темзы такой лес был бы целым богатством, но на берегах Илистой речки его никто не взял бы и даром!

По мере того как я продвигался вперед, настроение мое все больше падало. Это было вызвано отчасти мрачным болотом, через которое я проезжал, а отчасти естественной реакцией, всегда наступающей после сильной радости. Кроме того, мной все более овладевали неприятные предчувствия.

До этой минуты я почти не думал ни о своем деле, ни о скваттере, так как сначала яркие краски утра, а затем романтическая встреча занимали мои мысли и мешали сосредоточиться на будущем. Но теперь, приближаясь к жилищу Холта, я вдруг почувствовал, что наступает решительный час.

Г л а в а XXI

НЕГОСТЕПРИИМНАЯ ХИЖИНА

Участок величиной примерно в два акра, обнесенный забором из жердей, концы которого спускались к ручью, трудно было назвать вырубкой — всюду на нем торчали сухие деревья с содранной корой. Среди них виднелась бревенчатая хижина с дощатой крышей. С одной стороны к ней была пристроена кое-как сколоченная из досок конюшня, а с другой — покосившийся сарай. Около дома, рядом с чурбаном, на котором лежал топор, была навалена большая куча дров, а возле конюшни и сарая — груды кукурузной шелухи и ободранных початков. Перед самой хижинной среди сухостоя торчали стебли кукурузы с обломанными верхушками.

Вот такая картина открылась передо мной, когда я добрался до вырубki скваттера Холта.

«Значит, это и есть мой участок», — подумал я.

Оказавшись у самой изгороди, я все же не увидел ворот. Их заменяли несколько съемных жердей, опиравшихся на два толстых столба. Верхняя перекладина была снята. Не имея никакого желания спешиваться, я верхом перепрыгнул остальные и рысью подъехал к хижине. Дверь ее была широко открыта. Я надеялся, что на топот копыт моего коня оттуда кто-нибудь выглянет, но никто не появился. Может быть, в хижине никого нет? Я подождал минуты две, прислушиваясь. Но в хижине царил мертвая тишина. Значит, она пуста? Или совсем по-

кинута? Но нет — через дверь я видел самодельную мебель и кухонную утварь. Значит, ее обитатели отлучились на время и находятся где-нибудь неподалеку в лесу.

Я окинул взглядом весь участок, посмотрел за забор в лес, но никого не увидел. Только десятка два черных грифов, таких же зловонных, как их пища, сидело на голых сучьях сухих деревьев. Несмотря на то что омерзительные птицы были на расстоянии выстрела, они не обращали на меня никакого внимания, а сидели спокойно, лениво распустив крылья, словно греясь на солнце. Порой одна из них бесшумно поднималась в воздух, и на смену ей так же бесшумно прилетала другая. Их тени лениво скользили по земле среди увядших стеблей кукурузы.

Я не хотел быть невежей и уже стал жалеть о том, что заставил своего коня перепрыгнуть через ограду. Я покашлял, но безрезультатно: или меня действительно не слышали, или просто не желали отзываться.

«Конечно, — думал я, — если в доме есть люди, они должны меня заметить».

В хижине, хотя и лишенной окон, были такие широкие щели, что из нее можно было видеть весь участок. Более того: я даже снаружи различал если не всю внутренность жилища, то, во всяком случае, большую ее часть. Вдруг мне показалось, что через просветы между бревнами виднеются очертания человеческой фигуры, и, взглядевшись пристальнее, я убедился, что это был мужчина. Странно, что он меня не слышал! Может быть, он спал? Судя по его позе — нет. Человек сидел на стуле совершенно прямо, высоко подняв голову. Вряд ли он мог спать в подобном положении. Придя к такому заключению, я снова кашлянул, громче, чем прежде, но результат был тот же. Внезапно мне показалось, что человек пошевелился. Да, я не ошибся — он сделал движение, но, очевидно, не собирался вставать.

«Какая наглость! — подумал я. — Чего он хочет этим добиться?»

Я начинал терять терпение. Непонятная сонливость владельца хижины вывела меня из себя.

— Есть кто-нибудь в доме? — крикнул я. — Эй! Кто там?

Человек снова пошевелился, но не встал. Я повторил свой окрик, но уже более громко и повелительно, и на этот раз услышал ответ.

— Кто вы такой, черт вас возьми, и какого дьявола вам тут нужно? — донесся до меня голос, более похожий на рычание медведя, чем на человеческую речь.

Я увидел, что человек поднялся со стула, но ничего не ответил ему на этот грубый оклик — мне было достаточно того, что меня заметили.

Деревянные половицы заскрипели под тяжелой поступью, и я понял, что обитатель хижины направляется к двери. Через мгновение он появился на пороге, заполнив дверной проем. Передо мной стоял гигантского роста мужчина с бородой, достигавшей второй пуговицы куртки. На его лицо нельзя было смотреть без страха: оно выражало решительность и отвагу, но вместе с тем свирепую жестокость.

Было совершенно излишне спрашивать, кто он. Вспомнив рассказ молодого охотника, я сразу догадался, что передо мной стоит скваттер Хикман Холт.

Г л а в а XXII

ГРУБЫЙ ПРИЕМ

Из вежливости я чуть было не произнес общепринятую фразу: «Полагаю, что вижу перед собой мистера Холта?», но не успел этого сделать, так как скваттер, едва появившись на пороге, разразился потоком брани:

— Кто ты такой, и какого дьявола тебе нужно?

— Я желал бы видеть мистера Холта, — ответил я, едва сдерживаясь.

— Ты хочешь видеть мистера Холта? Никакого мистера Холта здесь нет.

— Нет?

— Нет, черт тебя подери! Ты что, оглох?

— Вы хотите сказать, что Хикман Холт здесь не живет?

— Ничего подобного я не говорю. Если тебе нужен Хик Холт, то такой здесь есть.

— Да, я спрашиваю о Хике Холте.

— Ну, и что из того, если он тут живет?
— Мне хотелось бы повидать его.
— Вот что, незнакомец, — сказал скваттер, и глаза его злобно сверкнули, — если ты шериф, то Хика Холта дома нет. Понятно? Его нет дома.

Последняя фраза была произнесена весьма многозначительно, и он выразительно приподнял полу своей куртки, показав торчавший за поясом огромный охотничий нож. Я прекрасно понял его намек и невозмутимо ответил:

— Я не шериф.

Я надеялся успокоить его, полагая, что оказанный мне прием — следствие какого-то недоразумения.

— Я не шериф, — снова повторил я еще более убедительным тоном.

— Не шериф? А кто же? Один из его подручных?

— Ни то и ни другое, — ответил я, снова сдерживаясь.

— А зачем нацепил золоченые пуговицы и брюхо перетянул, как заяц на вертеле? Кто ты такой?

Мое терпение истощилось, но, помня наставления моего нэшвиллского друга и совет, данный мне накануне охотником, я, хотя и с трудом, подавил закипавший во мне гнев.

— Моя фамилия... — начал я.

— Плевал я на твою фамилию! — перебил меня великан. — Она мне нужна, как дохлая собака! По какому делу ты сюда явился, вот что я хочу знать!

— Я уже сказал вам причину моего приезда: мне нужно видеть мистера Холта — Хика Холта, если вам так больше нравится.

— Видеть Холта? Ну, если в этом заключается все твое дело, то ты его уже увидел. А теперь убирайся отсюда.

Это слишком буквальное толкование моих слов не сбilo меня, и я спокойно продолжал:

— Так это вы Хик Холт?

— А кто тебе сказал, что нет? Что ты ко мне привязался? Иди ко всем чертям!

Эти угрозы и оскорбления, которыми великан скваттер, очевидно, рассчитывал запугать меня, произвели совсем иное действие. Не знаю, можно это назвать храб-

ростью или нет, но я так же мало ценил свою жизнь, как и он. Мне слишком часто приходилось рисковать ею и на поединках, и на поле брани, чтобы я мог испугаться такого грубияна. Я не собирался больше терпеть возмутительный тон и, отбросив все соображения благоразумия, решил положить конец подобному обращению. Отвечать ему тоже руганью было бесцельно.

«Возможно, — подумал я, — надо говорить с ним более решительно». Однако, раньше чем я успел ответить на последний вопрос, он раздраженно и нетерпеливо повторил его:

— Ну, мистер Болтун, выкладывай, да поскорее. Чего тебе от меня нужно?

— Во-первых, мистер Хикман Холт, мне нужно, чтобы со мной обходились вежливо. Во-вторых...

Скваттер снова перебил меня грубым ругательством.

— Еще чего! — рявкнул он. — Говоришь о вежливости, а сам прыгаешь на лошади через чужую ограду и въезжаешь во всю прыть чуть ли не в самый дом! Запомни, мистер Золотые Пуговицы, что я не позволю ни одному человеку — будь то белый, черный или индеец — врываться на мой участок без разрешения. Понял?

— На ваш участок? А вы уверены, что он ваш?

Скваттер побагровел — может быть, от ярости, но в ней явно примешивалось еще какое-то чувство.

— Не мой участок! — загремел он, усащая свои слова проклятием. — Не мой участок! Покажите мне человека, который так говорит! Покажите его мне, и, клянусь всевышним, он больше этого не скажет!

— Вы его купили?

— А тебе какое дело? Я его обработал, и этого вполне достаточно. Лопни мои глаза, если он не останется моим навсегда. А какое тебе дело до моего участка?

— Вот какое, — сказал я, вынимая из седельной сумки документы и стараясь быть спокойным. — Видите ли, мистер Холт, ваш дом стоит на участке № 9, который я купил у правительства Соединенных Штатов. Поэтому вы должны мне сообщить, собираетесь ли вы использовать преимущественное право покупки занятой вами земли или же передадите ее мне. Вот документы. Можете с ними ознакомиться.

— Я так и думал, что ты явился сюда по этому делу! — зарычал он. — Так и думал! Зря старался — ни черта ты не получишь. Плевал я на твои документы! Плевал я на всякие преимущественные права! Все они не стоят вон того пустого початка. У меня есть свои «преимущественные права» на землю. Я сейчас покажу их тебе и посмотрю, как они тебе понравятся.

С этими словами Холт повернулся и исчез в хижине.

«Так, значит, у него есть документы и он является законным владельцем этой земли? — подумал я. — Неужели он купил ее? Если это так...»

Тут мои размышления были прерваны появлением скваттера. Но вместо бумаг, которые я ожидал увидеть, он держал в руках длинное ружье.

— Ну-с, мистер Выгоняло, — проговорил он победоносно и полным сарказма тоном, угрожающе приподняв свое оружие, — вот мои документы. Мое «преимущественное право» — это право ружья. Думаю, тебе достаточно ясно, что я имею в виду, а?

— Нет, не ясно, — ответил я решительно.

— Не ясно? Вот что, незнакомец! Я говорю совершенно серьезно. Посмотри мне в глаза, и ты увидишь, что я не шучу. Если ты не уберешься немедленно, ты живым отсюда не уйдешь. Видишь тот пень? Тень от него идет к дому. В ту минуту, когда она доползет до стены, я застрелю тебя, не будь я Хик Холт. Помни, я тебя предупредил!

— А я предупреждаю вас, мистер Холт, что буду защищаться. Если вы промахнетесь...

— Промахнуть? — прервал он меня и презрительно повел плечом. — Промахнуть, дурень? Ну, об этом я не беспокоюсь!

— Если вы промахнетесь, — продолжал я, не обращая внимания на его слова, — я вас не пощажу. Вы собираетесь подло, как трус, воспользоваться первым выстрелом, но имейте в виду, что в случае промаха я сам вас застрелю, и суд меня оправдает, так как я сделаю это, защищая свою жизнь. Если вы выстрелите, я выстрелю тоже. Берегитесь — я не щажу трусов.

— Трусов? — взревел гигант. — А если я не промахнусь? — продолжал он с многозначительной, полной пре-

зрения усмешкой, означавшей, что он всегда попадает в цель. — А что, если я не промахнусь, мистер Хлопушка?

— А вдруг промахнетесь? Не будьте слишком уверены в том, что попадете наверняка. В меня не раз уже стреляли.

— После моего выстрела никому не придется стрелять в тебя.

— И все-таки я рискну остаться здесь. Если даже вы меня убьете, вы ничего этим не выиграете. Имейте в виду, любезнейший, мы с вами не деремся на дуэли. Если вы меня застрелите, вас покарает закон.

Мне показалось, что мои слова произвели некоторое впечатление на скваттера. Видя, что он молчит, я продолжал тем же решительным тоном:

— Если мне суждено погибнуть от вашей руки, помните, что у меня есть друзья, которые заинтересуются обстоятельствами моей смерти и начнут расследовать их. Если я убью вас, защищаясь, суд меня оправдает. Если же вы убьете меня, ваш поступок расценят иначе. Это будет преднамеренное убийство!

Последнее слово я произнес особенно многозначительно. На лице скваттера отразилось некоторое волнение, и мне даже показалось, что он задрожал и слегка побледнел. Дрогнувшим голосом он ответил:

— Преднамеренное убийство? Нет, нет! Я же тебя предостерег. У тебя еще есть время спасти свою шкуру. Убирайся с моей вырубки, и я тебя не трону.

— Я не уйду отсюда до тех пор, пока вы не признаете моих прав на этот участок.

— В таком случае, ты отсюда живым не уйдешь.

— Значит, вы решили стать убийцей?

Я снова подчеркнул последнее слово и увидел, что оно произвело необычайное впечатление. Испугался ли он последствий или в его душе еще тлела искра человечности, а может быть—что, впрочем, было мало вероятно,— он устыдился своего недостойного поведения? Трудно сказать, почему, но после моих слов скваттер, казалось, немного присмирел.

— Убийца! — повторил он после небольшого раздумья. — Нет, нет, я не убийца! И без того уже плохо, когда тебя обвиняют в преступлении, в котором ты не по-

винен. Я не собираюсь совершать убийство, но теперь я тебе уже не позволю уйти отсюда. Минуту назад я этого хотел, но ты сам потерял шанс на спасение, назвав меня трусом. Нет, ты должен умереть. Готовься к смерти. Я тебе покажу труса!

— Конечно, трус!

— В чем же моя трусость?

— В вашем ничем не оправданном нападении на меня, особенно поскольку оно дает вам возможность стрелять первому. А что, если я сейчас сам застрелю вас? Вы видите револьвер в моей кобуре? Прежде чем вы вскинете свое ружье к плечу и прицелитесь в меня, я успею всадить в вас все шесть пуль. Если бы я так сделал, как бы вы это назвали? Не трусостью и не преднамеренным убийством?

Г л а в а ХХIII

ДУЭЛЬ БЕЗ СЕКУНДАНТОВ

Говоря это, я видел, как выражение лица моего великана противника постепенно менялось. Казалось, в мозгу его созревало новое решение, вытеснявшее ранее намеченный план действий. Неужели я сумел пробудить его честь? Именно к этому я и стремился и теперь продолжал разговор в том же духе, ибо только это могло подействовать на человека такого склада.

— Вы не отваживаетесь действовать открыто? — насмешливо сказал я. — Вы хотите подло убить меня, а для этого нужно, чтобы ваш выстрел был первым.

— Это ложь! — крикнул гигант, выпрямившись во весь рост с такой величественной осанкой, какой я от него не ожидал. — Я не собираюсь убивать исподтишка, и первый выстрел мне вовсе не нужен. Не такой уж Хик Холт плохой стрелок, чтобы опасаться тебя и твоей хлопушки. И не так он дорожит жизнью, чтобы бояться ею рискнуть! Хоть ты и надутый индюк, но в подлости ты меня винить не сможешь! Однако ты, кажется, парень, не трус, поэтому я, пожалуй, сделаю по-другому.

— Как? — воскликнул я, пораженный этими словами и полагая, что они означают конец нашего столкновения. — Значит, вы хотите поступить по справедливости?

— Я хочу честно биться с тобой!

— Ого, дуэль?

— Дуэль, если это так по-вашему называется, мистер.

— Я согласен. Но ведь у нас нет секундантов?

— А ты думаешь, что два человека не способны честно драться без секундантов? Видишь пень у изгороди?

— Вижу.

— Так вот, мистер, становись перед ним или позади него, как тебе больше нравится. Здесь, у сарая, тоже есть пень — это будет мое место. Между ними ярдов двадцать. Годится тебе такое расстояние?

— Такое или другое — мне все равно, — ответил я машинально, всё еще охваченный изумлением, не лишенным некоторой доли восхищения.

— Ну, так слезай с лошади и забирай с собой ружье. Мое при мне, как видишь. Думаю, что больше одного раза стрелять мне не придется, но, если бы я промахнулся, берегись: я заряжаю ружье быстро! И помни, мистер: один из нас не уйдет отсюда живым.

— А кто же подаст нам сигнал для первого выстрела?

— Это я уже обдумал. Не беспокойся.

— Как же вы это устроите?

— А вот как: у меня есть дома кусок оленины. Я принесу его сюда и брошу вон там, на середине поляны. Видишь стервятников на тех сухих деревьях?

Я кивнул головой.

— Ну так вот: нам не долго придется ждать, пока какой-нибудь из них бросится вниз на это мясо. Как только первая птица коснется его, это и будет сигналом. Так будет по-честному?

— Конечно, — все еще машинально отвечал я, так как именно честность его предложения не давала мне опомниться от изумления.

Этот человек не только изумлял — он просто обезоруживал меня, и его неожиданно изменившееся поведение совсем укротило мой гнев. Не задумываясь о возможных последствиях, я уже чувствовал, что совсем не склонен драться. Может быть, еще не поздно остановить эту бессмысленную дуэль? Такова была моя мысль, и, подавив свою гордость, я высказал ее вслух. Однако в ответ на такое миролюбивое предложение я услышал:

— Опоздал, мистер. Теперь уж это не выйдет!

— Но почему же? — настаивал я, сознавая с сожалением всю бесполезность этой попытки.

— Ты меня разозлил, и теперь, черт возьми, ты будешь драться со мной.

— Но, право же...

— Брось эту болтовню, а то, клянусь светопрествлением, я буду считать тебя трусом. Да я и раньше знал, что ты запросишь пощады!

— Довольно! — крикнул я, уязвленный этой насмешкой. — Я готов. Начнем!

Скваттер вошел в хижину и сейчас же вернулся, неся в руках кусок оленины.

— Ступай на место, — скомандовал он, — и помни: не стрелять, пока первая птица не слетит на землю. После этого можешь палить.

— Пойдите, — сказал я, — надо сделать еще кое-что. Вы поступаете благородно, чего я, признаюсь, не ожидал, и этим заслуживаете право на жизнь. А ведь она окажется в опасности, если мне не повезет. Вас сочтут убийцей, а этого не должно быть.

— Что ты там еще выдумываешь? — буркнул мой противник, очевидно не поняв меня.

Не отвечая на его вопрос, я вынул записную книжку, открыл чистый листок и написал на нем: «Я был убит в честном поединке». Потом поставил число и подпись и, вырвав листок, протянул его скваттеру. С минуту он рассматривал написанное с озадаченным видом, потом, судя по его мрачной улыбке, я понял, что ему стало ясно мое намерение.

— Ты, пожалуй, прав, — протянул он, помолчав, — об этом я не подумал. Полагаю, что и мое имя на этой бумажке будет не лишним. Если подливка годна для гусыни, она подойдет и для гуся. Дай-ка мне карандаш. Я не больно учен, но подписаться, пожалуй, сумею. Ну-ка!

Положив бумажку на пень, он медленно нацарапал свое имя под моим, потом поднял листок и молча указал пальцем на подпись. После этого он снова положил документ на прежнее место и пригвоздил его ножом к пню с такой силой, что рукоятка задрожала. Все это он про-

делал совершенно хладнокровно, словно готовясь к самому обычному делу.

— Я думаю, — по-прежнему невозмутимо сказал он, — что теперь ветер не сдует бумажку, пока не станет ясно, кому ею владеть. Ну, а теперь начали. Сейчас я брошу мясо.

Я еще раньше сошел с лошади и теперь стоял возле нее, держа в руке ружье. Не сказав ни слова и даже не оглянувшись, я покорно направился к указанному мне пню. Я не опасался выстрела в спину. Поведение этого человека убедило меня, что я могу не опасаться предательства с его стороны. Я уже не считал его и трусом. Мое мнение о нем давно изменилось.

Должен признаться, что никогда еще я не готовился к схватке с такой неохотой. Я готов был не только взять назад свои слова о трусости моего противника, но даже отказаться от прав на участок, хотя и признавал, что это может мне стоить чести и доброго имени. Ведь поступи я так, мне невозможно было бы появиться ни в Суомпвилле, ни вообще где бы то ни было. Даже среди моих светских друзей меня обвинили бы в малодушии, назвали бы трусом. Неотесанность моего противника не послужила бы мне оправданием, особенно после того, как он предложил мне честный бой. «Испугался», — был бы общий приговор. Кроме того, хотя скваттер и держал себя внешне спокойно, можно даже сказать — вежливо, я знал, что его решение непоколебимо. Выбора не было: я принужден был драться!

Дойдя до пня, я повернулся и стал лицом к моему противнику. Он тоже стоял у своего пня, держа в одной руке кусок оленины, а в другой — свое длинное ружье. Приблизился миг, когда одному из нас предстояло покинуть этот мир! По лицу моего противника я видел, что поединок неизбежен, и решил покориться судьбе.

— Ну, мистер, — громко и внятно сказал Холт, — я бросаю мясо. Смотри же! Не начинать, пока какая-нибудь из птиц не слетит на землю. После этого можешь стрелять, как дьявол!

Я видел, как кусок мяса завертелся в воздухе и как он падал, падал, пока не шлепнулся на землю. Это было страшное мгновение!

Г л а в а XXIV
В ОЖИДАНИИ СИГНАЛА

Да, такое испытание могло потрясти человека с самыми крепкими нервами и самым отважным сердцем. Для меня оно было гораздо тяжелее обычной дуэли. Ведь у меня не было никаких оснований желать этого поединка. Мне, конечно, было нанесено оскорбление, но не настолько тяжелое, чтобы жаждать мести и тем более кровопролития! Если минуту назад я был охвачен гневом и подобная мысль не остановила бы меня, то теперь кровь уже спокойно текла в моих жилах. Неожиданная перемена в поведении Холта усмирила мою ярость, как масло, вылитое на воду, усмиряет бушующие волны.

Я стоял перед моим противником в тяжелом раздумье. Драться без секундантов и умереть, не имея рядом друга, которому можно сказать последнее прости! Убить человека, когда некому даже засвидетельствовать честность поединка. Ведь не было ни одного живого существа возле нас, кроме черных грифов, как будто созданных для того, чтобы подать роковой сигнал! Нельзя сказать, чтобы я не испытывал страха, но это была скорей не трусость, а досада, что приходится рисковать жизнью так бессмысленно. Какая нелепость — подставлять себя под выстрел из-за прихоти чудака скваттера, и столь же нелепо самому стрелять в него!

Будь я посторонним зрителем или даже секундантом, ситуация показалась бы мне просто смешной. Но, к сожалению, я был одним из действующих лиц этого поединка, и мне было не до смеха. Как ни забавны казались обстоятельства, но само дело было слишком серьезно, чтобы вызывать веселость. Позволить просто убить себя равнялось бы самоубийству, а самому застрелить скваттера — очень уж смахивало на убийство! Однако третьего исхода у нашей дуэли, казалось, быть не могло. Об этом ясно говорил решительный вид моего противника. Он стоял совершенно неподвижно, приложив свое длинное ружье к плечу и направив дуло на меня. Глаза его выражали непреклонную решимость. Только эти серо-зеленые глаза и казались живыми. Фигура и черты лица скваттера были неподвижны, как пень, у

которого он стоял, но взгляд его быстро перебежал от приманки, лежавшей на земле, к черным птицам на дереве и ко мне — главному объекту его наблюдения.

«Боже милостивый! — думал я. — Неужели непременно надо убить этого гиганта или быть самому убитым? Неужели нельзя избежать этой страшной судьбы? Нельзя ли как-нибудь договориться?»

Я решил в последний раз предложить скваттеру кончить дело миром, зная, что, если он откажется, мое положение не станет хуже. Наоборот — тогда, по крайней мере, я почувствую, что я вправе защищаться. Поэтому я крикнул:

— Холт! Вы храбрый человек, я убедился в этом. Зачем нам драться? Еще не поздно...

— Зато ты трус! — прервал он меня. — Подлый трус, хоть и носишь военный мундир! Я в этом тоже убедился. Заткни глотку, а то спугнешь птиц. Если ты, черт тебя возьми, сделаешь это, я выстрелю, как только первая из них взлетит!

— Ах, так! — крикнул я, выведенный из терпения новым оскорблением. — Хорошо! Пусть тогда это и будет нашим сигналом.

— Ладно! — последовал быстрый и решительный ответ.

Мои колебания кончились. У меня не оставалось выбора, и я понял, что дальнейшее миролюбие не только бесполезно, но и опасно. Глупо было подставлять свой лоб под пулю! Пусть лучше он падет жертвой своего кровожадного безрассудства, чем я! Я поднял ружье с твердым намерением пустить его в ход. Настороженно следя за движениями птиц, я мысленно прикидывал расстояние, отделявшее меня от противника. Но, несмотря на весь свой гнев, я все еще испытывал некоторую жалость к противнику. Зачем убивать этого человека? Может быть, достаточно ранить его? Я не боялся, что он успеет выстрелить первым. Благодаря длительной практике я владел своим оружием с быстротой и ловкостью фокусника. Не боялся я и промаха, так как был уверен в своей меткости. Да и как я мог промахнуться по такому великану? В этом отношении у меня оказывалось некоторое преимущество, и на таком коротком расстоянии

мне ничего не стоило бы уложить моего противника наповал. Но я этого не хотел. Я собирался только ранить его, и не смертельно, а только чтобы положить конец нашему поединку. Я надеялся, что скваттер сочтет себя удовлетворенным.

Были ли у него такие же мысли, я не могу сказать. Во всяком случае, на его каменном лице они не отражались. Оставалось только стрелять, и стрелять без промаха. Разумеется, я предпочел бы попасть ему в руку, но в эту минуту, по правде говоря, мне приходилось больше думать о спасении собственной жизни. Дело могло решиться первым же обменом выстрелами, и преимущество было на стороне того, кто сумеет быстрее спустить курок. Поэтому я внимательно следил за птицами на дереве. Мой противник тоже не сводил с них глаз,

Г л а в а ХХV **ПРЕРВАННАЯ ДУЭЛЬ**

Прошло не менее пяти минут томительного и страшного ожидания, а птицы всё не шевелились. Как ни странно, они не бросились сразу же на приманку, лежащую на видном месте, под самым деревом, на котором они сидели. На голых сучьях их было не меньше двадцати, и каждая обладала зоркостью орла и могла бы увидеть мясо на расстоянии мили. Почему же они не обращали на него внимания? Это настолько противоречило их привычкам и природному инстинкту, что даже в такую страшную минуту я обратил на это внимание. Причина, однако, была проста: грифы уже насытились в другом месте. Труп какого-нибудь зверя или заблудившегося быка, павшего от болезни или летнего зноя, послужил им завтраком. Это видно было по их окровавленным клювам, переполненным зобам и ленивым позам. Некоторые из них дремали, другие время от времени вытягивали шеи или приподнимали крылья, но лишь для того, чтобы дать прохладу телу. Ни одна из этих сонных птиц не проявляла желанья взлететь. Высоко в воздухе парило еще несколько грифов. Два-три из них присоединились к сидевшим на дереве, как раз ко-

гда мы стали по местам. За ними то и дело подлетали другие. Но ведь мы условились, что не прилетевшая на дерево, а вспорхнувшая с него птица должна была послужить сигналом к началу поединка.

Эти короткие минуты показались мне целым часом, потому что в голове моей пронеслась целая вереница мыслей. Воспоминания о доме, о родных и друзьях, которых мне, быть может, не суждено более увидеть, сожаление о том, что мне так недолго пришлось носить недавно заслуженные знаки отличия, сознание близости бесславной и безвестной смерти беспорядочно пронеслись в моем мозгу. Ближайшее прошлое тоже имело свою долю в моих размышлениях. Златоволосое создание, час назад завладевшее моим сердцем, все еще царило в нем. Неужели я никогда больше не увижу этот лучезарный облик, это божественно прекрасное лицо, не услышу этот мелодичный голос? Никогда! Как горько звучало для меня это слово!

А грифы все не взлетали. Только время от времени они чистили перья своими грязными клювами или расправляли широкие крылья, защищаясь от солнечных лучей. Был полдень, и солнце в зените наполняло воздух палящим зноем. Птицы замерли в таком равнодушном оцепенении, что даже падаль вряд ли заставила бы их спуститься. Прошло еще пять минут. Я уже не мог более выносить это напряжение, особенно страшное из-за царившей вокруг зловещей тишины. За все это время мы с Холтом не обменялись ни единым словом и в угрюмом молчании поглядывали друг на друга, ожидая сигнала.

Мне хотелось, чтобы скорее уже все кончилось, и противник мой тоже проявлял признаки нетерпения. Он уже не сохранял свою монументальную неподвижность, а покачивался из стороны в сторону, то и дело постукивая по земле тяжелым каблуком. Видя, что взгляд его становится все более гневным, я ждал взрыва, который наконец и последовал.

— Проклятые птицы! — крикнул скваттер, резко взмахнув рукой. — Из-за них мы, того и гляди, простоим здесь до вечера! Нечего больше ждать! А ну, давай...

Фраза осталась недосказанной. Во всяком случае, я

не слышал ее конца и до сих пор не знаю, что мне предлагалось. Голос Холта был заглушен ржанием моей лошади, видимо испуганной каким-то шумом в лесу. Почти в ту же секунду позади меня, как эхо, раздалось ответное ржание. Но мне было не до него, — я заметил, что птицы очнулись от своего оцепенения и некоторые из них прыгнулись, словно собираясь взлететь. Роковое мгновение настало!

Уже подняв ружье, я быстро взглянул на скваттера. Он тоже поднял свое, но, к моему удивлению, держал его как-то рассеянно, словно не решаясь прицелиться. Его пристальный взгляд был устремлен не на меня и не на птиц, а на что-то находившееся за моей спиной. Обернувшись, я услышал совсем рядом топот лошади и серебристый женский голос. Затем последовал громкий крик, и через забор перескочила девушка. Я сразу узнал в ней мою лесную незнакомку и не успел очнуться от изумления, как она промелькнула мимо меня, добежала до скваттера и бросилась к нему на шею с криком, полным страстной мольбы:

— Отец! Милый отец! Что он сделал? Пощади его!

Я был потрясен: Хик Холт — ее отец!

— Прочь, Лил! — крикнул он повелительно, отталкивая ее. — Убирайся отсюда!

— Нет, отец, нет! Ты этого не сделаешь! Что случилось? В чем он виноват? За что ты рассердился на него?

— В чем виноват, дочка? Он обозвал меня трусом и хочет выгнать нас с участка... Уходи, я говорю! Иди в дом!

— Пощади его, отец! Не убивай! Он такой смелый, такой красивый... Если бы ты знал...

— Смелый? Красивый? Ты бредишь, Лил! Что ты можешь знать о нем, если никогда раньше его не видела?

— Нет, видела! Всего час назад. Ты не знаешь — ведь он спас меня! Если бы не он... Отец! Ты не можешь... ты его не убьешь!

— Спас тебя? Это еще что значит?..

— Эй! Что здесь происходит?

Услышав это восклицание и последовавший за ним:



Девушка бросилась к скваттеру на шею с криком, полным страстной мольбы: — Отец!.. Пощади его!

вопрос, я понял, что на сцене появилось новое действующее лицо. Оглянувшись, я увидел всадника, который подъехал к самой изгороди и смотрел поверх нее. Лицо его выражало удивление и некоторую иронию.

Г л а в а XXVI

МИРОТВОРЕЦ

Не знаю почему, но появление незнакомца меня обрадовало. Я подумал, что в его присутствии скваттер скорее уступит мольбам дочери и кровопролитие будет предотвращено. Сам я, во всяком случае, твердо решил не стрелять, какими бы последствиями мне это ни грозило. Ружья были опущены. Зловещие птицы покинули дерево и уже почти исчезли в голубой вышине, но ни я, ни мой противник уже не смотрели на них. Взглянув мельком на незнакомца, я тотчас же снова повернулся к более интересной сцене передо мной. Ружья уже не было в руках скваттера — девушка унесла его в хижину. Холт не протестовал. Он, очевидно, сам отдал ей оружие — видимо, наша дуэль была закончена или, по крайней мере, отложена. Меня поразила такая внезапная перемена в настроении моего противника, происшедшая буквально в те несколько секунд, когда мое внимание было занято вновь прибывшим. Больше всего меня удивило то, что такую перемену произвело именно появление незнакомца. Я уже убедился, что просьбы дочери Холта, которые он так грубо и решительно оборвал, не могли меня спасти и только незнакомцу мы были обязаны этим внезапным перемирием.

Холт стал совсем другим — было заметно, что он уже больше не чувствует себя хозяином положения. Выражение удивления на его лице сменилось быстро растущим беспокойством. Встречая прибывшего и приглашая его подъехать к дому, он выглядел притихшим и испуганным. Это было особенно заметно по тому, как он поспешно вынул жерди, закрывавшие ворота, и взял под уздцы лошадь, а также по долетевшим до меня словам приветствия, которые он произнес.

Я теперь интересовал его не больше, чем любое из

сухих деревьев, стоявших вокруг участка. Он прошел мимо, даже не поглядев на меня, все его внимание было поглощено гостем. Я тоже с вполне естественным любопытством смотрел на человека, появление которого произвело такой неожиданный эффект, и мой пристальный взгляд мог показаться даже невежливым. Нельзя сказать, чтобы незнакомец мне понравился. Наоборот: его наружность производила самое неприятное впечатление. Я почувствовал к нему инстинктивное отвращение, хотя для этого, казалось бы, не было никаких видимых причин.

Это был человек лет тридцати, худощавый, ниже среднего роста, с безбородым лицом землистого цвета, острым носом и покатым лбом. Его маленькие глазки сверкали, как у хорька, а длинные и прямые черные волосы падали жидкими прядями на лоб и щеки. Его брюки, жилет и сюртук со стоячим воротником были шиты из довольно дешевой материи и покроем и цветом напоминали одежду методистского или католического священника. Белый, не первой свежести воротничок и шляпа с загнутыми лодочкой полями усиливали это впечатление.

Я решил, что передо мной — методистский священник из Суомпвилла. Это могло бы объяснить заискивающую услужливость скваттера. Однако в ней было нечто большее, чем почтительное внимание, с которым встречают священнослужителя его скромные прихожане. Судя по тому, что я слышал о Холте и видел сам, такое подобие страсти было не в его характере. Поэтому его поведение показалось мне загадочным. Человек, похожий на священника, был скуп на слова и жесты. Проходя мимо, он даже не удостоил меня поклоном, а только окинул таким бесцеремонным взглядом, что у меня, несмотря на его одежду, зачесались руки. Но я удовлетворился тем, что посмотрел на него не менее презрительно, и мы тут же отвернулись друг от друга. Не обращая больше внимания ни на скваттера, ни на приезжего, я уселся на пень и, поставив ружье меж ног, решил ждать, чем все это кончится. Одно я знал твердо: дуэли не будет. Я согласился бы скорее застрелиться, чем использовать свое оружие против Холта. Ведь он был ее отцом! Я ждал только слу-

чая предложить какой-нибудь мирный выход из положения.

Наблюдать за действиями скваттера и его гостя мне было очень легко, так как, вместо того чтобы войти в хижину, они остановились у дверей и сейчас же вступили в беседу. Вначале я был уверен, что разговор идет обо мне, но я скоро понял, что ошибся. Судя по серьезности обоих и еще более по жестикуляции и восклицаниям Холта, они обсуждали что-то гораздо более интересное. Скваттер вдруг просиял, точно ему сообщили радостную весть; лицо гостя выражало удовлетворение, словно он добился своего. Ко мне этот разговор явно не имел отношения, но, о чем шла речь, догадаться было трудно. Может быть, прислушавшись повнимательней, я и понял бы что-нибудь, так как некоторые слова произносились довольно громко, но я больше смотрел, чем слушал, а мысли мои были очень далеки от скваттера и его гостя.

Я с восхищением смотрел сквозь щели в темную хижину, где, словно освещая ее, мелькало золотисто-розовое видение. И вдруг — о счастье! — оно скользя к двери! Лишь мгновение девушка молча стояла на пороге, потом улыбнулась мне и исчезла в хижине. Но улыбка ее осталась со мной, надолго скрывшись в глубине трепетного сердца!

Г л а в а XXVII

«ДА... ДА!»

Я продолжал смотреть внутрь хижины, которую присутствие прекрасной девушки делало для меня священной, но искоса следил и за поведением мужчин. По их взглядам и жестам было ясно, что они уже кончили обсуждать столь волновавший их вопрос и говорили теперь обо мне и моем деле. Заметив, что я наблюдаю за ними, они ушли за хижину, где я не мог ни слышать, ни видеть их, но я нисколько не жалел об этом, ибо имел теперь возможность целиком отдаться более приятным наблюдениям.

Я начал все смелее всматриваться в темноту хижины. С какой радостью подошел бы я к дверям, с каким восторгом вошел бы, если бы нечто большее, чем простая

деликатность, не удерживало бы меня на месте! Следя за светлым силуэтом девушки, двигавшейся по хижине, я увидел, как она осторожно, на цыпочках, приблизилась к задней стене и стала около нее. За этой самой стеной совещались скваттер и его гость. Может быть, она подошла, чтобы подслушать их разговор? Ей легко было это сделать, так как даже до меня долетали не только голоса, но и отдельные слова. Девушка стояла неподвижно, слегка наклонившись вперед, опустив голову и, видимо, внимательно прислушиваясь. Я пытался угадать, зачем она это делает, когда она вдруг отошла от стены и через секунду снова показалась в дверях.

На пороге она остановилась вполоборота ко мне, поглядывая на заднюю стену хижины. Убедившись, что за ней не следят, она обернулась и вдруг побежала ко мне. Удивленный и обрадованный, я вскочил на ноги и молча, почтительно ждал ее приближения. Из осторожности я не решался заговорить, догадываясь, что она опасается, как бы отец и его гость не заметили ее поступка. К тому же ее пальчик, прижатый к губам, призывает меня к молчанию. Поняв этот милый знак, я повиновался, и через мгновение девушка оказалась так близко, что я слышал произнесенные почти шепотом слова. Прежде чем заговорить, она еще раз беспокойно оглянулась, опасаясь, очевидно, что нам помешают.

— Храбрый незнакомец! — быстро сказала она вполголоса. — Я знаю, вы не боитесь моего отца. Но ради всего святого умоляю вас, сэр, не драться с ним!

— Ради вас, прекрасная Лилиен, — тихо, но выразительно произнес я. — Ради вас я не буду драться с ним. Доверьтесь мне и ничего не бойтесь. Я скорее вынесу что угодно, чем...

— Тс-с-с!.. — прошептала она, снова прижимая палец к губам и пугливо оглядываясь назад. — Они могут услышать нас! Я знаю, зачем вы здесь, и вышла, чтобы что-то сказать вам.

— Я слушаю.

— Отец больше не хочет ссориться с вами — я только что слышала их разговор. Он хочет сделать вам одно предложение. Пожалуйста, сэр, согласитесь на него! Тогда все будет хорошо.

— Ради вас, прекрасная Лилиен, я соглашусь, каковы бы ни были условия. Но вы можете сказать, что ваш отец собирается предложить мне?

— Я слышала, как он говорил, что продаст... о боже!.. идут! Если меня увидят...

Ее шепот был заглушен голосами мужчин, приближавшихся к углу хижины. По счастью, девушка успела скользнуть в дверь, прежде чем они появились, и у них не возникло подозрения, что она только что подбегала ко мне. Выйдя из-за угла, незнакомец остановился у хижины, а скваттер подошел ко мне. Выпрямившись во весь свой исполинский рост, он с минуту молчал. Я заметил, что все следы гнева исчезли с его лица, на котором теперь выражалось не то сожаление, не то раскаяние.

— Послушайте! — сказал он наконец. — Я хочу предложить вам две вещи. Если вы согласитесь, тогда нам незачем больше ссориться, а тем более всаживать друг в друга пули, как мы только что собирались делать.

— Скажите ваши условия, — ответил я, — если это окажется возможным, обещаю вам согласиться.

На какие только условия не согласился бы я ради Лилиен!

— Ничего невозможного. Условия самые справедливые.

— В таком случае, могу вас уверить, Хикман Холт, что я их приму.

— Ну, так вот: во-первых, вы назвали меня трусом, — берете вы обратно эти слова?

— Охотно!

— Хорошо. Теперь второе дело. Я не признаю вашего права на этот участок. Я его расчистил, и он мой. Мне плевать на преимущественное право покупки, и я никому не позволю согнать себя с земли, которую сам обработал. Но, в конце концов, я не держусь непременно за этот участок. Для моего дела и другой будет не хуже, а может быть, и лучше. Поэтому, если вы согласны оплатить мои расходы и работу, забирайте без лишних слов и участок и хижину, и кончим это дело.

— Сколько же вы хотите получить?

Я с волнением ждал ответа, так как кошелек мой был

далеко не полон. Во всяком случае, по весу он не мог сравниться с тяжестью, давившей мое сердце. Впрочем, последняя тоже стала меньше, чем час назад. У меня было около двухсот долларов, и я боялся, что такая сумма не удовлетворит скваттера.

— Ну, — ответил он после паузы, — конечно, участок и все, что на нем сделано, стоит немало, но я не берусь оценивать сам. Это надо поручить кому-нибудь третьему, хотя бы моему другу, который стоит вон там. Он человек подходящий, потому что разбирается в законах и может правильно нас рассудить. Так ведь, Джош?

Я был несколько удивлен, что Холт так фамильярно обращается к своему другу, столь похожему на священника, но промолчал.

— О да! — сказал тот. — Я готов оценить ваше имущество, разумеется, с согласия этого джентльмена.

— Какая же ему цена, как вы думаете? — спросил я в нетерпении.

— Я бы сказал, что за все сделанное здесь мистером Холтом достаточной платой можно считать сто долларов.

— Сто долларов?

— Да. Наличными, конечно.

— Вас удовлетворит такая сумма? — обратился я к Холту.

— Если наличными, то да.

— В таком случае, я согласен.

— Отлично! Значит, по рукам! Платите деньги, а я передам вам имущество в присутствии этого джентльмена. Он же может выдать вам и расписку.

— Не надо. Я верю вам на слово.

Я не льстил скваттеру. Как ни груб он был в своих действиях, я чувствовал, что на его слово можно положиться. Поэтому я без колебания отсчитал деньги и положил их на пень рядом с тем оригинальным документом, который был пригвожден к нему ножом.

— Когда вы сюда переедете? — спросил Холт.

— Когда вам удобно, — ответил я, желая быть как можно любезнее.

— Мне выехать недолго — вещи не громоздкие. Я мог бы вас впустить сюда хоть завтра, если бы не одно дель-

це вот с этим моим другом. Может быть, послезавтра? Тогда уж я смогу совсем освободить место. Подходит это вам?

— Вполне.

— Ну, вот и хорошо. Я пригласил бы вас зайти, да угощать нечем. Разве что этим куском оленины, да она сырая. Кроме того, у меня как раз сейчас важное дело, которым я должен заняться!

— Ничего. Я перекушу в Суомпвилле.

— Ну, тогда до свидания. Желаю удачи с этим участием.

— Благодарю. До свидания.

Я вскочил в седло и повернул лошадь к воротам. Вероятно, я сделал бы это довольно неохотно, если бы не заметил, что прекрасная Лилиен выскользнула из хижины и поспешила в том же направлении. Две или три жерди были положены на прежнее место, и она ползла, чтобы снова их снять. Что это — простая любезность или предлог, чтобы поговорить со мной? Мое сердце исполнилось радости при мысли, что последнее предположение может оказаться правильным. Когда я приблизился к воротам, жерди были уже сняты, а девушка стояла, прислонившись к столбу, обняв его своей бело-снежной рукой. Как я позавидовал этому куску дерева!

— Обещайте, что мы увидимся, — прошептал я наклонившись.

Она робко оглянулась в сторону хижины. Нас никто не видел, так как скваттер и его гость ушли в конюшню. Я заметил у нее в руке цветок бегонии, который она вынула из своих золотых волос. Щеки ее вспыхнули румянцем, едва ли менее ярким, чем венчик этого цветка, в тот момент, когда она вдруг бросила его на мое седло.

— Обещайте! — настойчиво повторил я.

— Да... Да! — прошептала она и быстро отошла, услышав шум возле дома.

«Да-да!» — кричал пересмешник, когда я проезжал под высокими магнолиями. «Да-да!» — повторяли за ним тысячи голосов его соперников — других лесных певцов. Или это было только эхо ее голоса, все еще звучавшего в моем счастливом сердце?

Глава XXVIII ПО ЗОВУ ЛЮБВИ

Уплата ста долларов за участок поставила меня в необходимость связаться с моим нэшвиллским другом. По счастью, в Суомпвилле была почта, и я немедленно направился туда. Приехав в городок, я нашел его, фигурально выражаясь, в горячке. За время моего короткого отсутствия произошло важное событие. Утренняя почта принесла волнующее сообщение об открытии золотых россыпей в Калифорнии. Слухи об этом доходили до меня и раньше, но я им не верил. Теперь же стало известно, что переселенцы, возвратившиеся из Калифорнии, появились в Сент-Луисе и других пограничных городах и привезли не только самые точные сведения о найденном золоте, но также большие куски золотоносного кварца и мешочки с золотым песком. Никто больше не сомневался в чудесном открытии. В газетах из Нового Орлеана и Сент-Луиса подробно описывалось, как бывшие солдаты, копая канаву, случайно наткнулись на золото, как оползень открыл невиданные золотые россыпи. Описывалось возбуждение, охватившее население этих многолюдных городов. Суомпвилл не отставал от них. Весь городок был охвачен волнением. Необычайное сообщение увлекло не только бездельников — самые серьезные дельцы теряли способность трезво рассуждать. Уже организовалась компания, в которую вошло много состоятельных людей. Даже полковник Кипп поговаривал о перенесении вывески своей гостиницы к берегам Тихого океана. Суомпвилл был настолько охвачен золотой лихорадкой, что ему грозило полное обезлюдение.

Многие из моих товарищей по мексиканской кампании нашли применение своей энергии на новом поле деятельности, но меня оно совсем не привлекало. Я не сдавался на уговоры суомпвиллцев вступить в компанию, хотя мне и предлагался в ней какой-то почетный пост. В тот день я за все золото Калифорнии не отдал бы мой новый дом в лесу, под густой сенью которого скрывалось более привлекательное для меня сокровище. Я мечтал не о поездке к далекому берегу Тихого океана, а о возвращении на берег Илистой речки, и вынужденная задержка

ка, мешавшая исполнению моего желания, крайне меня раздражала. Ни радушное гостеприимство полковника Киппа, которого мечты о золоте сделали особенно любезным, ни улыбки сюсюкающей Альвины, ни более откровенное кокетство Каролины, очарованной моими золотыми пуговицами, не могли рассеять мое дурное настроение. Я появлялся в гостинице только к столу, а остальное время бродил по лесу, стараясь найти успокоение своим пылким чувствам. Но куда бы я ни шел, я всякий раз незаметно для себя оказывался на дороге, ведущей к Илистой речке. Я прислушивался к звукам леса — к пению птиц, жужжанию пчел, которые ассоциировались в моей памяти с мелодичным голосом Лириен. Мне доставляло неизъяснимое блаженство смотреть на лесные цветы, особенно на пунцовые бегонии, ставшие для меня символом моей любви. Ту, которая была для меня дороже всех, я бережно хранил, поставив в стакан с водой на туалетном столике. Увы, именно эта заботливость и погубила цветок. Вернувшись однажды из леса, я нашел его на полу, растоптаным чьим-то злобным каблуком. Не был ли это твой каблук, Каролина Кипп? Вместо бегонии на столе стоял букет величиной с капустный кочан, из каких-то ужасных желтых цветов. Это было, очевидно, сделано, чтобы досадить мне, а может быть, чтобы доставить мне удовольствие. Во всяком случае, я решил отомстить. Поврежденная бегония пахла еще нежнее, чем раньше. Хотя исправить прелестный колокольчик ее цветка было невозможно, я все-таки целый день носил его в петлице, и это, кажется, мучило Каролину. За те два дня, что я не видел Лириен Холт, моя любовь к ней превратилась в страсть, которую разлука только увеличивала. Добавьте к этому то окружение, в котором я нашел Лириен, как жемчужину в дешевом футляре, добавьте романтичность нашей первой встречи и исключительные обстоятельства второго, последнего свидания. Вот почему я был весь во власти волшебных чар, которым, вероятно, суждено было определить всю мою дальнейшую жизнь. Поэтому на утро третьего дня, когда я вскочил на лошадь и направился к участку Холта, я не думал о выселении скваттера. В моих мечтах не было места для грубой действительности.

Я не строил планов о том, как вступлю во владение участком, как буду хозяйничать там и какие введу улучшения. Земля была куплена и оплачена, но как охотно готов я был предложить скваттеру остаться по-прежнему в хижине и владеть спорным участком пополам со мной! Для этого нужно было только одно условие: пусть я буду его гостем — постоянным или временным, — лишь бы иметь возможность наслаждаться присутствием его очаровательной дочери и открыть ей свои чувства. Вот о чем я думал по дороге к Илстой речке. Я ехал, собственно говоря, для того, чтобы вступить во владение и выселить прежнего хозяина. Но не этого жаждало мое сердце. Его влекло совсем другое чувство — его влекла любовь.

Г л а в а XXIX

КРАСНОКОЖАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Ни единого звука не раздавалось в лесу, и ничто не нарушало мои мечты в этот теплый день золотой осени; небо было ясно, дул чуть заметный, напоенный ароматом ветерок. Деревья словно отдыхали, неподвижно вытянув свои раскидистые ветви. Даже листья осин не дрожали. Только временами слышался шорох крыльев в густой листве или с шуршанием проносилась белка, прыгая с сучка на сучок. Но эти звуки хорошо гармонировали со всей картиной.

Я наполовину пробудился от своих мечтаний, когда выехал из леса на яркий свет поляны, но окончательно пришел в себя, только заметив там женщину; я сразу узнал индианку, которую уже видел здесь. Она сидела или, вернее, полулежала, прислонившись к бревну с ободранной корой, положив руку на торчавший сук и небрежно закинув ногу на ногу. Рядом с ней стояла ивовая корзинка с безделушками индейской работы.

Хотя я подъехал почти вплотную, она как будто не заметила моего присутствия, не пошевелинулась, даже не подняла глаз, упорно устремленных в землю. Она сидела так неподвижно, что ее можно было принять за бронзовую статую благороднейших пропорций. Поза ее была полна грации. Красивая рука, закинутая за сук, и

крупное тело, отчетливо выделявшееся на фоне белого ствола, могли бы послужить моделью для скульптора. Но даже неискушенный в искусстве взор не мог не остановиться на этой картине с восхищением.

Не знаю почему, я невольно придержал лошадь, хотя индианка ни словом, ни жестом не пригласила меня остановиться. Наоборот, я заметил, что мой поступок был ей неприятен. Девушка не изменила позы и не подняла глаз, но брови ее сдвинулись. После такого приема мне, конечно, следовало уехать и я сделал бы это, если бы не чувствовал себя неловко. Остановившись так близко от девушки и позволив себе ее разглядывать, я, несомненно, проявил невоспитанность и отлично это сознавал. Правда, это была индианка, но не совсем обычная скво. В ней было много благородных черт, которым позавидовала бы не одна белая девушка. К тому же я знал, что она жертва любви столь же страстной, сколь и безнадежной, и это облагораживало ее в моих глазах.

В то время мне не приходилось опасаться, что моя любовь останется неразделенной, поэтому я был полон сочувствия к чужому страданию. Именно эта смутная жалость и заставила меня остановиться, чтобы попробовать утешить девушку. Однако ее неприветливость поставила меня в затруднительное положение. Что было делать? Промолчать и отъехать? Но это значило признаться в бестактности, что очень тяжело для мужского самолюбия. Я все-таки решил заговорить.

«Может быть, она не узнала меня, — подумал я. — Ей стоит только поднять глаза, и она вспомнит, что я друг Белого Орла. Это поможет завязать разговор, и мой поступок уже не покажется ей таким грубым. Ну, будь что будет!»

— Су-ва-ни!

Индианка посмотрела на меня, и ее глаза гневно сверкнули, но ответа не последовало.

— Су-ва-ни! — повторил я самым ласковым тоном. — Разве ты не помнишь меня? Я друг Белого Орла.

— А какое дело до этого Су-ва-ни? У нее нет слов для тебя, можешь ехать дальше!

Такой решительный отпор усложнял положение, и я продолжал с некоторым смущением:

— Я как раз собираюсь навестить Белого Орла. Может быть, у тебя... может быть, ты хочешь что-нибудь передать ему?

— Су-ва-ни ничего не хочет передавать Белому Орлу! — с негодованием воскликнула она, презрительно вскинув голову. — А если бы и хотела, то не выбрала бы для этого такого же бледнолицего лжеца, как он сам. Ты думаешь, что если ты белый, так можешь оскорблять индианку, как тебе нравится? Со своими ты так себя не ведешь!

— Поверь мне, я не хотел тебя обидеть! Я знаю, что произошло в тот вечер между тобой и моим другом Уингроувом, только поэтому я и решил заговорить. Ведь я был рядом и не мог не слышать вашего разговора.

Она опять прервала меня презрительным восклицанием, и взгляд ее при этом был полон злобы и насмешки.

— Ты знаешь слишком много, а может быть — слишком мало, мой храбрый победитель пумы! Су-ва-ни не просит тебя вмешиваться в ее дела. Хватит у тебя хлопот и со своими! Ступай-ка, займись ими скорей!

— В чем дело? Что ты говоришь? — испуганно спросил я, заметив многозначительность ее слов и взгляда и внезапно ощутив беспокойство. — Что-нибудь случилось?

— Поезжай и посмотри сам, вместо того чтобы терять время на разговор со скво, как вы нас называете. Поторопись, а то твой колокольчик будет сорван и растоптан, как тот, что ты так гордо носишь на груди. Волк ночевал в логовище оленя, и его жертвой будет желтая лань. Су-ва-ни очень рада! Не одно ее сердце будет страдать из-за подлого бледнолицего обманщика. Ха-ха-ха! Торопись, отважный убийца пумы! Поезжай, но тебя ждет только горе, потому что ты опоздал, опоздал, опоздал!

Еще раз расхохотавшись полубезумным смехом, она схватила корзинку, вскинула ее на плечо и поспешно удалилась. Ее слова, мало понятные, но пугающие, на минуту лишили меня способности говорить и действовать, иначе я остановил бы ее, чтобы выяснить их подлинный смысл. Но она исчезла в кустах, прежде чем я очнулся от изумления.

ГРОЗА В ЛЕСУ И В СЕРДЦЕ

Я повернул лошадь на дорогу и покинул поляну совсем не в том настроении, в каком выехал на нее. Зловещие слова индианки наполнили мое сердце самыми мрачными предчувствиями. Своим грозным пророчеством она не просто хотела досадить мне. Для этого у нее не было причин. Вместе с тем ее осведомленность о прошлом доказывала, что она говорит правду.

«Убийца пумы. Поезжай, но тебя ждет только горе. Твой колокольчик будет сорван и растоптан, как и тот, что ты так гордо носишь на груди»...

Нет! Такие намеки не могли быть только догадкой! «Желтая лань» — конечно, это относилось к Лилиен Холт. Но чьей жертвой должна она стать и каким образом? Кто тот волк, что ночевал в логовище оленя? Я лихорадочно задавал себе эти вопросы и не находил ответа. Но достаточно было того, что Лилиен Холт в опасности. Я вспомнил последние слова индианки, все еще звучавшие у меня в ушах: «Ты опоздал, опоздал, опоздал!»

Я пришпорил коня и помчался вперед со всей быстротой, какую позволяла лесная тропа. Меня терзали сомнения и страх. Легче было бы встретить несчастье лицом к лицу, чем терзаться ужасными подозрениями и предположениями! Волк? В каком образе? Грозящая Лилиен опасность? Какая?

Сама природа, казалось, прониклась моим настроением, словно и ее смутили прорицания индианки. Грозовая туча, черная, как крылья грифа, внезапно заслонила солнце. Огненные стрелы пересекали небо, едва не задевая верхушки деревьев, над которыми непрерывно раскатывался гром. Редкий, крупный дождь, словно капли крови, застучал по листьям и вдруг превратился в ливень. Но что значила для меня буря? Какое дело было мне до дождя, молний, грома или поверженных деревьев? «Волк ночевал в жилище оленя... Желтая лань будет его жертвой... Ты опоздал...» — вот это было страшной молнией и туч, и не вспышки, озарявшие небо, а адское пламя, бушевавшее в моей груди, гнало меня вперед.

Жерди ворот были сняты, но это не имело значения —

я все равно перескочил бы через изгородь. Подскакав галопом к хижине, я натянул поводья у входа. Дверь, по обыкновению, была распахнута настежь, и я мог заглянуть внутрь. Там никого не было! Никто не вышел мне навстречу. Несколько грубо сколоченных стульев и такой же стол, которые я видел в первый мой приезд, стояли на прежних местах. Это меня немного успокоило: значит, скваттер и его дочь еще здесь.

«Странно, — подумал я, — что никто не слышал топота моего коня, что никто не выходит встретить меня. Ведь они меня ждут. Ведь сам Холт назначил этот день и час. Может быть, к нему опять вернулось мрачное настроение, и я стал нежеланным гостем?»

Дело выглядело именно так, тем более что я стоял под проливным дождем и нуждался в приюте. Правда, не это беспокоило меня. Гораздо тяжелее был мучительный вопрос: где Лилиен? Что означает этот холодный прием? Неужели я ошибся и она просто хитрая кокетка? Неужели она бросила этот цветок только для того, чтобы посмеяться надо мной? Я взглянул на его смятый венчик. Как я надеялся, что она узнает свою бегонию, и как радовался, что это увеличит ее расположение ко мне! Мокрый колокольчик совсем поник; из ярко-алого он стал красно-коричневым — это был цвет запекшейся крови!

Нет! Я больше не мог выносить неизвестность. Я окликнул бы обитателей хижины, но к этому времени уже понял, что она пуста. Шкуры, закрывавшие просветы между бревнами, были убраны, через щели можно было увидеть, что там никого нет. Подъехав вплотную к двери и заглянув внутрь, я убедился, что это действительно так. Только стол, стулья и еще два-три предмета «обстановки» остались на месте, остальное все было увезено. На полу валялся всякий ненужный хлам, ясно указывавший, что хозяева больше не вернутся. Нечего надеяться найти их где-нибудь на участке. Проливной дождь исключал эту возможность. Конюшня была единственным местом, где они могли укрыться от него, но там их тоже не оказалось. Не было там и старой клячи, седла и уздечки. Сомнений не оставалось — обитатели покинули этот дом навсегда!

С тяжелым сердцем я спрыгнул с коня, завел его в конюшню и прошел в опустевшую хижину. Гулко отдавались мои шаги по дощатому полу, когда я осматривал мое будущее жилище. В другое время его странный вид и плачевное состояние вызвали бы у меня веселое удивление, но в ту минуту мне было не до дома и не до его обстановки. Опустившись на один из расшатанных стульев, я предался мрачному раздумью. Увидев меня тогда, всякий подумал бы, что перед ним человек, изгоняемый из своей усадьбы, а вовсе не ее новый хозяин!

Г л а в а XXXI

НЕЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

— Уехали! Куда же? — вслух размышлял я, но мне отвечало лишь эхо, отдававшееся в пустых стенах.

Случилось что-то совершенно непредвиденное. Никак не ожидая, что скваттер покинет свое жилище до моего возвращения, я даже не спросил, куда он намерен направиться, и не знал его дальнейших планов. Если бы не слова индианки, меня не встревожил бы такой преждевременный отъезд. Я, конечно, был бы огорчен, что не увиделся с Лилиен, о чем я так пылко мечтал, но вряд ли испытывал бы какое-нибудь беспокойство. Я считал бы, что обитатели хижины перебрались к кому-нибудь из соседей, не далее чем миль за пять. Может быть, за речку, к «другу отца Лилиен», — вероятно, к тому святоше, которого я видел у него. Да если бы они поселились и в десяти милях от участка, что значило для меня такое расстояние? Дважды в день по десять миль — только хорошая разминка для моего арабского скакуна. Я быстро разыскал бы мою нежную розу. Все леса Теннесси не скрыли бы от меня этот прелестный цветок! Так мог бы я рассуждать, если бы не злобное предупреждение индианки.

«Поезжай, но тебя ждет только горе: ты опоздал!» Хотя она говорила загадками, теперь я начал понимать смысл ее слов. Скаттер, конечно, не переехал к кому-нибудь из соседей, а переселился в какую-то отдаленную местность. Обстоятельства подтверждали это. Как ни гру-

бо были сделаны стол и стулья, оставшиеся в хижине, они все-таки представляли собой известную ценность, особенно для такого бедняка, как Холт. Предполагая поселиться поблизости, он несомненно взял бы их с собой, тогда как для дальнего пути они, конечно, были тяжелы. Но, может быть, он еще вернется за ними?

В таком случае... Нет! Всякая надежда опровергалась предсказанием индианки. И все же я еще раз оглядел хижину в поисках чего-нибудь, что подтвердило бы мои заключения. И вдруг мой взор упал на небрежно сложенный клочок бумаги на краю стола, среди хлебных крошек и обломков курительной трубки. Я сразу узнал в нем листок из моей записной книжки с «завещанием», подписанным сообща мною и скваттером. В первую минуту мне не пришло в голову, что он оставлен намеренно. Я подумал, что скваттер взял его с пня и принес в хижину, чтобы показать своему гостю, и что они, наверное, от души посмеялись над этой памятькой нелепого происшествия. Решив сохранить забавный документ, я взял его со стола и уже собирался положить в записную книжку, когда заметил, что на нем написано что-то еще. Я сразу определил, что почерк женский. Чей же, если не Лиlien? Несомненно, это ее рука водила карандашом с искусством, изумившим и восхитившим меня. И как было не удивляться, что дочь простого скваттера пишет таким красивым почерком и умеет так хорошо и просто выразить в письме столько волнующих чувств! О милые, нежные слова! Руки мои дрожали, я был как в бреду, охваченный горем и восторгом. В письме были причины и для того и для другого. Оно открыло мне, что я любим, и вместе с тем поведало, что моя любимая потеряна для меня навсегда. Слова приветя и слова скорбного расставания. Вот они перед вами, читатель:

«Эдварду Уорфилду»

Незнакомец, мы должны проститься, как ни тяжело мне об этом писать. Когда вы просили меня еще раз встретиться с вами, я была счастлива и сказала «да». Но, увы, сэр, этого никогда не будет. Я больше вас не увижу, так как, вернувшись сюда, вы уже не застанете нас. Мы отправляемся куда-то далеко. Я не знаю, как

называется это место, потому что это не в Теннесси и даже не в Соединенных Штатах¹, а где-то на западе, за Миссисипи и прериями. Это место, где добывают золотой песок. Может быть, вы слышали о нем? Я пыталась узнать название у отца, но он не хочет сказать, так как сердит на меня за то, что я говорила с вами. Наш друг, которого вы видели, едет вместе с нами, и тоже ничего мне не хочет сказать. Я думаю все-таки, что скоро узнаю это, и тогда напишу вам. Я очень рада, что моя мать научила меня писать. Конечно, я пишу нескладно, но, если позволите, я пришлю вам письмо в Суомпвилл, как только мы остановимся где-нибудь, и сообщу название того места, куда мы едем. Ваше имя я узнала, потому что оно написано на этом листке. Рядом с ним я поставила свое. Вы на меня за это не рассердитесь? О сэр! Как грустно, что я вас больше не увижу, — ведь отец, конечно, сюда не вернется! Я готова плакать день и ночь и уже очень много плакала. Боюсь, что отец или его друг видели это, потому что оба бранили меня и очень нехорошо говорили о вас. Это мне очень неприятно, и поэтому я стараюсь не показывать, как мне тяжело, что я никогда не встречу с вами. Отважный незнакомец! Вы спасли мне жизнь, но не это главное. Вы совсем не такой, как все, кого я до сих пор знала. Ваши слова были такими нежными, что я могла бы слушать их вечно. Я помню их все до одного. Они тоже не похожи ни на что слышанное мною раньше. Я очень обрадовалась, когда вы взяли мой цветок и поднесли его к губам. Я подумала, что, может быть, вы станете моим другом. Я ведь очень одинока с тех пор, как уехала моя сестра Мэриен. Человек, которого вы видели у нас, увез ее в те места, куда мы сейчас едем. Может быть, я скоро увижу ее, но это меня не утешит. Я не могу быть счастливой вдаль от вас. Извините, сэр, что я решилась все это написать, но мне показалось, что после того, что вы мне сказали, вы не рассердитесь на меня. Слезы застилают мне глаза — надо кончать письмо. Как мне хочется, чтобы вы не сожгли его, а сохранили на память о

Лиlien Колт».

¹ В середине XIX века США занимали только восточную половину своей современной территории.

Да, Лилиен! До конца жизни буду я хранить этот скромный дар любви — священные строки первых признаний твоего сердца! Снова и снова перечитывал я милое послание, взволновавшее меня больше, чем самый трогательный роман. Я был счастлив и вместе с тем опечален. Скоро, очень скоро грусть победила радость, и, обессиленный волнением, я устало опустился на стул.

Г л а в а XXXII

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОРМОНАХ

Однако нельзя было понапрасну терять время, и я скоро поборол горестное оцепенение. Надежда шептала: «Очнись и действуй», а полученная мною записка указывала, что мне следует предпринять. Я решил не падать духом, как ни тяжело было у меня на сердце. Письмо, подарившее мне столько радости, одновременно принесло невыразимую душевную боль. Оно сказало мне больше, чем знала сама Лилиен, потому что она и не подозревала ни о своих настоящих чувствах, ни о грозящей ей опасности. Я же, как раскрытую книгу, читал ее сердце и был бы безмерно счастлив, если бы не страх за любимую. Только теперь стал мне ясен дьявольский смысл зловещих слов, только теперь понял я, кто был волк, чьей жертвой должна была стать желтая лань, волк, прикрывавшийся овечьей шкурой. Для этого не требовалось особой пронизательности: в письме говорилось обо всем — обо всем, кроме его имени. Но и его было нетрудно угадать. Человек, с которым уехала Мэриен, и тот, кого я видел здесь в одежде священника, и был этим волком. Это был не кто иной, как мормон Стеббинс. И он увез Лилиен!

При одной мысли об этом я пришел в ужас. Чтобы понять его причину, читателю надо кое-что узнать о секте, известной под именем «Святые последних дней». Это секта мормонов. Я имел случай познакомиться не с догмами религии мормонов — потому что их не существует, — но с воззрениями как ее самых выдающихся апостолов, так и самых скромных последователей. Это два совершенно разных сорта «святых». Напрасно было бы

искать прототип их отношений в мире животных. Такие примеры, как волк и ягненок, ястреб и голубка, кошка и мышь даже приблизительно им не соответствуют. Все эти создания наделены хоть какими-нибудь чертами благородства или красоты. Но ни в характере, ни в образе жизни мормона — будь то исполненный искренней веры новообращенный или лицемерный апостол — их нет. Может быть, аналогией для социальных и религиозных отношений мормонов могут служить лиса и гусь, да к то, пожалуй, такое сравнение окажется оскорбительным для лисы. Она все-таки обладает некоторыми свойствами, позволяющими отнестись к ней с меньшим отвращением, чем к мормонским «старейшинам».

Невежество, хитрость и жестокость — вот характерные черты, присущие этим последним, носящим названия «двенадцати» и «семидесяти». Что касается главы секты, то любое самое грубое определение будет слишком мягким. Особенно поражает в учении мормонов неприкрытое лицемерие. Эти фанатики даже не пытаются скрывать того, что они обманщики. Впрочем, слово «фанатик» в приложении к мормону можно отнести, пожалуй, только к «гусям», то есть к невежественным, одураченным простакам. Старейшин же никак нельзя назвать фанатиками. Лицемерные самозванцы — вот подходящее для них определение.

В первые годы существования этой секты находились люди, отрицавшие, что религия мормонов разрешает многоженство. До своего «исхода» к Соленому озеру «святые» и сами старались скрывать наличие у них многоженства, но, поселившись в своей колонии, сочли это излишним. Оно стало проповедоваться совершенно открыто. Защитникам мормонского учения пришлось сложить оружие. В этой секте многоженство приняло еще более уродливые формы, чем в магометанстве, где «жизнь гарема» окружена хоть какой-то романтикой. Женны «Святых последнего дня» обречены на тяжелый рабский труд.

И Лилиен уехала с мормоном. Неудивительно, что в сердце моем бушевало пламя!

Я вскочил со стула и бросился в конюшню за лоша-

дью. Гроза продолжалась с той же силой. Ливень не утихал, но меня не пугала ярость бури. Даже если бы снова начался всемирный потоп, это не остановило бы меня.

Г л а в а XXXIII

КЛЯТВА МЕСТИ

Вскочив в седло и покинув участок, я помчался через мокрый от дождя и окутанный испарениями болот лес. Путь мой лежал вверх по речке, к жилищу Френка Уингроува, которого я в такую погоду рассчитывал застать дома. К молодому охотнику меня влекла надежда получить какой-нибудь совет и дружескую помощь. Правда, он сам страдал так же, как я, и был так же не в силах помочь своему горю. Но, по крайней мере, я мог рассчитывать на его сочувствие. Соболезнование друга всегда смягчает, если и не излечивает, печаль, а мне так нужно было излить кому-нибудь душу и поведать свои сокровенные чувства! Молодой охотник был вполне подходящим для этого человеком. Не так давно я был поверенным его сердечных тайн, но мне тогда и в голову не приходило, что я так скоро обращусь к нему с тем же. Судьба мне благоприятствовала — я застал Уингроува дома. Мой приезд не вывел его из обычного теперь для него состояния уныния, причина которого была мне известна. Однако, боясь показаться негостеприимным, он изо всех сил старался скрыть свое угнетенное настроение. Было что-то удивительно трогательное в этой борьбе долга вежливости с исполненным тоски сердцем, и я почувствовал, что без колебаний могу открыть свою душу этому человеку, под оленьей курткой которого билось поистине благородное сердце. Начав с того часа, когда мы виделись с ним в последний раз, я поведал ему всю историю моей любви. Рассказ мой, особенно о первой встрече с Лилиен и об убийстве пумы сильно заинтересовал Уингроува и не только как охотника. Он пробудил в нем воспоминания о подобном же происшествии, благодаря которому он завоевал любовь Мэриен. Волнение моего собеседника достигло предела в тот момент, когда я, рассказывая о дуэли, упомянул о приезде незнакомца. Не

успел я даже в нескольких словах описать его наружность, как молодой охотник вскочил с места с криком:

— Джошуа Стеббинс!

— Да, это был он. Теперь я это знаю, — сказал я и продолжал мое повествование, но скоро заметил, что Уингроув слушает меня как-то рассеянно.

Он нервно и порывисто шагал по хижине, то и дело поглядывая на ружье, висевшее над очагом, и глаза его гневно сверкали. Похоже было, что он что-то замышляет. Когда я дошел до завершения дуэли и моего отъезда из Суомпилла, Уингроув снова прервал меня, но не словами, а действием, причем действием весьма многозначительным. Охотник вдруг быстро снял ружье и, повернув прикладом вниз, начал его заряжать. По тому, что это делалось так поспешно и в такое время, мне стало ясно намерение Уингроува: не для белки или молодого оленя, не для енота или медведя и даже не для пантеры готовил он этот заряд!

— Куда вы? — спросил я, когда он взял шапку и надел через плечо сумку с пулями и пороховой рог.

— Так, немного пройтись вниз по реке. Простите, что оставляю вас одного, но я сейчас вернусь. Если захотите поесть, вот тут кусок холодной оленины, и вон в той бутылке тоже кое-что для вас найдется. Через час я вернусь — то есть, наверное, вернусь.

В последних словах мне послышалась какая-то нерешительность.

— Нельзя ли мне вас сопровождать? — спросил я. — Погода прояснилась, и, пожалуй, приятнее проехаться, чем сидеть здесь одному. Или, может быть, у вас секретное дело?

— Секретов никаких нет, да не хотелось бы вас впутывать. У вас и своих забот довольно!

— Можно вас спросить, по какому делу вы идете?

— Конечно. Собираюсь убить Джошуа Стеббинса.

— Что? — воскликнул я, пораженный холодной решимостью, с которой было высказано это намерение. — Убить Стеббинса?

— Да. Или я его — или он меня. Я поклялся это сделать и сделаю. У нас с ним старые счеты, более давние, чем те, о которых вы знаете. Я уже много раз собирался с

ним драться, но подлец старается не попадаться мне на глаза. Но теперь он уж больше не отвертится! Если эта гадюка опять появилась в наших краях...

— Его здесь нет.

— Как — нет? — воскликнул с досадой охотник. — Вы что, шутите? Вы же сами видели его позавчера!

— Да, но у меня есть основания думать, что он уже уехал.

— Почему вы так думаете? Вы уверены?

— Именно эта уверенность и заставила меня так поспешно приехать к вам.

Я подробно рассказал Уингроуву об утренних событиях: о разговоре с индианкой, о ее сбывшихся предсказаниях. Я описал опустевшее жилище скваттера и, наконец, прочел ему письмо Лилиен. Он слушал внимательно, хотя, видимо, досадовал на задержку.

— Бедная малютка Лилиен! — вздохнул он, когда я кончил читать. — Значит, и ее он увез так же, как шесть месяцев назад увез Мэриен! Впрочем... нет! — И в голосе его послышалось страдание. — Нет, тогда было совсем другое дело: Мэриен ведь добровольно уехала с ним.

— Почему вы так думаете? — спросил я, пытаюсь его утешить.

— Не только думаю, но уверен. Мне сказала об этом Су-ва-ни.

— Это ровно ничего не значит. Она могла все выдумать из ревности и злобы. А на самом деле может быть как раз наоборот: Мэриен заставили выйти замуж за этого человека. Вполне возможно, что она сделала это под влиянием отца, который, кажется, побаивается мормона.

— Спасибо! — воскликнул охотник, крепко пожимая мне руку. — Это первое слово утешения после ухода Мэриен. Я сам думаю, что Холт боится Стеббинса. Наверное, эта подколотная змея что-то про него знает. Сказать по правде, я все удивлялся, что Мэриен так приняла к сердцу какой-то случайный поцелуй. Да не подставь мне эта индианка губы, разве стал бы я ее целовать? Боже милостивый! Чего бы я не дал, чтобы знать, что сказанное вами — правда!

— Я в этом не сомневаюсь: я видел вашего соперника и считаю совершенно неправдоподобным, чтобы она добровольно предпочла его вам.

— Спасибо! Она теперь замужем и уехала, но, если бы я знал, что ее принудили силой, я бы давно сделал то, что собираюсь сделать сейчас.

— Что же именно?

— Я последую за ним на край света, выслежу его и найду всюду, где бы он ни вздумал спрятаться, хотя бы на дне шахты в Калифорнии. Богом клянусь, он кровью заплатит мне и за старые и за новые обиды, или нога моя никогда больше не ступит на землю Теннесси!

— Так вы твердо решили найти его?

— Твердо!

— Тогда говорить больше не о чем: наши дороги сходятся!

Г л а в а XXXIV **ОТЪЕЗД В ЧЕЛНОКЕ**

Нам нетрудно было договориться, что следует принять, — ведь у нас был один враг. Правда, конечная цель у каждого из нас была своя. В то время как меня вела любовь, Уингроувом руководила жажда мести! Я стремился спасти Лилиен, он же мечтал выследить и наказать сбидчика. Но, как ни различны были руководившие нами чувства, оба мы жаждали перейти к решительным действиям. Я с самого начала решил отправиться в погоню за Холтом и явился к охотнику, потому что надеялся найти в нем помощника и спутника. Его решимость вполне соответствовала моим желаниям. Оставалось только наметить план действий. Хотя я был немногим старше моего товарища, у меня было некоторое преимущество перед ним — больший жизненный опыт. Признавая это, он готов был следовать моим советам. Участие в стычках с мексиканцами или индейцами — отличная школа для выработки хладнокровия и привычки полагаться только на себя. Эти стычки меня многому научили, и я хорошо знал цену поговорке: «Тише едешь — дальше будешь». Поэтому, вместо того чтобы очертя голову ринуться в погоню неизвестно куда, я предложил

действовать осторожно, согласно определенному плану. Этого требовал разум. Послушавшись голоса сердца, я давно уже скакал бы на запад, и, весьма вероятно, разочарование, ожидавшее меня в конце пути, подтвердило бы правильность приведенной поговорки. Мой новый друг, человек достаточно хладнокровный для своего возраста, был вполне согласен со мной.

Прежде всего надо было узнать, куда они направились. Мы знали, что Холт с дочерью покинули свою хижину и, как написала мне Лилиен, уехали в сопровождении мормона. Нужно было прежде всего удостовериться, не находятся ли они до сих пор где-нибудь по соседству. В этом случае оставалась еще возможность догнать их в ближайшее время. А если нет? Об этом я боялся думать, не осмеливаясь даже мысленно заглянуть в будущее, — слишком уж мрачным казалось оно! Прежде всего необходимо было узнать, в каком направлении и по какой дороге уехал скваттер. Единственным местом, где мы могли бы найти ответ на этот вопрос, был участок скваттера. Туда мы и поспешили, приготовившись на всякий случай к более далекому путешествию. Въехав в ограду, мы спешили и начали изучать следы. Мой товарищ рыскал по всему участку, как пойнтер в поисках куропатки. Но надежда найти следы оказалась тщетной из-за недавнего ливня. Даже отпечатки копыт моей лошади, оставленные всего час назад, заплыли грязью и были едва заметны.

Нам казалось маловероятным, что обитатели хижины покинули участок верхом: слишком трудно было увезти таким образом всю домашнюю утварь. Не могли они уехать и в фургоне, так как никаких колесных дорог вблизи не было. Даже та, что вела в Соумпвилл, была просто вьючной тропой. Это довольно быстро привело нас к единственно возможному заключению: они уехали на лодке. Уингроув хорошо знал ее. Это был челнок, на котором Холт иногда перевозил через реку случайных путников. Лодка вмещала несколько человек и могла поднять все имущество Холта. Это было большой неудачей для нас. Проследить путь человека по дороге еще можно, но на воде не остается следов.

Г л а в а XXXV
ОПАСНАЯ КРАСАВИЦА

Итак, мы знали теперь, как уехали Холт и его спутники. Они поплыли вниз по течению, потому что их путь лежал как раз в ту сторону. Придя к этому решению, мы некоторое время стояли на берегу речки и смотрели на воду, охваченные самыми мрачными мыслями. После недавнего ливня речка вздулась, ее воды потеряли свою кристальную чистоту и приобрели грязно-бурый цвет, вполне подходивший к ее названию. Они неслись мутным, бешеным потоком вровень с берегами. Течение влекло за собой вырванные с корнями деревья. Их стволы с поломанными ветвями крутились и бились в воде, напоминая тонущих великанов. В шуме ревущего потока словно слышались их жалобные стоны. Вся эта картина вполне гармонировала с нашим настроением. В дополнение ко всему сзади, из леса, вдруг раздался чей-то громкий и дикий смех. Мы оба невольно вздрогнули. Голос был женский, но, услышав его, Уингроув побледнел и как будто испугался. Взглянув в сторону леса, я увидел мелькнувшую среди деревьев женскую фигуру.

— Боже милостивый! Опять эта индианка!—воскликнул мой спутник. — С того вечера она следит за мной и грозитя убить. Берегитесь! У нее есть пистолеты!

— Ну, я думаю, сейчас нам нечего особенно опасаться. Она, кажется, в веселом настроении.

— Вот этот-то смех мне и не нравится. Хуже всего, когда она такая.

Тем временем индианка подошла к границе участка, вскарабкалась на изгородь, словно собираясь перелезть через нее. Однако она не сделала этого, а только стала во весь рост на верхней перекладине. Схватившись рукой за ближайшее дерево, чтобы удержаться, она снова разразилась тем же хохотом, но теперь в нем звучала насмешка.

Мы молчали, ожидая, чтобы она заговорила.

— Белый Орел и гордый убийца пумы! — раздался ее голос. — Я вижу, что сердца ваши так же беспокойны, как поток, на который устремлены ваши глаза. Су-ва-ни знает ваше горе. Она пришла вас утешить!

— Так говори же! — воскликнул я с внезапным проблеском надежды.

— Вы слышите что-нибудь в лесу?

Мы слышали только плеск воды у наших ног.

— Не слышите? Ха-ха-ха! Оглохли? А вот я весь день слышу этот крик. Он так и звенит у меня в ушах.

— Она насмехается над нами, — пробормотал Уингроув. — Нигде ничего не слышно!

— Да, — сказал я, — ты, наверное, шутишь, Су-ва-ни?

— Ха-ха-ха! Это не я шучу, а птица насмехается над вами. Да, птица, хотя и не та, что зовется пересмешником. Это не голубка воркует и не сова кричит — это кукушка! Ха-ха-ха! Слышишь, Белый Орел, и ты, убийца пумы, кукушка смеется над вами обоими!

— Перестань! — с досадой сказал Уингроув. — Что за чушь ты несешь!

— Я говорю правду, Белый Орел, правду, правду! Черный змей заполз в твое гнездо и в твое то же, убийца пумы. Он обвился своими кольцами вокруг ваших птичек и утащил их далеко-далеко, через прерии, к Большому Соленому озеру! Он утопит их в нем! Ха-ха-ха!

— И это ты называешь утешением, проклятая? — закричал охотник, взбешенный ее словами. — Мы не желаем слушать твое карканье. Убирайся, или... — Он не кончил свою угрозу.

Девушка вдруг спрыгнула с изгороди, спряталась за дерево, и тут же у ствола сверкнуло что-то похожее на молнию и раздался треск, в котором легко было узнать звук выстрела. Я кинулся к дереву, чтобы схватить индианку, но голубоватый дым, медленно расплывшийся в воздухе, скрыл ее. Я добежал до забора, перескочил через него и, очутившись позади облака дыма, огляделся по сторонам. Кругом не было никого. Лишь вдали слышался злобный хохот.

Г л а в а XXXVI

МЕРТВАЯ ЛОШАДЬ

Полный тревоги, я оглянулся туда, где остался мой друг, и с радостью увидел, что он не упал, а идет ко мне. С пальцев его капала кровь, и на рукаве оленьей куртки



— Черный змей утащил ваших птичек далеко-далеко, — насмехалась
Су-ва-ни,

багровело пятно. Но он улыбался. Поглядывая на него, и я успокоился, поняв, что рана не опасна. Пуля прошла сквозь мышцы предплечья, не задев кости, так что вмешательство врача не требовалось. У меня был некоторый опыт в наложении повязок, и я знал, что нужно только остановить кровь и для скорейшего заживления поддерживать руку некоторое время на перевязи.

Как ни неприятно было это происшествие, но оно, кажется, подействовало на молодого охотника меньше, чем бессвязные речи индианки. Хотя они немного прибавили к тому, что нам уже было известно, но и этого оказалось достаточно, чтобы усилить наше мрачное настроение. Обстоятельства складывались хуже, чем я думал. В письме Лилиен говорилось о какой-то далекой местности, в которой добывают золото, то есть о Калифорнии. Но там ни слова не было о Соленом озере или переселении в город мормонов. Но из слов Су-ва-ни стало ясно, что именно туда направились скваттер и его спутники. Откуда и как получила она эти сведения, было непонятно, но я не мог отделаться от мысли, что они правильны.

Встреча с индианкой заставила нас поторопиться с приведением в исполнение нашего плана. Мы снова стали думать о погоне за уехавшими и прежде всего решили установить время их отъезда.

— Если бы не дождь, — заметил охотник, — я бы по следам определил, когда они ушли. Ведь они топтались здесь, когда носили вещи в лодку, но проклятый ливень начисто все смыл!

— А где же лошади? Ведь не увезли же их в лодке!

— Я уже думал об этом. У Стеббинса была не своя лошадь. Он, наверное, взял ее у Киппа и, скорее всего, вернул в тот же вечер, а сам потом пришел сюда пешком. А может быть, Кипп прислал за ней какого-нибудь негра.

— А лошадь Холта?

— Вот об этом стоит подумать. Он, конечно, оставил ее где-то здесь. В лодке ее не увезешь, да и не к чему брать с собой такую старую клячу. Ей и цена-то — мешок мякины. Что же он с ней сделал?

Охотник посмотрел вокруг, словно ища ответа на свой вопрос.

— Эге! — вдруг указал он на что-то привлекающее его внимание. — Вот она где. Посмотрите-ка на стервятников. Там она небось и лежит.

Он был прав. Чуть в стороне от изгороди на нижних ветках деревьев сидело несколько грифов, привлеченных каким-то предметом, лежащим на земле.

При нашем приближении они неохотно улетели. В траве под гигантской смоковницей лежала старая лошадь. Она была мертва, но птицы еще не тронули ее. На земле, как раз под зиявшей на шее лошади раной, натекла лужа крови. Видимо, животное было убито на этом самом месте.

— Убил-таки, — задумчиво проговорил мой спутник. — Это похоже на Холта. Мог бы ведь оставить лошадь кому-нибудь из соседей — так нет! Он, правда, ни с кем особенно не дружил, и меньше всего со мной. Я раз на празднике победил его в стрельбе. Он; должно быть, разозлился и с тех пор невзлюбил меня.

Я почти не слушал его. У меня явилась мысль — нельзя ли по этой лошади угадать время отъезда скваттера. На некотором пространстве вокруг трупа, защищенном раскидистыми ветвями смоковницы, земля была суха, а ручеек крови и образованная им лужа только слегка размазаны грифами, следы которых виднелись вокруг. Глаза животного были уже выклеваны. Все эти признаки мне, участнику походов в прериях, нетрудно было понять, так же как и опытному охотнику Уингроуву.

— Когда ее убили, по-вашему? — спросил я, указывая на лошадь.

Он тотчас понял мою мысль.

— А ведь правильно! Мне это сразу в голову не пришло. Сейчас выясним!

Охотник наклонился к самой шее лошади и, сунув пальцы в рану, подержал их там несколько секунд. Он молчал и, склонив голову набок, внимательно что-то обдумывал, потом сразу выпрямился, видимо удовлетворенный осмотром.

— Разрази меня гром, если эта лошадь не убита часа два, самое большее четыре назад! Взгляните-ка — кровь еще свежая и труп, по-моему, даже не совсем остыл.

— Значит, вы уверены, что ее убили сегодня утром?

— Совершенно уверен. Вот посмотрите, — продолжал он, приподняв и снова уронив одну из ног животного: — ноги еще совсем гибкие, а ведь они бы уже окостенели, если бы лошадь была убита вчера.

Таким образом, мы твердо установили день отъезда Холта, а час не имел такого значения, хотя и его можно было установить с достаточной точностью. По-видимому, лошадь была убита перед самым уходом. Теперь оставалось только одно сомнение: сам ли скваттер убил лошадь? Я вдруг подумал, не сделала ли это Су-ва-ни, и высказал его вслух.

— Ну нет! Это, конечно, сделал Холт, — ответил охотник: — девушке не к чему убивать лошадь, она просто взяла бы ее себе. Хоть это и старая кляча, но индейцам еще пригодилась бы для перевозки всяких их пожитков. Нет, это Холт!

— В таком случае, еще не все потеряно. Выходит, что они опередили нас не больше чем на четыре часа. Вы говорите, что русло Илистой речки извилисто?

— Да, она течет, изгибаясь, как задняя нога енота.

— А Обайон?

— Тоже крутится, как хвост дворняжки, а поближе к Миссисипи ползет со скоростью улитки. Его течение не очень-то им поможет. Придется им порядком погрести, пока они доберутся до Миссисипи. Пусть-ка этот проклятый мормон натрет мозоли на своих грязных лапах!

— От всего сердца желаю ему этого, — ответил я.

И мы оба кинулись к лошадям, чтобы не упустить возможности воспользоваться благоприятным обстоятельством. Вскочив в седла, мы поскакали к устью Обайона.

Г л а в а XXXVII

НАБЛЮДЕНИЕ СВЕРХУ

Это была утомительная почти двенадцатичасовая скачка, большей частью по лесным дорогам и выючным тропам, а временами через болота, где лошади проваливались по брюхо. Мы ехали почти непрерывно и только раз остановились покормить коней у одной из тех харче-

вен, которые попадают на дорогах, соединяющих разбросанные в лесах поселения. На всем пути нам встретилась всего одна такая харчевня, но и там мы задержались не дольше, чем это было необходимо, чтобы дать отдохнуть усталым лошадям. Нам во что бы то ни стало надо было перехватить лодку скваттера в устье Обайона. Если бы это не удалось, все наши усилия оказались бы напрасными и осталось бы только ехать назад ни с чем.

В дороге имелось достаточно времени для обсуждения наших шансов на успех. Водный путь, которым шла лодка, был очень извилист, а кроме того, и Илистая речка и Обайон текли обычно довольно медленно. Но после недавнего дождя они вздулись и несли лодку достаточно быстро, во всяком случае быстрее, чем двигались мы.

Наши лошади не выдержали бы скачки по трудным лесным дорогам, да еще на такое большое расстояние. Я на моем арабском коне мог бы поторопиться, но мне приходилось то и дело сдерживать его, поджидая отстававшую лошадь Уингроува. Таким образом, единственным нашим шансом на успех было то, что мы ехали напрямик и что беглецы выехали только часа на четыре раньше нас. Но и при таких обстоятельствах исход был сомнителен, потому что в лучшем случае мы едва-едва могли поспеть вовремя. А это как раз было очень важно, потому что, если бы лодка опередила нас, мы не знали бы, вверх или вниз по Миссисипи она направилась и дальнейшее преследование стало бы невозможным. Если до устья Обайона они никуда свернуть не могли и мы знали, куда нам ехать, то на Миссисипи мы легко могли ошибиться и, выбрав неверное направление, погубить все дело. Если бы мы увидели, куда поплывет лодка, выйдя из Обайона, наша главнейшая цель была бы достигнута.

Никакого дальнейшего плана действий у меня не было. Я знал только, что, куда бы они ни направились — хотя бы к самому Тихому океану — и где бы ни поселились, я последую за ними всюду, чтобы быть вблизи моей Лилиен.

У моего спутника цель была несколько иная, чем моя, и более определенная. Он стремился посчитаться со

Стеббинсом за те давние обиды, о которых уже успел подробно рассказать мне. Они, несомненно, требовали отщепеня, и я видел, что Уингроув так же нетерпеливо подгоняет своего коня, как и я. По его собственным словам, он собирался «заставить подлеца драться», что, по-видимому, должно было сильно повлиять на дальнейшие планы уехавших.

После долгого и трудного путешествия мы наконец достигли в полночь устья Обайона. Берег едва возвышался над водой. Он весь порос тополями и другими влаголюбивыми деревьями. Этот лес заслонял от нас и Обайон и Миссисипи. Чтобы иметь возможность наблюдать за устьем, необходимо было влезть на дерево. Это пришлось сделать мне, так как моему спутнику мешала раненая рука. Сойдя с лошади, я выбрал подходящее дерево, вскарабкался как можно выше, уселся на развилке и принялся наблюдать. Нельзя было бы выбрать место удачнее. Я прекрасно видел не только устье Обайона, но и широкие просторы Миссисипи, которую, если бы не быстрое течение, можно было бы принять здесь за озеро.

Все было залито лунным светом, и серебристая рябь играла мелкими блестками, которые с трудом можно было отличить от мириадов светляков на прибрежных болотах. Оба берега Обайона до самой воды заросли сплошной стеной тополей, вершины которых не колебал даже легкий ветерок. Бурные воды Обайона катились почти вровень с берегами.

Я поздравил себя с удачно выбранной позицией. Все было бы очень хорошо, если бы я мог быть уверен, что мы не опоздали. Время покажет, решил я и, устремив взгляд на реку, стал ждать.

Г л а в а XXXVIII

БЕЛЫЙ ТУМАН

Я ждал напрасно. Мы бодрствовали до рассвета, потом выбрали в лесу место поудобнее и продолжали наблюдение по очереди, чтобы хоть немного поспать. Так прошел день, наступил второй, и, видя бесполезность



Капитан Уорфилд всматривался в белую дымку и увидел, что по реке движется какой-то длинный предмет, а над ним вырисовываются силуэты людей...

нашего занятия, мы решили его прекратить, хотя и были уверены, что приехали к устью реки вовремя и лодка не могла нас опередить. Если бы не одно обстоятельство, мы задержались бы еще на день, считая, что лодка скваттера еще плывет по Обайону. Дело в том, что в первую же ночь, через несколько часов после того, как я занял свою позицию на дереве, обе реки затянуло туманом. Это был так называемый «белый туман», нередкий на Миссисипи. Его страшной завесы, простирающейся по временам над «Отцом вод», опасаются даже самые опытные лоцманы. В ту памятную ночь туман висел так низко, что, сидя на дереве, я оказался над ним. Сверху мне было видно, как он медленно клубится над водой, серебрясь в лучах луны, ярко озарявшей небо и окрестные леса. И только река, интересовавшая меня больше всего, была скрыта, словно какой-то завистливый водяной дух протянул над ней завесу. И вдруг — туман еще не успел сгуститься — мне послышались удары весел по воде. Я стал пристально всматриваться в тонкую белую дымку и увидел, что по реке движется какой-то длинный темный предмет, а над ним вырисовываются силуэты людей. Это было похоже на лодку с пассажирами, и я даже насчитал, что их в ней как раз трое. Я взволнованно окликнул лодку, но ответа не последовало. Наоборот, плеск как будто затих, и, прежде чем эхо моего голоса замерло, темный предмет исчез, скрывшись в густом, колеблющемся тумане. Я еще несколько раз окликнул их, но безуспешно. Единственным ответом был крик испуганной мною голубой цапли. Появившись из тумана, она захлопала крыльями у самой ветки, на которой я сидел. Я не мог решить, действительно ли я что-нибудь видел или это было только плодом моего воображения. Но с этой минуты меня и моего спутника охватило сомнение. Стоило ли ждать лодку или она в самом деле прошла в тумане мимо нас и ее пассажиры теперь давно уже плыли по Миссисипи, пересев со своего хрупкого суденышка на один из многочисленных пароходов, днем и ночью проходивших в обоих направлениях мимо устья Обайона? Если так, то они уже покинули пределы Теннесси, и перед нами вставал другой вопрос: на север или на юг они направились — к Миссури или к Арканзасу? В такое

время года более вероятным казалось южное направление, но оставалось неясным, решит ли скваттер сразу двинуться через прерии или будет ждать весны. Мне было известно, что у мормонов есть свои собственные караванные пути. Таким образом, нам оставалось только возвратиться в Суомпвилл и ожидать там письма от моей любимой. Ведь я не забыл простодушного и милого обещания: «Если позволите, я пришлю вам письмо в Суомпвилл и сообщу название того места, куда мы едем». О, если бы я мог сказать ей, как я хочу это знать и как охотно даю ей разрешение писать мне! Увы! Это было невозможно, но меня не покидала уверенность в том, что Лилиен мне все равно напишет. Я сообщил о моих надеждах Уингроуву, и мы отправились назад, в Суомпвилл, с намерением ждать там желанного письма.

Г л а в а XXXIX ОБЕЩАННОЕ ПИСЬМО

Возвращение в Суомпвилл при всех обстоятельствах являлось необходимым, так как у меня были в этом поселке кое-какие дела. Всякая поездка, даже по пустыне, требует денег, а после уплаты ста долларов Холту, расчета в гостинице и разных непредвиденных расходов в моем кошельке осталось их немного. Чтобы приобрести самое необходимое снаряжение для путешествия через прерии, потребовалось бы втрое больше. Мой спутник был рад отдать все, что имел, и охотно расстался бы со своим участком, так же как я с моим. Но в это время все свободные деньги местных дельцов были вложены в «Калифорнийскую компанию», и мы не могли бы получить за нашу землю ни доллара наличными. Продавать же в кредит нам не было никакого смысла, и мы вынуждены были сохранять нашу собственность, которую нельзя было даже заложить! Никогда еще я так не нуждался в помощи моего нэшвиллского друга. Как я и ожидал, он быстро откликнулся на мою просьбу. Уже на третий день пришел чек на сумму, достаточную для путешествия не только через весь континент, но если бы понадобилось, то и обратно. Теперь мы были готовы отправиться в путь

и ждали только письма, которое указало бы нам, куда ехать. Нет нужды подробно рассказывать, чем мы занимались все это время. Мы жили в гостинице «Джексон», но старались избегать общества чересчур кокетливых дочерей хозяина и большую часть времени охотились на оленей, бродя по окрестным лесам, но ни разу не побывав в наших владениях на Илистой речке. Мой товарищ имел свои причины избегать эти места, а для меня были слишком тяжелы связанные с ними воспоминания. Кроме того, почтальон приезжал в Суомпвилл нерегулярно и не в определенное время, и я старался не удаляться надолго от почтовой конторы.

Прошло шесть томительных дней; надежда в наших сердцах то и дело сменялась сомнениями, порой такими мучительными, что даже охота не отвлекала меня от них. Не раз мы с Уингроувом почти теряли терпение и готовы были кинуться в океан прерий, предоставив случаю привести нас к цели. Вечером шестого дня мы окончательно решили отправиться в путь на следующее утро, как только придет почта. Седьмой день оказался днем радости: долгожданное письмо рассеяло все наши сомнения. Как дрожали мои пальцы, когда я брал его у почтмейстера! Вероятно, он заметил мое волнение, хотя я не стал распечатывать письмо при нем. По адресу на конверте я сразу понял, от кого оно — я так долго изучал этот милый почерк, что мог узнать его с первого взгляда. Я не стал вскрывать письма, пока не тронулись в путь.

Почтовый штемпель «Ван-Бюрен, Арканзас» с достаточной точностью указывал нам направление, и, только выехав из Суомпвилла на дорогу в Мемфис, я с наслаждением принялся за чтение самого письма.

Адрес был тот же, что и на первой записке: «Эдварду Уорфилду», и письмо начиналось тем же обращением: «Незнакомец».

Мне хотелось бы, конечно, какого-нибудь более нежного слова, но я был удовлетворен и этим — Лилиен узнала горечь разлуки прежде, чем успела научиться языку любви. Вот ее послание:

«Незнакомец! Надеюсь, что вы получили мою записку и смогли прочесть ее. У меня не было ни бумаги, ни

пера, ни чернил, чтобы написать лучше, — только обломок карандаша, который остался мне от мамы, и листок, который, как сказал отец, вы вырвали из своей записной книжки. И все-таки я написала бы лучше, если бы не боялась, что они заметят, чем я занята, и будут меня бранить. Пришлось писать очень быстро, пока никого не было в доме, и оставить письмо на столе, когда отец и его друг ушли к реке, чтобы садиться в лодку. Я подумала, что раньше вас в хижину никто не придет, и все утро надеялась, что вы еще застанете нас. Чего бы я не дала, чтобы еще раз увидеть вас! Отец, наверное, дождался бы вашего приезда, но его друг очень торопил нас. Я надеюсь, что вы нашли письмо и не будете сердиться за то, что я без разрешения посылаю вам второе. Я обещала написать вам откуда-нибудь, чтобы сообщить вам, куда мы едем, но забыла, что вы не сможете мне дать разрешение на это: ведь мы не увидимся и вы не знаете, куда мне писать. Как называется место, мне теперь известно, потому что все кругом толкуют о нем. Говорят, что там золото лежит прямо на земле, кусками величиной с орех. Это место называется «Калифорния». Она находится у огромного моря или океана, как его все называют. Но это не тот океан, что в Филадельфии или Нью-Йорке; он гораздо больше и шире, чем Миссисипи, Обайон и все реки вместе взятые. Какое это должно быть огромное море, если оно больше Миссисипи! Впрочем, я уверена, что вы все это знаете, потому что слышала, как отец и его друг говорили, что вы офицер и сражались в этих местах с мексиканцами. Я так рада, что вы не были убиты и смогли вернуться в Теннесси, потому что иначе я бы никогда не встретилась с вами. Правда, теперь это все равно, так как я вас больше не увижу. О сэр! Я бы написала вам из тех мест, где мы поселимся, но боюсь, что до тех пор вы меня забудете и известия о нас вам будут неинтересны. Мне жаль покинуть милый Теннесси, и я никогда его не забуду, потому что не могу быть счастливой в Калифорнии, несмотря на все ее золото. Зачем оно мне? Мне хотелось бы хоть изредка узнавать что-нибудь о нашем старом доме, но у отца нет друзей, которые могли бы нам написать. Единственный его приятель уехал вместе с ним. Может быть, вас не затруднит ию-

гда писать мне о том, как идут дела у вас на участке, насколько вы расширили его и построили ли там большой дом. Отец говорит, что вы собираетесь это сделать. Я всегда буду рада узнать, что вы здоровы и счастливы.

Мне надо еще рассказать вам об одном происшествии, случившемся с нами в устье Обайона. Мы плыли там на лодке ночью, и вдруг кто-то окликнул нас. О сэр! Голос был так похож на ваш, что я вся задрожала, услышав его. Казалось, что он прозвучал прямо с облаков! В то время был густой туман, и мы никого не видели, но я все-таки крикнула бы что-нибудь в ответ, если бы отец не приказал мне молчать. Он сказал, что это кричит какой-нибудь дровосек, забравшийся на дерево. Наверное, это так и было, но голос был совсем как ваш! Меня это очень удивило, потому что я знала, что вы никак не могли быть там.

Мы сейчас в большом городе на реке Арканзасе; мы приехали сюда на пароходе только вчера. Дальше мы поедem в фургоне и с нами еще много-много людей. Это называется «караван». Говорят, что нам придется ехать много месяцев, так что я теперь не скоро смогу написать вам, потому что за Ван-Бюреном нет ни городов, ни почты. Но я помню слова, которые вы говорили мне, и я буду думать о них каждую минуту, как думаю и теперь. В одной из книг моей мамы есть очень хорошие стихи. Они так похожи на то, что я думаю о вас, что я выучила их наизусть. Может быть, вы тоже захотите прочитать эти стихи? Мне кажется, они вам понравятся, и потому я помещаю их в конце письма, и без того, кажется, слишком длинного! Но я надеюсь, что у вас хватит терпения прочесть его до конца, а потом и стихи.

Мечтаю о тебе, когда
Под сводом бирюзовым утро
Летит, как пташка из гнезда
На крыльях роз и перламутра.
Когда в час полдня упоенно
Деревьев шепчутся листы
И птичий хор звенит влюбленно,
Лишь о тебе мои мечты.

Мечтаю о тебе в часы,
Когда заря, потупив очи,
В венце из жемчугов росы
Краснеет, встретив сумрак ночи.
Когда, лелея сон природы,
Льет свет свой месяц с высоты
И звезд кружатся хороводы,
Лишь о тебе мои мечты.

О сэр! Это так верно! Я все время мечтаю о вас и до самой смерти вас не забуду!

Лилиен Холт».

Ах, Лилиен! Я тоже думаю о тебе и твоём прелестном стихотворении. Какие в нём простые, но многозначительные слова! Если бы я знал, куда послать мой ответ, ты поняла бы, какой отклик они нашли в моём сердце!

Г л а в а X L

КАРАВАН

Путь до Мемфиса мы проделали со всей скоростью, на которую были способны наши кони, но она казалась нам недостаточной. Дальше мы пароходом добрались до Литл-Рока, а оттуда на другом пароходе отправились в Ван-Бюрен. И того и другого мы ожидали по многу дней и, прибыв в Ван-Бюрен, узнали, что караван ушел оттуда две недели назад. Сведения о его предполагавшемся пути удалось получить без особых затруднений. Он должен был идти вверх по Арканзасу до Скалистых гор, потом — по долине реки Уэрфано через перевалы Робидо и Кучетопо к верховьям Колорадо и, наконец, по старой испанской дороге в Калифорнию. Караван этот состоял главным образом из жаждавших золота авантюристов самых различных национальностей. В нём были даже индейцы из полуцивилизованных племен, живших поблизости от границы. В караване было больше вьючных лошадей, чем фургонов, и, следовательно, он должен был двигаться очень быстро. Только какая-нибудь случайная задержка могла бы помочь нам догнать его.

Я был очень раздосадован и, вероятно, не так покорно подчинился бы обстоятельствам, если бы меня не успокаивало содержание письма Лилиен. Я склонен был думать, что его спутники просто-напросто стремились в Калифорнию, заразившись золотой лихорадкой. По-видимому, и мормон был уж не так тверд в своей новой религии, чтобы устоять против этого соблазна. Он и скваттера-то взял с собой потому, что ему нужен был компаньон, в чьих мускулистых руках лопата и лоток принесли бы наибольшую пользу. В том, что они ушли с караваном, мы удостоверились очень скоро. Холт был очень заметной фигурой даже в толпе таких же переселенцев. Еще большее внимание привлекала его красавица дочь. Мне даже незачем было расспрашивать о ней — в городе только и говорили, что о золотоволосой Лилиен. Меньше чем через сутки после приезда мы покинули Ван-Бюрен, направившись в сторону почти безграничных просторов Запада. Я пытался найти каких-нибудь попутчиков, но безуспешно. Все, кто хотел уйти, уже ушли с караваном, а кроме того, наша экспедиция казалась слишком трудной и опасной даже нищим бездельникам. Несомненно, она и была довольно рискованной, но мною и моим товарищем руководили чувства, гораздо более мощные, чем жажда золота, и поэтому мы не думали об ожидавших нас опасностях.

Перед отъездом мы купили двух выючных мулов для перевозки провизии и снаряжения и заменили лошадь Уингроува более надежным конем.

Не стоит особенно останавливаться на подробностях нашего путешествия по прериям. Оно мало чем отличалось от сотни других, уже описанных раньше. Единственной особенностью было то, что, приблизившись к бизоньим пастбищам, мы стали передвигаться по ночам. Такая предосторожность являлась совершенно необходимой, иначе мы рисковали лишиться наших скальпов, а вместе с ними и жизни.

Весь район, расположенный по берегам Арканзаса, населен воинственными индейскими племенами. В то время, о котором идет речь, они были особенно настроены против «бледнолицых» из-за враждебного поведения проходивших через их владения переселенцев. Эти места

считались опасными, и мы это прекрасно знали, наслушавшись в Ван-Бюрене всяких рассказов.

Встреча с охотничьим или военным отрядом индейцев, может быть, и не грозила неминуемой смертью, но такой отряд, несомненно, отнял бы у нас оружие и лошадей, что в необъятных просторах прерий было равносильно гибели. Вот почему мы ехали по ночам, а днем обычно скрывались в какой-нибудь рощице или среди скал, иногда покидая свое убежище и поднимаясь на близлежащий холм, чтобы осторожно осмотреть дорогу и составить план пути на следующую ночь. Мы покидали нашу укромную стоянку обыкновенно за час или два до заката, потому что к этому времени индейские охотники возвращались в свой лагерь. Дым от их костров был виден издалека, так что такой лагерь легко было объехать. Мы часто видели костры и даже самих индейцев, но благодаря нашей крайней осторожности ни разу не попались им на глаза.

Так пробирались мы через прерии и даже довольно быстро. Указателем пути нам служили следы фургонов. Когда ночи были лунные, можно было ехать почти такой же скоростью, как и днем, и только при очень сильной темноте продвижение замедлялось. И все же мы знали, что догоняем караван: след становился все более свежим, а кроме того, счет стоянок показывал, что караван затратил на этот путь больше дней, чем мы. Мы уже рассчитывали нагнать караван до первого перевала, где путешествовать было еще опаснее, чем в прериях: в это время года на горных тропах хозяйничали банды индейских грабителей. Поэтому мы торопились изо всех сил. Неожиданно однообразие нашего пути было нарушено странным происшествием.

Г л а в а XLI

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ВСТРЕЧА

Это случилось в верховьях Арканзаса, неподалеку от знаменитого Большого леса. Мы выехали часа за два до захода солнца, направляясь по холмистой прерии на Запад. Дорога все время шла то вверх, то вниз. Это нас не

беспокоило бы, но дело в том, что всякий раз, как мы переваливали через гребень, нас легко было заметить издали, и потому приходилось все время быть настороже. Мы уже подумывали, не подождать ли где-нибудь, пока зайдет солнце, так как понимали, что играем с огнем, но, поскольку никаких признаков индейцев поблизости не было, решили продолжать путь. Двигаться вперед следовало осторожно, поднимаясь на каждый холм в полном молчании и заглядывая за его гребень, чтобы осмотреть лежащую впереди долину. После этого мы пересекали ее рысью, чтобы наверстать потерянное время. Мы проехали таким образом миль десять и край солнца уже касался горизонта, когда на склоне одного из холмов, в полумиле впереди, мы заметили две темные фигуры. Сперва мы приняли их за индейцев, но, присмотревшись, убедились в своей ошибке. Они шли пешком, тогда как индейцы, конечно, ехали бы на лошадях, и костюмы путников не походили на свободную развевающуюся одежду краснокожих. Они были до смешного не похожи друг на друга. Один казался по крайней мере на фут выше другого, зато второй был раза в два толще.

— Что за черт! Кто они такие? — спросил Уингроув, но этот вопрос был чисто риторическим, так как охотник прекрасно знал, что и я удивлен не менее его. — Не можете ли вы разглядеть их в вашу трубку, сэр?

Со мной была маленькая подзорная труба. Я вынул ее, навел на путников и увидел странную картину: это были двое мужчин, оба одетые в короткие куртки и брюки. На голове у маленького была черная фуражка, тогда как рост второго казался еще больше из-за высокого головного убора — не то цилиндра, не то бобровой шапки. Покрой их костюмов был почти одинаков, но цвет совершенно различен. Высокий был с ног до головы в бутылочно-зеленом, а маленький — в небесно-голубом. Но, несмотря на яркость их одежды, в ней не было ничего индейского. Она вообще не походила ни на одно из одеяний, которые могут встретиться в прериях. Фасон ее я не мог хорошо разглядеть, так как солнце слепило мне глаза. Кроме того, меня не так интересовала внешность этих людей, как их действия. Они шли в том же направлении, что и мы, и поэтому я видел только их спины. Высокий

шагал впереди, неся два ружья: одно на левом плече, а другое в правой руке. Он двигался медленными, неровными шагами, слегка согнувшись и вытянув шею, словно стараясь заглянуть за гребень холма, к которому приближался. Маленький, отстававший от него на несколько шагов, двигался совсем иначе. Он шел, низко наклонившись, часто переступая короткими толстыми ногами, точно вертя ножную мельницу, и толкая перед собой какой-то предмет. Какой именно, я не мог разглядеть, потому что он был закрыт его круглой фигурой. Только когда толстяк добрался до вершины и повернул вдоль гребня, я понял, что это такое.

— Черт возьми! — раздался удивленный возглас Уингроува. — Посмотрите, капитан! Провалиться мне на месте, если это не тачка!

Да, тут не могло быть никакой ошибки. Это, несомненно, была тачка! Появление среди диких прерий такого знакомого домашнего предмета, было столь неожиданно и нелепо, что мы чуть было не разразились громким хохотом, однако осторожность одержала верх. Мой спутник все же засмеялся так громко, что мне пришлось сделать ему замечание. В эту секунду высокий вдруг оглянулся и, видимо, заметил нас. Быстро сделав своему спутнику какой-то знак, он кинулся вперед, как испуганный олень, и мгновенно скрылся за гребнем. Маленький бегом помчался за ним со своей тачкой. Через секунду и люди и тачка исчезли так внезапно, точно их поглотила земля. Все это было так комично, что удержаться от смеха было невозможно. Мы оба разразились хохотом и, не думая больше ни о какой опасности, в самом веселом настроении направились к тому месту, где исчезли странные путешественники. Дорога была очень неровной, и, пока мы добирались туда, прошло довольно много времени. Поднявшись на холм, мы никого за ним не обнаружили. Только след тачки на траве указывал на недавнее присутствие здесь людей, но они, видимо, скрылись в лесу, которым поросла долина. Их бегство было легко объяснить: увидев со своего холма только наши головы, они попросту приняли нас за индейцев!

СТУПНЯ ДЛИНОЙ В ТРИНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ

Тачка этих незнакомцев разъяснила нам одно недомыслие. Не раз замечая во время нашего пути ее след, мы считали, что он оставлен двуколкой, но тщетно искали след второго колеса. Отсутствие его казалось нам загадочным, и в конце концов мы решили, что одна из легких повозок каравана нагружена так неравномерно, что вся тяжесть падает на одно колесо, а другое почти не касается земли. Поскольку след пролегал по сухой траве, такое объяснение казалось правдоподобным, и ни одному из нас не приходила в голову мысль о тачке.

— Да кто же это, черт побери? — снова спросил Уингроув, когда мы оказались на том месте, где только что видели незнакомцев.

— У меня есть одно подозрение, — ответил я, думая о покрое и цвете костюмов этих странных путников: — по моему, эти поспешно упорхнувшие птички — орлы из славной американской армии.

— Солдаты, что ли?

— Вероятно, и, по-видимому, не новички.

— Но что же они здесь делают?

— Направляются в Калифорнию, так же, как и мы.

— А может быть, это дезертиры?

— Я сам так думаю. Эта парочка, очевидно, бежала из какого-то пограничного форта и, не имея подходящего транспорта, решила сбойтись тачкой. Смешно, но вполне правдоподобно. В армии встречаются всякие люди.

— Ха-ха-ха! А не поймать ли нам их, капитан?

— Это, друг мой, легче сказать, чем сделать. Если они солдаты, да еще дезертиры, их так просто не поймаешь. С караваном они не пошли, потому что его сопровождает отряд. Если эти молодчики разглядели мой мундир, они уж постарались спрятаться.

— Они видели только наши головы и, наверное, решили, что мы индейцы.

— В таком случае, они спрятались еще лучше.

— А что же эти умники не догадались скрыть след своей тачки? Я думаю, что сумею выследить их, если они болтаются здесь в лесу. Кажется, я еще не забыл, как это

делается, хотя проклятые прерии совсем задурили мне голову. Ах! Что значит лес, капитан! Взглянешь на него — и делается как-то легче!

Глаза молодого охотника заблестели от радости. Перед нами был настоящий лес — обширное пространство, заросшее огромными тополями, первый лес на всем нашем многодневном пути. Этот лес напомнил Уингроуву родные леса Теннесси и вызвал мысли о прежних счастливых днях. Но скоро его лицо снова омрачилось.

— Надо все-таки постараться их догнать, — сказал я, делая вид, что не замечаю его волнения, — это было бы очень полезно. Пусть даже это дезертиры, но все-таки белые, а в прериях все белые — друзья. У них два ружья, а если они действительно те, за кого мы их принимаем, то обращаться с оружием умеют. Пойдем по их следам, не будем терять время.

— Вы правы, капитан. Надвигается ночь, и я боюсь, что в темноте да еще в лесу трудно будет разглядеть следы. Если мы хотим нагнать их сегодня, медлить нельзя.

— Ну, тогда вперед!

Мы быстро спустились с холма, идя по следу тачки, прямой линией уходившему в лес. Было ясно, что она катилась под гору с предельной скоростью, — ее железное колесо кое-где сорвало со склона дерн. Идти по такому следу было нетрудно; он довел нас до леса и даже немного в глубь его и вдруг, к нашему великому изумлению, сразу исчез, хотя земля здесь не была ни сухой, ни каменистой. Даже пустая, тачка оставила бы на этой мягкой почве достаточно заметный след. Мы осмотрели все кругом на расстоянии ста ярдов, но напасть снова на след нам не удалось. Стало ясно, что дальше этого места тачка не прошла. Глаза наши инстинктивно устремились вверх, так как нам обоим пришла в голову мысль, что беглецы спрятались на дереве, втащив за собой и тачку. Но с первого же взгляда мы убедились, что это невозможно: в редкой листве тополей с трудом могла бы укрыться даже белка.

— Понял! — воскликнул вдруг охотник, продолжавший внимательно осматривать землю. — Вот их следы. Теперь ясно, как они нас надули! Черт возьми, хитрые парни, кто бы они ни были!

— Но что же они сделали?

— Подняли свою тачку на плечи и так потащили ее дальше. Вот следы их ног между двумя деревьями, видите?

— Правильно! По-видимому, они так и сделали, а потом пошли вон туда.

— Да. Если бы не лошади, я бы легко опять нашел след колеса. Не могут же они долго идти с таким горбом за плечами!

— Конечно, нет.

— А как вы думаете, капитан, если бы нам оставить здесь лошадей, а самим пойти пешком и нагнать этих молодцов с их тачкой?

Я согласился, и, привязав лошадей, мы углубились в лес. Но следы недолго указывали нам путь, так как беглецы предпочитали идти по сухой траве. В одном месте, где земля была обнажена, отчетливые отпечатки сразу подтвердили мое предположение, что эти люди — дезертиры. Форма солдатского башмака достаточно крепко засела в моей памяти, чтобы я мог сразу безошибочно узнать ее.

Оба путника носили эту дешевую казенную обувь. Разница — и притом огромная! — была только в размере. След меньшей ноги равнялся всего двум третям большей, а в последней было не меньше тринадцати дюймов! Обнаружив это, мой спутник был поражен.

— Вот нога, так нога! — воскликнул он. — Если бы я не видел этого человека, я бы решил, что здесь водятся великаны.

Я ничего не ответил, хотя был удивлен не меньше, чем он. Но удивление мое было другого рода: я понял, что уже видел этот след раньше.

Г л а в а X L I I I

ПО СЛЕДУ ТАЧКИ

Да, я видел раньше этот след или, во всяком случае, очень похожий. Впрочем, нет! Оставить подобный след мог только один человек в мире. Сперва мои воспоминания были несколько смутны. Я знал, что нога, оста-

вившая его, была связана с каким-то забавным происшествием, но где и когда оно случилось и что именно это было, вспомнить не мог. Тем не менее никакой неприятной ассоциации след ее у меня не вызывал, и мне тем более хотелось скорее догнать ее гигантского обладателя.

По мере того как мы шли, отпечатки башмаков становились все более неясными, и мы чуть было не сбились со следа, как вдруг в одном месте снова увидели их. На этот раз они были еще более четкими, чем раньше. И тогда я снова вспомнил эту огромную ногу, на этот раз более живо. Как будто совсем недавно видел я ее в стремени, с огромной мексиканской шпорой на каблуке, а собственника ее — верхом на лошади, такой же худой и костлявой, как он сам. Я уже не сомневался, что преследуемый нами высокий человек служил когда-то под моим начальством. Угловатая фигура и длинные руки и ноги, которые я видел в подзорную трубу, также подтверждали мое предположение, что высокий солдат — это Джеф Байглоу, или Верный Глаз, как недаром прозвали его в полку. Действительно, он был на редкость метким стрелком. Кто был сопровождавший его маленький человечек, я еще не знал, хотя его фигура тоже показалась мне знакомой. Он напоминал мне некоего Патрика, тоже служившего в моем отряде. Теперь мое желание догнать беглецов неизмеримо возросло. Если бы высокий оказался действительно Верным Глазом, мы получили бы в свое распоряжение ружье, которое одно стоило двенадцати. А это было очень важно — ведь мы ежечасно рисковали нашими скальпами. Поэтому Уингроув призвал на помощь весь свой лесной опыт, и мы принялись за поиски с удвоенным рвением. Хотя мы почти немедленно снова потеряли след, он все же указал нам, в каком направлении двигались наши беглецы. Другим важным указанием служили деревья. Они росли очень густо, и протащить такой широкий предмет, как тачка, было возможно далеко не везде. Ее владельцы могли пройти только по более открытым участкам. И действительно, мы время от времени снова обнаруживали следы ног, и это помогало нам увереннее выбирать дорогу. Мой товарищ уверял меня, что и тачку долго на плечах не протащишь. Так оно и оказалось.

Выйдя на старую бизонью тропу, мы с радостью увидели в грязи след колеса.

Теперь мы могли не тратить времени на поиски следов и пошли по тропе со всей быстротой, на которую были способны наши ноги. Даже когда в лесу стало совсем темно, мы продолжали идти, изредка останавливаясь, чтобы проверить, есть ли под ногами след колеса. Так мы прошли около мили от того места, где оставили лошадей, когда вдруг след колеса исчез. Очевидно, тачка свернула в сторону или ее опять понесли на плечах. Последнее, однако, казалось маловероятным, и мы решили, что беглецы свернули на какую-нибудь не замеченную нами тропинку.

Вдруг до нас долетели звуки, похожие на шум далекого водопада. Прислушавшись и пробравшись ближе к тому месту, откуда они доносились, мы поняли, что это были человеческие голоса. Тут же мы заметили на деревьях отблеск огня, указывавший на то, что неподалеку горит костер. Мы пошли на свет, прячась за кустами, и очень скоро увидели и костер и тех, кто его разжег. Сомневаться, в том, что мы настигли именно наших беглецов, не приходилось — у костра, ярко освещенная его пламенем, стояла тачка.

Г л а в а XLIV

ДВА «ВЕТЕРАНА»

Да, именно тачка стояла перед нами, и надпись на ее боку: «Артиллерийское управление» — хорошо видная при свете костра, выдавала ее происхождение. Очевидно, форт Гибсон или форт Смит лишились одной из своих тачек, изъятой из инвентаря без особых формальностей. Здесь же, у огня, сидели и ее похитители. Они так же мало походили друг на друга, как борзая на таксу, и даже сидели по-разному. Маленький поджал под себя ноги, как это делают портные. Ноги его товарища были слишком длинны для такой позы: он сидел, обхватив руками колени, которые приходились как раз на уровне плеч, и вся его фигура сбоку чрезвычайно напоминала латинскую букву N. За торчащими кверху коленями

можно было разглядеть быстрые, блестящие глаза, чуть вздернутый нос, рыжеватую бородку и редкие косицы волос, свисавшие из-под старой черной шляпы. Это лицо, правда, несколько насмешливое и плутоватое, никак нельзя было назвать лицом закоренелого преступника. Костюм долговязого человека, за исключением шляпы, был чисто военным. Я хорошо знал эту форму конных стрелков: темно-зеленая куртка из грубого сукна с рядом маленьких медных пуговиц от ворота до пояса и брюки из того же материала, едва доходившие до лодыжек. Куртка также была явно мала. Между ее нижним краем и поясом брюк оставалось пространство по крайней мере в шесть дюймов шириной, прикрытое только грязновато-желтой рубашкой. Воротничка у рубашки не было и голая шея торчала дюйма на три из черного кожаного воротничка куртки. Грубые шерстяные носки и простые казенные башмаки дополняли костюм Верного Глаза, поскольку это несомненно был он.

На его товарище был костюм того же покроя, только другого цвета и, кроме того, суконная солдатская фуражка. Куртка и брюки были небесно-голубые, выцветшие за время долгой носки, пуговицы оловянные, а нашивки — из белой шерстяной тесьмы. Эта форма сидела на своем владельце лучше, чем зеленое одеяние на Верном Глазе. Толстяк, видимо, даже старался следить за своей наружностью, так как его куртка была аккуратно застегнута на все пуговицы, а фуражка лихо сдвинута набекрень. Куртка туго, без единой морщины, обтягивала его тело, придавая маленькому солдату щеголеватый вид. Черты его круглого добродушного лица были довольно правильными, хотя нос казался еще более курносым, чем у его товарища. Красный цвет этого носа показывал, что его обладатель питает склонность к крепким напиткам. Бороды у него не было, но на подбородке виднелась недавно отросшая щетина. Выбивающиеся из-под фуражки темные кудри были тщательно напомажены.

Я не ошибся: передо мной сидел еще один старый знакомый — неустрашимый пехотинец Патрик О'Тигг, истинный сын Ирландии.

Приятели были заняты одним и тем же делом — приготовлением ужина. У каждого в руках был длинный прут с насаженным на конце куском сырого мяса, которое они медленно поворачивали над огнем. Такое же мясо — по-видимому, бизонье — виднелось в тачке, где, кроме этого, находились какие-то засаленные мешки, два ранца, ящик с патронами и две саперные лопатки. Поверх всего были положены армейское ружье и мушкет. Вид этой клады ясно говорил о том, что перед нами дезертиры, экипировавшиеся за счет казны. Может быть, им задержали жалование и они решили таким простым способом получить свое. Меня удивило, что эти молодцы не прихватили пару казенных лошадей! По-видимому, в ночь их бегства конюшню охранял добросовестный часовой.

Удостоверившись, что люди у костра действительно мои знакомые, я хотел сейчас же окликнуть их, но мне вдруг пришла фантазия еще с минуту послушать их разговор и, если можно, узнать, куда и откуда они идут. Оба были так заняты своими вертелами, что не видели и даже не слышали нас, хотя сидели теперь молча, а мы находились всего в нескольких шагах от них. Я ожидал от Верного Глаза большей осторожности, но, вероятно, они оба надеялись на густоту зарослей, в которых расположились, были утомлены и голодны и потому на время забыли о бдительности.

Мы стояли так близко, что могли расслышать даже шепот и рассмотреть выражение лиц. Я сделал знак моему спутнику и, пригнувшись за кустом, стал ждать продолжения прерванной беседы.

Г л а в а XLV

СПОР О ТАЧКЕ

Приятели недолго испытывали наше терпение. О'Тигг был не такой человек, чтобы долго молчать, да и Верный Глаз любил поболтать. На этот раз первым заговорил пехотинец:

— Знаешь, дружище, я все думаю — какие мы дураки, что идем пешком, как двое бродяг, когда могли бы



Прятели были заняты приготовлением ужина.

так просто заполучить пару хороших лошадей! Что стоило увести их из форта?

— Да, Патрик, ты, пожалуй, прав. Это мы не сообразили.

— И, в конце концов, семь бед — один ответ. Ведь если нас поймают, то все равно выпорют за ружья, ранцы и тачку, чтоб ее черт подрал!

— Нет, Патрик, ты тачку не ругай, она нам очень пригодилась! Разве мы могли бы обойтись без нее? Как бы мы увезли ружья? А мясо, а мешок с мукой? Без них мы давно бы сдохли с голоду. Нет, тачку ругать нечего!

— Ох! У меня от нее так ломит плечи, точно какой-то подлец колотил по ним дубинкой.

— Ну ничего! Выспишься, и пройдут твои плечи. Черт возьми, а ловко мы провели этих индейцев! Они, конечно, потеряли наш след, а то давно уже были бы здесь.

— Это верно, мы их здорово надули!

Мясо к этому времени достаточно прожарилось, и солдаты так усердно занялись едой, что даже прекратили разговор. Но и того, что они уже сказали, было для меня вполне достаточно.

Оба солдата служили в Мексике в моем отряде, а после его расформирования завербовались в регулярную армию. О Тигг на этот раз предпочел голубой мундир пехоты, янки же, как и следовало ожидать, стал конным стрелком, тем более что при его «выправке» пехотинец из него получился бы никуда не годный, а в конно-стрелковых войсках наружность не имеет большого значения. Охотников вступать в американскую армию, особенно в мирное время, немного, и при такой нехватке рекрутов даже такой нескладный верзила, как Верный Глаз, мог считаться находкой.

Очевидно, обоим надоела их служба. Жизнь в пограничных фортах убийственно скучна, а новости о калифорнийском золоте сделали ее невыносимой. Искушение оказалось слишком сильным, и они дезертировали из форта.

Прятели, несомненно, следовали за караваном, а это доказывало, что бежали они из форта Смит, расположенного на берегу Арканзаса, напротив Ван-Бюре-

на. Они решили идти за караваном, вероятно, чтобы не заблудиться, а кроме того, в случае крайней необходимости можно было бы к нему присоединиться или хотя бы пополнить там свои припасы. Сразу они к нему не присоединились потому, что опасались конвоя, о котором они упомянули в своем разговоре.

По-видимому, им до сих пор везло так же, как и нам, и дезертиры ни разу не столкнулись с индейцами. Этим они скорее всего были обязаны каравану, который отвлекал внимание краснокожих.

Несмотря на свой нелепый вид, Верный Глаз отнюдь не был дураком. Мысль взять с собой тачку, конечно, принадлежала ему, и он сумел также переложить на плечи ирландца обязанность катить ее всю дорогу от форта Смит до Большого леса. Несомненно, такое распределение работы должно было сохраняться и дальше. Однако Патрику это, очевидно, уже надоело, потому что, поев, он снова вернулся к вопросу о тачке.

— Слушай-ка! Ведь мы могли бы теперь обойтись без тачки, раз дошли до места, где водятся бизоны. Их же стрелять не труднее, чем корову. Уж наверно мы не будем без мяса, пока у нас есть порох!

— Дурак! Как раз наоборот: дальше пойдут места, где не найдешь ни одного зверя больше крысы. По ту сторону гор нет никакой дичи, вот там-то мука нам и понадобится. Если мы ее не возьмем, так наверняка погибнем от голода!

— О господи! Лучше уж я поташу этот мешок на спине. В нем осталось не так много, и я справлюсь, если ты возьмешь лопаты и остальное. А ранцы и ящик изпод патронов можно бросить: на что они нам в Калифорнии? По ним ведь сразу видно, что мы дезертиры.

— Об этом не беспокойся! Если в Калифорнии есть солдаты, у них хватит дела и без нас. Не мы одни явимся туда без разрешения на добычу золота. Там, наверное, набралось дезертиров, как мясных мух на падали. А кроме того, Патрик, нам и не придется тащить до Калифорнии ни ранцы, ни тачки.

— Как так? — озадаченно спросил ирландец.

— Мы все это оставим в городе мормонов.

— Да разве караван пойдет туда?

— Конечно, пойдет. В нем половина народу — мормоны, которые пробираются к Соленому озеру. Мы можем пойти за караваном и там сменять нашу форму на что-нибудь другое и тачку тоже. А на ранцах и патронном ящике можно неплохо заработать.

— На солдатских ранцах и старом патронном ящике? Да за них ничего не дадут!

— Ошибаетесь, мистер Тигг! А что, если я выменяю за них пару лошадей или мулов? Я не собираюсь тащиться пешком до самой Калифорнии. Нет! Из города мормонов я выведу верхом!

— Черт возьми, это здорово! Только как это устроить?

— Ну, так и быть, Патрик, я тебе открою мой план. Правда, я еще не все обдумал, но к тому времени, когда мы перевалим через горы и уж, во всяком случае, когда придем в город мормонов, все будет в порядке.

— Что же это за план?

Янки ответил не сразу. Обглядывая кость, он, видимо, что-то обдумывал, может быть, как раз то, что собирался сообщить приятелю.

Г л а в а XLVI

НЕВЕРоятная история

В течение нескольких секунд собеседники молчали, пережевывая мясо. Слышалось только громкое чавканье. Нам с Уингроувом было очень интересно узнать, что скажет Верный Глаз, и мы, сдерживая нетерпение, продолжали прятаться в кустах. Кое-что из его предыдущего рассказа было мне очень неприятно. Я испугался, узнав, что Лилиен может оказаться в городе мормонов. Правда, раньше у меня было такое подозрение, но после ее письма оно совсем рассеялось.

Размышления мои были прерваны голосом стрелка, приступившего к обещанному объяснению.

— Видишь ли, дружище, эти мормоны всерьез занялись военным делом. Но доставать солдатское обмундирование им очень трудно, и они его очень ценят. Я собираюсь сбыть им наши ранцы под видом новейших, улуч-

шенных образцов. У нас в форте говорили, что у мормонского генерала — ихнего пророка — денег полные бочки! Он даст нам за эти ранцы любую цену. Понимаешь, мистер Тигг?

— Понимать-то понимаю, да разве их так легко надуть?

— Проще простого. Недаром я пять лет торговал и кое-чему выучился.

— Это верно. Ты ловко тогда подсунул поленья вместо окороков этим балтиморцам — помнишь, ты рассказывал нам в Мексике?

— Конечно, помню. Только однажды я сыграл еще лучшую штуку в Новом Орлеане. Это было лет пять назад, как раз перед тем, как я пошел воевать.

— Какую штуку? Расскажи!

— Видишь ли, я не всегда был таким бедняком, как сейчас. Одно время у меня была доля в шхуне, ходившей из Бостона в Новый Орлеан. Мы грузили ее всякой всячиной для продажи орлеанцам. Они ведь все дураки, эти французишки. Им можно продать мускатный орех из дерева или кирпичную пыль вместо кайенского перца. Мы на этом кое-что заработали. А однажды им взбрело в голову, что можно делать башмаки из кожи аллигаторов и продавать их неграм. Железные гвозди были дороги, и они пустили в ход деревянные, которые на юге не делаются, а доставляются с севера. Мы с моим компаньоном решили подзаработать на этом. Нагрузили полную шхуну деревянных гвоздей, отправились из Бостона в Новый Орлеан и уже думали, что мы богачи.

— Ну, и что же? Разбогатели?

— Ничего подобного — чуть совсем не разорились.

— Как же так?

— А вот как. В Новом Орлеане мы узнали, что из затей с башмаками ничего не вышло. Оказалось, что кожа аллигаторов для них не годится и, кроме того, этих тварей быстро почти всех перебили. Ну, конечно, и деревянные гвозди сразу упали в цене, и куда мы с ними ни совались, нигде не могли получить больше двадцати пяти центов за бушель.

— Мать пресвятая! Только двадцать пять центов!

— Но мы были не такие дураки, чтобы отдать их по

такой цене, когда на месте, в Бостоне, они обошлись нам дороже.

— Еще бы! И что же вы с ними сделали?

— Сперва, мистер Тигг, мы были совсем убиты — и я и мой компаньон — и не знали, что предпринять. Но я подумал хорошенько и нашел выход, сообразив, как нам получить за эти гвозди по пятьдесят центов за бушель.

— Как же это?

— Ты видел когда-нибудь башмачные гвозди?

— Я думаю! Разве не ими подбиты наши сапожищи, чтобы им пропасть!

— Вот-вот, только новые они бывают белее.

— Да, я, помню, видел один раз в Нью-Йорке целую бочку таких гвоздей.

— Их обычно держат в бочках. А на что, по-твоему, они похожи?

— Как сказать... Пожалуй, больше всего они напоминают овес. Да, овес, конечно.

— А если бы у них оба кончика были острые, они бы на него еще больше были похожи, а?

— Да, пожалуй.

— Так вот именно это и пришло мне тогда в голову.

— И что же вы сделали?

— Заострили вторые концы у всех гвоздей и продали их вместо овса!

Ирландец совсем онемел от удивления и несколько секунд молча глядел на янки, не зная, верить ему или это просто очередная шутка приятеля, который уже не раз водил его за нос.

Тот глядел на него с невозмутимой серьезностью, Картина была чрезвычайно комичная.

Нам стоило немалого труда не расхохотаться, глядя на эту пару, но желание услышать, что будет дальше, заставило нас сдержаться.

— Врешь! — выдохнул, наконец, ирландец.

— Я говорю чистую правду, Патрик. Понимаешь ли, в то время овес как раз продавался по пятьдесят центов за бушель, и это покрывало наши расходы и даже давало некоторую прибыль.

— Но как же вы умудрились заострить кончики всех гвоздей?

— Это было нетрудно. Я придумал специальную машину и быстро провернул их через нее. После этого я сам не мог отличить гвозди от овса.

— Да-а, теперь я понимаю. Вот это штука! Ха-ха-ха!

Ни Уингроув, ни я не могли больше сдерживаться, и наш дружный хохот ответил, как эхо, на смех ирландца.

С громким криком: «Индейцы!» — оба солдата вскочили на ноги и бросились в кусты, как испуганные кролики, побросав и вертелы и недоеденное мясо. В одну секунду они скрылись из виду, и я тут же пожалел о нашей неосторожности, боясь, что теперь нам не удастся их догнать. Но в этот критический момент мне пришлось в голову подать им наш старый мексиканский сигнал, и я с радостью услышал двойной отклик на него. Вскоре из листьев высунулись две курносые физиономии и послышались два удивленных возгласа:

— Да это капитан!

Долгих объяснений не потребовалось. Солдаты и не пытались скрывать, что они дезертировали, так как в мирное время дезертирство не считается таким уж страшным преступлением. В конце концов, это вообще было не наше дело, и я был только очень рад, что нашел попутчиков, в преданности которых мог не сомневаться. Силы нашего отряда удвоились, и особенно ценным приобретением был замечательный стрелок Верный Глаз. Теперь мы могли быстрее и свободнее двигаться вперед, вместо того чтобы тайком красться по ночам. Содержимое тачки можно было поделить на две части и навьючить на наших мулов, потому что к тому времени наши мешки с провизией наполовину опустели и животным нетрудно было нести этот новый груз. Тачку мы бросили в лесу на удивление какого-нибудь будущего краснокожего археолога из племени шайенов или арапахо,

Г л а в а XLVII

ГОРНЫЕ ПАРКИ

Мы продвигались теперь более уверенно, но все-таки не без предварительной разведки. Хотя наша четверка могла справиться с дюжиной индейцев, соблюдать осто-

рожность было необходимо, так как в этих местах рыскали военные отряды краснокожих. Река Арканзас берет свое начало именно в этой области Скалистых гор, известной под названием «Парки» и славящейся обилием дичи и пушного зверя.

Пожалуй, ни одна местность в мире не была ареной стольких приключений. Тут Скалистые горы расходятся несколькими отдельными хребтами, или сьеррами, над которыми вздымаются покрытые вечными снегами вершины Пайкс-Пик, Лонгс-Пик, и Ва-то-йа, или Камбрес Эспаньола. Между ними, окруженные голыми скалами или темными лесами, лежат вечнозеленые долины, орошаемые прозрачными потоками, защищенные от бурь и отрезанные от всего мира.

Здесь на речках строят свои плотины бобры, по лугам бродят стада бизонов, а в лесах пасутся бесчисленные лоси, антилопы и чернохвостые олени. На окрестных скалах можно порой увидеть горного барана. В ущельях встречается серый медведь — гризли, самый свирепый из американских хищников. Рыжая пума и бурая рососоха, крадучись, скользят по лесным опушкам, порой отнимая добычу у волков и койотов. А черные грифы, парящие в небе, дожидаются исхода этой схватки. Но и другие, более красивые птицы мелькают над этими долинами. То пролетит, сверкая блестящим оперением, дикий индюк, обещая охотнику лакомый ужин. То тетерев или его более крупный собрат глухарь вспорхнут у края тропы. Реки и озера тоже имеют своих обитателей: белогрудого и серого канадского гуся, уток разнообразных пород, глупых пеликанов, чаек, бакланов и благородных лебедей. В лесах звенит пение многочисленных пестрокрылых певцов, вряд ли известных даже орнитологам.

При всем этом прекрасные Скалистые горы — далеко не спокойная страна. В ней есть парки, но нет дворцов, есть плодородная земля, но ее некому обрабатывать, потому что днем ходить по ней опасно. Траппер осторожно крадется там вдоль ручья, боясь даже шептаться со своим спутником, и опасливо оглядывается, кладя новую приманку в капкан. Охотник неслышными шагами подходит по опушке, испуганно вздрагивая от собственного выстрела. Даже индейцы приходят сюда только больши-

ми огрядами, потому что земля эта никому не принадлежит, хотя на нее претендуют многие индейские племена. Это место охоты и войны, но там никто не живет. С севера туда приходят кроу и сиу, с юга — кайова, команчи, апачи, хикарилья, с востока — шайены, пауни и арапахо, а с запада стремятся в этот охотничий рай воинственные племена ютов и шошонов. Некоторые из этих племен дружат между собой, другие враждуют. Особенно сильна вражда между кроу и шошонами, пауни и команчами, ютами и арапахо. Юты и кроу относятся к белым дружески, а шайены, кайова и арапахо смертельно их ненавидят. Правда, и юты после частых стычек с охотниками и трапперами утратили к ним доверие и стали их врагами, тем более опасными, что они уже научились пользоваться огнестрельным оружием.

В то время, о котором я пишу, юты, по слухам, были довольно мирно настроены. Мормоны постарались сделать все, чтобы завоевать их дружбу, и поэтому по их территории можно было путешествовать спокойно, но зато дорога до нее была очень опасна.

Мы не были уверены, каким путем пойдет караван через Скалистые горы. За Большим лесом он мог выбрать одно из трех направлений. Южная дорога идет через горный хребет Ратон на Санта-Фе и в Новой Мексике она известна под названием «путь на Санта-Фе». Но если бы караван собирался идти в Санта-Фе, то, покинув форт Смит, он отправился бы вверх по реке Канейдиан, обогнув с севера плоскогорье Льяно Эстакадо, а потом в Калифорнию долиной реки Хила.

Вторая дорога — «дорога Чироки» — ведет от верховьев Арканзаса вдоль восточного склона Скалистых гор, через перевалы Шайени и Бриджерс в центральную долину Большого Бассейна. Я считал, что в это время года караван вряд ли изберет «дорогу Чироки». По всей вероятности, он направился по средней из трех дорог, а именно — от Арканзаса вверх по реке Уэрфано, через перевалы Робидо или Сангре-де-Кристо. Любым из них можно было спуститься в долину Рио-Гранде-дель-Норте, а оттуда через знаменитый перевал Кучетопо — Бизоньи ворота — выйти к верховьям Колорадо. Этот путь, давно известный трапперам и охотникам за бизонами,

только недавно стал дорогой к Тихому океану. Будучи самым прямым, он оказался наиболее удобным.

Интересовавший нас караван покинул Ван-Бюрен с намерением идти по этой дороге, но я знал, что простая случайность может заставить его выбрать другой путь. Но в любом случае дальнейшее путешествие было несомненно связано с большим риском. Нам предстояло идти через области, где белые и краснокожие встречаются только как враги, где стреляют без предупреждения, где, как ни дико это звучит, белые тоже скальпируют своих противников. Неудивительно поэтому, что мы стремились нагнать караван, пока он еще не вступил в опасные горные ущелья. Наши новые спутники сперва не очень охотно соглашались на это. Их тревожила встреча с конвоем. Но, когда мы объяснили им, какой опасностью грозит нам встреча с индейцами, они согласились на наш план с величайшей охотой, тем более что я обещал дать им другую одежду, прежде чем они предстанут перед солдатами конвоя.

Мы по-прежнему старались продвигаться под покровом ночи, иногда при свете луны, а днем лишь в том случае, если поблизости не было видно индейцев. Верхом мы ехали поочередно, но это не очень замедляло наше путешествие. Наши мулы доставляли нам мало хлопот, потому что они уже приучились сами следовать за лошадьми. Мы разжигали костер только где-нибудь в чаще леса или в глубине ущелья и гасили его, как только кончалась наша несложнаястряпня. Для такого маленького отряда, как наш, подобные предосторожности при путешествии по прериям были необходимы. Если бы мы и дальше поступали так же, нам, возможно, удалось бы избежать несчастья, о котором будет рассказано ниже.

Г л а в а XLVIII

БРОШЕННЫЙ БУКЕТ

Когда мы приблизились к устью реки Уэрфано, то, как и ожидали, увидели, что след каравана повернул вверх по ее долине. Мы проехали около семи миль от устья Уэрфано, через заросли ив и тополей, и добрались туда, где караван переправился на левый берег реки. С нашего

берега видно было место его ночевки. По-видимому, он ушел отсюда только этим утром — следы были совсем свежие, а костры еще дымились. Здесь реку можно было переехать вброд, и, сделав это, мы оказались в покинутом караваном лагере. С волнением бродил я среди дымившихся костров, стараясь угадать, у какого из них провела ночь моя Лилиен и о чем она думала. Может быть, она снова шептала нежные слова стихов? Как приятно было и мне повторять их! Давно уже я помнил их наизусть. «К тебе летят мои мечты...»

Но не все мои мысли были столь светлы. Любви всегда сопутствуют страдания, страхи и ревность. Как мог я надеяться, что один час, проведенный со мной, пробудил в сердце девушки чувство, способное длиться всю жизнь? Скорее всего, это было лишь легкое увлечение. Может быть, я уже забыт или меня вспоминают с улыбкой, а совсем не со вздохом? Хотя мы расстались совсем недавно, с тех пор произошло столько событий, что всякие воспоминания обо мне могли изгладиться из ее памяти. Она встретила столько новых людей, и разве не мог кто-нибудь из них завладеть ее сердцем? С караваном шли не только грубые скваттеры, но и образованные, можно даже сказать — светские люди, которым было отлично знакомо тонкое искусство ухаживания. А кроме того, в сопровождавшем караван конвое были офицеры. Их красивые мундиры и шпоры, а также обаяние власти делают их всегда и везде опасными для девичьих сердец.

Разве могли они не заметить такую очаровательную попутчицу, как Лилиен? Нет, конечно, нет! И она — как могла она остаться нечувствительной к их вниманию?

Вот почему я с грустным чувством бродил по оставленной стоянке. У опушки роши, в некотором отдалении от других костров, я обнаружил место, где накануне, очевидно, отдыхала какая-то семья. На эту мысль меня навели разбросанные цветы, которые, как мне казалось, говорили о присутствии женщины. Я подошел ближе. По краям поляны рос шиповник, а трава под деревьями пестрела голубыми лупинусами и алыми пеларгониями. У самых кустов на земле лежал букет, видимо очень тщательно подобранный. Я поднял и осмотрел его. Руки

у меня дрожали — даже этот пустяк показался мне частью какого-то хитрого плана. Цветы были очень красивые: по-видимому, их собрали в другом месте, так как поблизости таких я не видел. Кто-то, значит, не пожалел времени и труда, составляя этот букет. Кто именно, трудно было бы угадать, если бы не одно обстоятельство, которое я отметил не без горечи. Стебли цветов были обмотаны желтым шелковым шнуром. Я без труда узнал в нем шнурок из кисти от офицерского пояса. По-видимому, эту золотую нить выдернул из своего пояса какой-то драгун!

«Кому же и кем был подарен этот букет?» — размышлял я, мучимый тяжелыми подозрениями, не оставившими меня и после того, как я с досадой швырнул цветы на землю. Но одно соображение успокоило меня. Если букет и был преподнесен Лилиен, то она вряд ли очень дорожила им. Иначе почему бы он валялся здесь? Забыла ли она его или нарочно оставила, не имело значения. И то и другое предположение было мне равно приятно, а третьего объяснения быть не могло. Вскочив в седло, я уже в более бодром настроении поскакал дальше.

Г л а в а XLIX

НЕОЖИДАННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ

После находки букета мое желание догнать караван еще более возросло. Меня давно уже тревожил рассказ Верного Глаза о том, что большую часть каравана составляют не золотоискатели, направляющиеся в Калифорнию, а мормоны, которые собираются присоединиться к своим единоверцам, живущим у Соленого озера.

В караване находилась довольно большая группа «новообращенных», которых вез туда один из мормонских апостолов. Так, по крайней мере, утверждал Верный Глаз, но самого вождя он не видел и не знал, как его зовут. Может быть, это был Джошуа Стеббинс? Такое предположение меня очень беспокоило. До встречи с дезертирами я был уверен, что этот «святой» и его приятель скваттер стремятся в Калифорнию, хотя по временам с тревогой вспоминал слова Су-ва-ни. Теперь же я

пришел к убеждению, что Стеббинс был «лисой», сопровождающей стадо «гусей» в город мормонов. Неужели и скваттер поддался отвратительному обману и собрался вступить в их секту и поселиться на Соленом озере? В таком случае, его дочери грозила ужасная судьба — насильственный брак с каким-нибудь из мормонских старейшин.

Казалось бы, у меня было достаточно причин для того, чтобы торопиться, и все-таки теперь, подхлестываемый ревностью после находки букета, я был готов пустить своего коня вскачь, если бы наши лошади не нуждались в отдыхе. Мы ведь ехали всю ночь и все утро, и теперь и нам и животным нужна была передышка. Отыскав безопасное место вблизи от покинутого лагеря, мы развели костер и расположились вокруг него.

Мы знали, что караван еще не успел отойти далеко, так как время от времени до нас доносились ружейные выстрелы, раздававшиеся в дальнем конце долины. Это, очевидно, стреляли по какой-нибудь дичи охотники каравана, поскольку местность, где мы находились, изобиловала антилопами и лосями. Утром, проезжая через лес, мы видели целые стада этих животных на расстоянии ружейного выстрела. Даже теперь, когда мы сидели у костра, несколько красавиц антилоп появилось на лужайке совсем недалеко от нас. С любопытством посмотрев на наш лагерь, они через минуту скрылись в кустах. Молодой охотник не выдержал. Схватив ружье, он последовал за ними, пообещав нам вкусный завтрак вместо сухого бизоньего мяса, которое мы жарили.

Вскоре послышался выстрел, и вслед за тем Уингроув вышел из леса с убитой антилопой на плече. Когда он приблизился к костру, я сразу заметил, что он чем-то встревожен. Я спросил его, в чем дело, но он, не ответив, отвел меня в сторону и, в свою очередь, осведомился шепотом, не видел ли я кого-нибудь, пока его тут не было.

— Нет, — ответил я. — А почему вы об этом спрашиваете?

— Если бы это не было совершенно невозможно, я бы поклялся, что только что видел ее.

— Кого? — воскликнул я, вздрогнув, так как сейчас же подумал о Лилиен.

— Да эту проклятую индианку.

— Как, Су-ва-ни?

— Да.

— Не может быть, это не она!

— Я сам бы, наверное, так думал, но только эта краснокожая точь-в-точь она.

— Что же вы видели?

— Только я успел убить козу и собрался взвалить ее на плечо, как заметил, что в кустах промелькнула индианка — вылитая Су-ва-ни. Мне показалось, что она подошла с этой стороны, и я подумал, что вы тоже ее видели.

— А вы рассмотрели ее лицо?

— Нет, я видел только спину. Одета она так же, как Су-ва-ни, и сложением такая же. Провалиться мне на этом месте, если это не она или не ее призрак!

Я не мог поверить, что Уингроув действительно видел Су-ва-ни, но он упрямо твердил свое. Мы знали, что с караваном следуют какие-то индейцы, но трудно было предположить, чтобы среди них была Су-ва-ни. Вокруг нас в прериях тоже всюду были краснокожие, мы даже видели их следы в покинутом караваном лагере, и женщина, которую встретил Уингроув, могла быть одной из них. Так или иначе, ее появление говорило о том, что индейцы совсем близко и что нам следует быть особенно осторожными. Мы сейчас же погасили костер и удовольствовались куском полусырого бизоньего мяса, решив зажарить антилопу, когда отойдем подальше и отыщем более укромную «кухню». Забравшись в самую чашу, мы снова зажгли костер, поджарили грудинку антилопы и хорошо закусили. Потом, отдохнув часок, мы отправились в путь, твердо надеясь, что догоним караван еще до захода солнца.

Г л а в а L

ВВЕРХ ПО КАНЬОНУ

Скоро лес кончился. Дальше дорога шла по открытой равнине, на которой кое-где были разбросаны рощицы и небольшие группы деревьев. Мы осторожно двинулись вперед, стараясь держаться под их укрытием, и скоро

оказались у входа в один из каньонов Уэрфано. Там река стиснута отвесными скалистыми берегами, поднимающимися на головокружительную высоту. Обходя тесное, недоступное для повозок ущелье, дорога у входа в него круто сворачивает вправо и только через десять миль снова возвращается к реке. Я знал из отчета военно-топографического управления и о существовании этого объезда и о том, что он проходит по совершенно безлесному нагорью. Для нашего маленького отряда было слишком опасно ехать там днем. Если какие-нибудь враждебно настроенные индейцы рыскали вблизи каравана, мы неминуемо должны были попасться им на глаза и подвергнуться нападению. А то, что краснокожие бродят в этой местности, было ясно хотя бы по следам, оставленным ими в лагере каравана, не говоря уж о том, что видел утром Уингроув. У них могло и не быть враждебных намерений, но риск был слишком велик, и мы не решались пересечь открытое пространство днем. Нам оставалось либо переждать в лесу и двинуться дальше после захода солнца, либо сразу углубиться в каньон и попытаться пройти вдоль русла реки. Начиналась самая опасная часть пути, так как в этих местах часто кочуют воинственные индейские племена, совершающие отсюда набеги. Опасность увеличивалась близостью каравана, находившегося, по нашим расчетам, милях в десяти впереди нас. Для него самого риск был невелик, потому что даже без конвоя он был достаточно силен, чтобы отразить нападение индейцев. Но вслед за ним по всей вероятности, двигался какой-нибудь индейский отряд. Подобно волкам, преследующим стадо бизонов, он намечал себе в жертву не караван, а тех, кто мог случайно отстать от него.

Отсрочка еще на одну ночь приводила всех нас в уныние, а меня в особенности. Нам пришло в голову, что, пробравшись вверх по каньону, мы, может быть, увидим впереди караван. Эта надежда подбодрила нас, и мы без дальнейших колебаний вступили в каньон. Отвесные скалистые стены мрачной расщелины уходили ввысь на несколько сот футов, небо вверху казалось узкой голубой полоской, а вокруг стоял глубокий сумрак. У наших ног редела и пенилась река, и тропа шла местами по воде.

Да, как мы скоро обнаружили, там вилась тропа и главное — тропа со свежими следами! Не так давно по ней прошел большой табун лошадей. Возможно, это был драгунский конвой или какие-нибудь всадники, отделившиеся от каравана. Вскоре, однако, мы убедились, что и то и другое предположение неверно. По четким следам на полосе ила мы установили одно обстоятельство: лошади были неподкованы. Значит, если кто-то ехал на них верхом, это были не белые, а индейцы. Впрочем, это могли быть дикие лошади. Ведь мы путешествовали в таких местах, где часто встречаются мустанги. Мы уже видели их табуны, правда издалека, так как это очень пугливые животные. Не было ничего невероятного в том, что один из них прошел через каньон. Правда, мустанги предпочитают равнины, но нередко заходят и в горы, карабкаясь по склонам не хуже серн.

Ехал ли кто-нибудь на этих лошадях — вот что необходимо было установить. Но каким образом? Это оказалось нетрудным: пересекая полосу ила, следы лошадей шли одной линией. Очевидно, животные двигались гуськом, чего мустанги никогда не делают. Не оставалось сомнений, что незадолго до нас по ущелью прошел большой отряд индейцев.

Перед нами встал вопрос: двигаться вперед или отступить? Остаться в ущелье, даже если бы там нашлось удобное для стоянки место, казалось опаснее всего, так как скрыться там ни нам, ни лошадям было негде. Индейцы могли вернуться, и мы очутились бы в ловушке.

Возвращаться назад было слишком обидно. Мы проехали почти половину каньона, не раз с опасностью для жизни переправлялись через поток, карабкались по обломкам скал, рискуя сломать шею себе и лошадям. Нет, лучше ехать вперед, решили мы, рассчитывая, что индейцы успели к этому времени выбраться из каньона. В этом случае можно было продолжать путь без особого риска.

Надежда нас не обманула. Мы миновали каньон, так и не встретив никаких признаков присутствия индейцев, кроме следов их лошадей. Изредка, правда, мы слышали звуки, вселявшие в нас некоторое опасение. Это, как и утром, были выстрелы, но теперь они раздавались не по-

одиночке, а залпами. Они доносились со стороны верхней долины. Шум потока заглушал их, и мы, возможно, вообще не обратили бы на них внимания или решили бы, что охотники стреляют по стаду бизонов, приблизившемуся к каравану. Но из-за присутствия индейцев, о котором нам уже было известно, такое предположение отпадало.

Продолжая соблюдать осторожность, мы задержались перед выходом из каньона, и мы с Уингроувом прокрались вперед на разведку. Взобравшись на высокий уступ, мы смогли окинуть взглядом всю расстилавшуюся перед нами долину. И тут наши надежды вспыхнули с новой силой — мы увидели караван.

Г л а в а L I

ОДИНОКИЙ ХОЛМ

Нашим глазам открылся замечательно красивый ландшафт. Я видел его впервые, но сразу узнал по рассказам трапперов и описаниям, которые мне приходилось читать. Местность обладала редким своеобразием и прелестью. Особенно бросался в глаза обрывистый холм, поднимавшийся как раз посредине долины. Ошибиться было нельзя. Перед нами высился Одинокий холм — это была долина Уэрфано, равнина, ограниченная с двух сторон отвесными скалами. Ширина ее достигает пяти-шести миль, но примерно в десяти милях от того места, где мы стояли, стены скал сближаются и как будто совсем смыкаются. Но это только кажется. На самом деле за холмом лежит другой каньон. Сама долина очаровательна. Ее ровная, как бильярдный стол, поверхность сплошь поросла ярко-изумрудной травой. Это однообразие нарушается кучами тополей, листва которых чуть темнее, и зарослями еще более темного ломоноса, шиповника и ивняка. Кажется, что эти рощицы распланированы умелым садовником, а красота светлых вод Уэрфано превосходит любые искусственные каскады.

Холм, возвышающийся среди равнины почти на двести футов, кажется постройкой каких-то сказочных великанов. Это огромная пирамида, сложенная из гранитных

глыб, черных, как уголь, вследствие примеси железной руды. Склоны ее на две трети поросли темно-зелеными кедрами, а над ними громоздятся голые скалы, переходящие в усеченную вершину. Вокруг всего подножия холма лежат огромные камни, скатившиеся вниз под натиском дождя и ветра.

Это единственная возвышенность на равнине. Только виднеющиеся вдаль утесы могут сравниться с ней по высоте. Но в этом их единственное сходство, так как утесы сложены из песчаника, а Одинокий холм — из гранита. Таким образом, даже с геологической точки зрения он стоит особняком от окружающего мира и вдвойне заслуживает свое название.

Достойна этой картины и ее рама: красный песчаник утесов и темная зелень можжевельника на их вершинах. Вдали можно различить более строгие очертания большого горного хребта, увенчанного двойной вершиной Вато-йа, и над всем этим господствует уходящий в небо Пайкс-Пик. Все эти вершины, сверкающие под полуденным солнцем, и темно-синее небо над ними образуют панораму, по торжественному величию не знающую себе равной на земле.

Мы, пожалуй, долго любовались бы ею, если бы наше внимание не отвлекло маленькое белое пятно в дальнем конце долины. Вокруг него виднелись какие-то темные фигуры. Мы догадались: белое пятно — это парусиновый верх фургона, а темные фигуры возле него — люди. Вероятно, это был фургон, замыкавший караван, так как других не было видно. Мы решили, что они уже скрылись в следующем каньоне. Мы не стали разглядывать, движется ли этот фургон или стоит на месте. Караван был виден — и мы думали только о том, чтобы скорее догнать его.

Позвав своих спутников, мы снова сели на лошадей и выехали в долину, не соблюдая больше никакой осторожности, уверенные, что часа через два нагоним караван и что около него индейцы не посмеют на нас напасть. Мы решили ехать прямо к фургону, нигде больше не останавливаясь.

Впрочем, оказалось, что одна остановка необходима. Я ведь обещал своим бывшим солдатам снабдить их

гражданской одеждой, прежде чем они встретятся с конвоем. Мы решили заняться этим переодеванием у подножия холма, который находился как раз на нашем пути. Меня радовало, что фургон был по-прежнему виден, то ли не успев доехать до ущелья, то ли остановившись для какой-нибудь починки. Пока Уингроув доставал из мешков одежду, я соскочил с лошади и взобрался на холм. Сделать это было не трудно, потому что, как ни странно, через вершину Одинокого холма проложена тропа. Мне показалось удивительным, что на ней не было обломков гранита, покрывавших склоны в других местах. По ее сторонам громоздились огромные скалы. Вершина холма представляла собой площадку длиной в сорок футов и шириной в двадцать, прорезанную в нескольких местах трещинами. Добраться до нее можно было только по тропе. Каменные осыпи и заросли можжевельника делали крутые склоны совершенно неприступными. У меня не было времени размышлять о своеобразии этого холма. Добравшись до вершины, я навел на долину мою подзорную трубу и тут же чуть не выронил ее из рук при виде представившейся мне картины. Весь фургон вплоть до колес был ясно виден, так же как и темные фигуры вокруг него. Из них одни были верхом, другие пешие, а несколько человек лежали неподвижно, распростертые на траве. Кто были последние, я догадался не сразу, но остальных узнал с первого взгляда. Бронзовая кожа обнаженных до пояса тел, длинные волосы, украшения из перьев и развевающаяся одежда — все это могло означать только одно: фургон был окружен индейцами. Но кто же лежит на земле? Неужели его владельцы? Моя страшная догадка тотчас же подтвердилась. Я увидел, что один из трупов, лежащий головой в мою сторону, оскальпирован.

Г л а в а III

ПОСТРОЙКА УКРЕПЛЕНИЯ

Я смотрел в трубу значительно меньше времени, чем требуется, чтобы рассказать об этом. Едва я понял, что передо мной индейцы, как поспешно прыгнул со скалы и спрятался за нею. Теперь из-за камня виднелась

лишь моя голова и подзорная труба, направленная на долину.

Я продолжал наблюдение. Остальные убитые тоже были белые и, по-видимому, тоже оскальпированы.

Картина говорила сама за себя.

Остановленный фургон с выпряженными лошадьми, из которых две, убитые, лежали под дышлом, толпа индейцев вокруг, трупы на земле, ящики и тюки, разбросанные по траве, — все это указывало на то, что здесь недавно произошла горячая схватка.

Теперь мне стало ясно, что мы действительно слышали залпы, когда ехали вверх по каньону. Индейцы напали на караван или, что более вероятно, на один далеко отставший фургон. Но кто стрелял — конвой или переселенцы?

По-видимому, среди убитых были также индейцы: в стороне я заметил несколько расprostертых тел, около которых кучками стояли победители, и догадался, что это были трупы краснокожих.

Куда же делись остальные фургоны? Ведь их было пятьдесят, а здесь я видел лишь один. Не верилось, что индейцы могли захватить весь караван. Если же это случилось, он, вероятно, погиб в верхнем каньоне. Какая же ужасающая резня произошла там! Но нет, этого быть не могло: около фургона было не меньше двухсот индейцев, а их военные отряды редко бывают больше. Если бы индейцы захватили другие фургоны, они бы не толпились около одного. По всей вероятности, эта повозка далеко отстала от остальных; часть лошадей, которые везли ее, была убита во время перестрелки, и она попала в руки торжествующего врага.

Все эти мысли мгновенно пронеслись в моей голове. Среди них была одна особенно тревожная: кому принадлежал покинутый фургон? Со страхом и волнением, напрягая глаза до боли, разглядывал я в подзорную трубу место битвы. Я внимательно осмотрел всю долину, сам фургон, группы индейцев и разбросанные по равнине трупы. Благодарение богу! Все, как живые, так и мертвые, были мужчины с черными, каштановыми или рыжими волосами.

Мое обследование, занявшее не более десяти секунд,

было прервано внезапным движением среди дикарей. Те, что сидели на лошадях, вдруг отделились от остальных, и поскакали по направлению к Одинокому холму. Понять их намерение было нетрудно: когда я неосторожно стал на вершине холма, индейцы заметили меня. Я горько пожалел о своей опрометчивости, но предаваться раскаянию не было времени. Надо было действовать — быстро и хладнокровно.

Я не крикнул товарищам о надвигающейся опасности: и остался на вершине холма. Я хотел избежать смятения, которое несомненно последовало бы за таким неожиданным сообщением, и спокойно обдумать план действий.

Индейцы находились на расстоянии пяти миль от холма. Им требовалось порядочно времени, чтобы доскакать до него, и я мог потратить две-три минуты на размышление.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я спокойно описываю мысли, следовавшие тогда одна за другой с молниеносной быстротой. Но в ту минуту страх мешал мне рассуждать хладнокровно. Я сразу понял, что наше положение не просто опасно, но безнадежно. Сперва я подумал о бегстве. Я хотел бросить всю поклажу, посадить солдат на мулов и скакать назад в каньон.

План был бы неплох, если бы его можно было выполнить. Однако ущелье находилось слишком далеко, и мулы не выдержали бы такой скачки. Но, даже если бы мы все четверо и добрались до каньона, вряд ли нам удалось бы спастись. В течение какого-то времени можно было защищаться в его теснине, но добраться до выхода мы не смогли бы. Несомненно, часть индейцев поскакала бы в обход и перехватила бы нас там. опередить их и доскакать до леса, находившегося по ту сторону ущелья, мы не смогли бы, так как путь по каньону был очень труден. Поэтому пытаться бежать не имело никакого смысла. Я понял, что нам остается лишь защищаться. Шансов на успех было мало, но другого выхода я не видел. Нам оставалось или сражаться, или погибнуть без сопротивления. От такого врага мы не могли ожидать пощады.

Но где нам защищаться? На вершине холма? Ничего более удачного мы выбрать не могли. Как я уже говорил, вершина представляла собой небольшую площадку,

на которой хватило места для всех нас. Нам достаточно было пригнуться или лечь, чтобы укрыться от стрел индейцев. Кроме того, ружья держали бы противника на почтительном расстоянии от подножия холма. Этот план созрел в моей голове мгновенно, и я, тут же спустившись к своим спутникам, сообщил им о приближении индейцев.

Мои слова вызвали лишь удивление и досаду, но никакого замешательства, а тем более паники. Опытным, закаленным в боях солдатам не раз приходилось бывать под огнем неприятеля, и молодого охотника тоже нелегко было испугать. Все трое сосредоточенно и хладнокровно выслушали мои поспешные объяснения и сразу же согласились на мой план, так как видели, что другого выхода у нас нет. И снова я поднялся на вершину холма, но на этот раз в сопровождении трех моих товарищей. Каждый нес порядочный груз. Кроме ружей, пуль и пороха, мы тащили седла и вьюки, а также одеяла и бизоньи шкуры. Не ценность этих предметов побудила нас, не щадя сил, тащить эту ношу на вершину холма — мы собирались с ее помощью перегородить тропу у вершины. У нас осталось время для второго путешествия, и мы, оставив груз наверху, снова бросились вниз. Каждый поспешно хватал то, что попадало под руку: солдатские ранцы, саквояжи, разрубленную тушу недавно убитой антилопы и знаменитый мешок с мукой — словом, все, что могло помочь нам соорудить баррикаду.

Лошадей и мулов мы оставили у подножия холма. Брать их с собой на вершину было не только бесполезно, но и опасно, так как они являлись хорошей мишенью для стрел индейцев. Мы решили, что правильнее всего оставить животных внизу. Дерево, к ветвям которого они были привязаны, находилось в пределах досягаемости наших ружей. Поэтому мы могли оберегать их от индейцев до захода солнца.

Казалось бы, защищать лошадей и мулов не имело смысла, потому что ночью индейцы могли легко ими завладеть. И все же, оставляя их там, мы руководствовались известными соображениями, тоже рассчитывая на темноту. Если бы нам удалось продержаться до наступления ночи, мы могли бы попробовать ускакать. Поэтому

нам нужно было во что бы то ни стало отстоять наших животных от индейцев.

У меня нашлось лишь несколько секунд, чтобы попрощаться с моим славным скакуном, погладить изогнутую шею и прижаться губами к бархатной морде. Отважный конь! Испытанный и верный друг! Я готов был плакать, расставаясь с ним. Он отвечал на ласки тихим, жалобным ржанием, словно чувствуя опасность. Вдруг конь громко фыркнул, глаза его засверкали, ноздри раздулись: он услышал топот копыт и почуял врага. Я тоже услышал этот звук и бросился вверх по склону.

Мои спутники были уже на вершине и поспешно сооружали баррикаду. Присоединившись к ним, я тоже принялся за работу.

Наши вещи оказались весьма пригодными для такой цели. Они были достаточно легки и настолько плотны, что их не могли пробить ни пули, ни стрелы.

Когда индейцы приблизились, баррикада была закончена, и мы, притаившись за ней, ожидали их приближения.

Г л а в а LIII

БОЕВОЙ КЛИЧ

Оглушительный боевой клич «ха-улу-у-у», вырвавшийся из сотни глоток, многократным эхом отдался в долине. От этого вопля могло дрогнуть самое мужественное сердце. В нем звучала не просто вражда к бледнолицым, но и жажда мести. Индейцы угрожающе жестикулировали, размахивали копьями и дубинками, натягивали луки. Пролилась кровь — возможно, кровь их лучших воинов, — и взамен они жаждали нашей крови. Мы видели, что пощады не будет.

Правда, мы знали, что непосредственная опасность нам не угрожает. Это убеждение основывалось на опыте. Мне не раз приходилось встречаться с индейцами на юге, но я знал, что и на севере их тактика та же. Ошибочно полагать, что краснокожие бросаются в бой очертя голову. Они переходят в наступление, только если уверены в победе. В остальных случаях они довольно осторожны, особенно при встрече с белыми трапперами и даже с пу-

тешественниками, вступающими на территорию прерий с востока.

Индейцы боятся длинного охотничьего ружья. Только когда не удастся военная хитрость или положение становится безвыходным, краснокожий воин идет в открытую атаку. Даже надежда на добычу не соблазнит самого отважного из них приблизиться на расстояние ружейного выстрела, так как он по опыту знает, что это несет смерть.

По всей вероятности, индейцы напали на караван, чтобы ограбить его, и жертвами их были те несчастные, которые, будучи уверены в своей безопасности, отстали от него. Они пали все до единого после отчаянного сопротивления, о чем свидетельствовали лежавшие возле них на траве трупы индейцев. Хотя нападающие и одержали победу, они понесли большие потери, вот почему, бросаясь на нас, они издавали угрожающие крики. Но, не смотря на это, я не боялся, что они тотчас же атакуют наш холм или хотя бы приблизятся к нему. Наши ружья простреливали пространство вокруг него на пятьдесят ярдов, и первый переступивший эту черту вряд ли остался бы в живых.

— Целься точнее! — скомандовал я. — Стрелять только наверняка!

В меткости моих товарищей я был вполне уверен. Верный Глаз недаром получил это прозвище, а как стреляет молодой охотник, я видел сам. Лишь наш ирландец вызывал некоторое сомнение. Точности его прицела мешала излишняя горячность, но зато в его храбрости можно было не сомневаться.

Едва я отдал этот приказ, как появились скакавшие галопом индейцы. Их вопли стали еще яростнее. Чтобы услышать друг друга, нам приходилось кричать изо всех сил. Правда, много говорить не приходилось: время для разговоров кончилось, — пора было действовать. Лица, руки и обнаженные до пояса тела приближавшихся индейцев были устрещающе раскрашены. Все громче и громче слышался боевой клич «ха-улу-у-у». Индейцы размахивали оружием, колотили дубинками и копьями о свои обтянутые бизоньей кожей щиты, производя оглушающий шум.

Краснокожие находились уже в сотне ярдов от холма. На мгновение мы растерялись. Если они прямо кинутся в атаку, нас ждет гибель. Конечно, нам удалось бы убить первых нападающих, но ведь на каждого из нас приходилось по двадцати врагов. Мы понимали, что в рукопашной схватке сразу будем либо убиты, либо взяты в плен.

— Не стреляйте! — закричал я, видя, что мои товарищи целятся. — Погодите! Стрелять будем по двое, но еще не время. Ага! Я так и думал!

Как я и ожидал, исступленная толпа внезапно остановилась, и те, что находились впереди, так резко осадили коней, как будто перед ними разверзлась пропасть. Они сделали это вовремя: еще пять шагов — и по крайней мере двое из них были бы выбиты из седла. Мы с Верным Глазом наметили по жертве и условились о сигнале, чтобы выстрелить одновременно. Но индейцы заметили выглядывавшие из-за баррикады дула наших ружей, и этого оказалось достаточно. Верные своей обычной тактике, они не сделали больше ни шагу.

Г л а в а L I V

КРОВАВАЯ РУКА

На мгновение вопли умолкли. Всадники, скакавшие сзади, подъехали к передним, и весь отряд столпился на расстоянии менее двухсот ярдов от холма. Индейцы о чем-то возбужденно переговаривались на незнакомом нам языке, но это уже не был прежний страшный боевой клич. По временам молодые воины, хвастаясь своей удалью, пронеслись галопом у самого подножия холма, размахивали оружием, стреляли из луков и угрожающе кричали. Однако все они благоразумно держались вне досягаемости наших ружей. Мы заметили, что у индейцев было около дюжины ружей и мушкетов, но, по-видимому, незаряженных. Несколько всадников спешили, чтобы их зарядить. Очевидно, индейцы собирались стрелять, но, глядя на то, как неуклюже они обращаются с огнестрельным оружием, мы поняли, что можем не опасаться пуль, так же как и не долетавших до нас стрел.

Несколько всадников — судя по их головным уборам из перьев, вожди, — отъехали в сторону и, по-видимому, совещались. Теперь мы могли как следует рассмотреть наших врагов. Они были так близко от нас, что даже без подзорной трубы я хорошо различал их лица. Я внимательно вглядывался в индейцев, пытаюсь определить, к какому племени они принадлежат, опасаясь, не арапахо ли это, от которых белым нечего ждать пощады.

На одном из щитов я увидел изображение окровавленной руки. Страшное подозрение закралось мне в душу — я вспомнил рассказы трапперов об ужасном вожде арапахо, по прозвищу «Кровавая Рука». Внешность его подтверждала мои опасения. Это был высокий сгорбленный старик с лицом, изуродованным многочисленными шрамами, и со сверкающими, как угли, глубоко запавшими глазами. Все совпадало с описанием Кровавой Руки. Безусловно, это был он. Итак, на нас напали арапахо во главе с жестоким Кровавой Рукой.

В течение некоторого времени вожди продолжали совещаться, по-видимому придумывая какую-то хитрость. Мы с трепетом ожидали результата их разговора. Я сказал моим товарищам, кто были, по моему мнению, наши враги, и предупредил их, что, если мое предположение правильно, нам нечего ждать пощады. Совещание вождей закончилось, и Кровавая Рука направился в нашу сторону. Отъехав на несколько шагов от остальных, вождь остановился. Он умышленно поднял вверх свой щит так, чтобы его выпуклость была обращена к нам, но не для защиты, а чтобы показать нам изображенную на нем эмблему. Кровавая Рука знал, какой ужас вселяло одно его имя!

Но гораздо страшнее было то, что он держал в другой руке. На конце длинного, высоко поднятого копья висело шесть только что снятых скальпов. Это явно были скальпы, принадлежавшие белым и снятые с убитых погонщиков или переселенцев, напрасно пытавшихся защитить фургон. Мы все, особенно я, смотрели на них с трепетом, боясь опознать эти жуткие трофеи.

И у меня вырвался вздох облегчения, когда среди них не оказалось того, который я так страшился увидеть.

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

— Говоришь по-кастильски? — крикнул вождь дикарей на ломаном испанском языке.

Я не удивился, услышав испанскую речь из уст индейца. Многие из них перенимают его у мексиканских торговцев или у своих пленных.

— Да! Чего хочет от нас воин с кровавой рукой на щите?

— Бледнолицый, должно быть, чужой в этой стране, если задает такой вопрос! Чего хочет Кровавая Рука? Скальпы бледнолицых и их жизни!

Индеец произнес это торжествующим тоном и презрительно расхохотался. Очевидно, он считал свою кровожадную жестокость доблестью и гордился тем, что его имя вызывает ужас. Было совершенно очевидно, что вести с ними переговоры бесполезно. Но, как известно, утопающий хватается за соломинку.

— Арапахо! Мы тебе не враги! Зачем тебе отнимать у нас жизнь? Мы мирные путешественники и не хотим ссориться с нашими краснокожими братьями!

— Краснокожими братьями? Ха-ха-ха! У тебя язык змеи, а сердце зайца! Гордый арапахо тебе не брат. Для Кровавой Руки все белые — враги! Вот, полюбуйся на их скальпы на его щите. А здесь, на копье, еще шесть свежих, но скоро будет десять. Не зайдет солнце, как скальпы четырех презренных бледнолицых, укрывшихся здесь на горе, повиснут на копьях арапахо!

Возразить на это было нечего, и я промолчал.

— Эй, собаки! — злобно продолжал индеец. — Спускайтесь все сюда и отдайте оружие!

— Может быть, и скальпы тоже? — проворчал Верный Глаз. — Ну нет! Я его так дешево не отдам! Слушай, ты, красная перчатка! — продолжал он громче, слегка высунувшись из-за камня. — Посмотри, какие у меня волосы! Что за цвет — на редкость! Как раз для украшения твоего щита! Только, если тебе нужен мой скальп, тебе придется самому подняться за ним сюда!

— Ак! — воскликнул индеец, нетерпеливо взмахнув рукой. — Презренный желтоволосый не стоит слов вож-

дя, а скальп его не годится для щита воина. Мы отдадим его нашим собакам или выбросим волкам прерий!

— Мне все равно, что ты с ним сделаешь, когда он окажется у тебя. Но разве тебе не хочется его получить?

— Ак! Кровавой Руке надоел этот разговор. Выслушай мое последнее слово, вождь бледнолицых! Спускайтесь вниз и отдайте нам ваши ружья. Кровавая Рука пощадит ваши жизни. Если же вы вздумаете сопротивляться, он прикажет пытать вас огнем, а потом его воины живо срежут мясо с ваших костей. Не одна, а сто смертей ждут вас, и Великий Дух племени арапахо улыбнется при виде такой жертвы!

— А если мы не станем сопротивляться?

— Тогда останетесь в живых. Кровавая Рука ручается вам в этом честью воина!

— Честью воина! — воскликнул Верный Глаз. — Скажешь лучше — честью разбойника! Ему хочется захватить нас в плен и содрать наши скальпы без боя. Можете мне поверить, капитан, эта краснокожая лисица только того и добивается!

— Зачем же Кровавой Руке сохранять нам жизнь? — удивленно спросил я. — Разве не сказал он только сейчас, что все бледнолицые ему враги?

— Да, это так. Но они могут стать друзьями. Кровавая Рука задумал одно дело, для которого они пригодятся как помощники.

— Не может ли Кровавая Рука открыть нам свой замысел?

— Охотно. Его храбрые воины захватили много ружей, но не знают, как обращаться с ними. Белые охотники научили этому наших врагов ютов, от пуль которых теперь редееют ряды арапахо. Если бледнолицый вождь и три его спутника согласятся остаться в отряде Кровавой Руки и научат его воинов великому волшебству стрельбы из ружей, им будет дарована жизнь. Кровавая Рука окружит почетом молодого военачальника и Белого Орла лесов.

«Военачальника? Белого Орла? Откуда он знает?»

— Но, если вы не покоритесь, — продолжал индеец, прерывая мои размышления, — Кровавая Рука сдержит



Лошадь Кровавой Руки билась на траве, а сам он стоял рядом.

свое слово. Вам не спастись! Вас всего четверо, а воинов арапахо так же много, как деревьев в Большом лесу. И каждый из них, убитый вашим оружием, будет жестоко отомщен!

— Клянусь богом, капитан, — воскликнул О'Тигг, который не знал испанского языка, — этому индейцу надо всадить в грудь хороший кусок свинца! Я думаю, это можно сделать из моего мушкета — он принадлежал сержанту Джонсону и считался у нас в форте самым дальнобойным ружьем. Не попробовать ли? Скажите только слово!

Удивленный последними словами вождя арапахо, я не обратил внимания на то, что сказал ирландец. Уингроув тоже не знал испанского языка. Повернувшись к нему, я стал переводить речь индейца, но не успел произнести и двух слов, как громкий выстрел из мушкета заглушил все звуки, и синий дым, окутавший площадку, скрыл нас друг от друга. Излишне объяснять, что это выстрелил ирландец, приняв мое молчание за знак согласия. Из дымовой завесы слышался его восторженный крик:

— Ура! Я сбил его! Честное слово, сбил! Я знал, что этот мушкет не подведет. Ура!

Эхо выстрела смешалось с дикими мстительными криками, донесшимися из долины. Дым через минуту рассеялся, и мы снова увидели индейцев. Лошадь Кривой Руки билась на траве в предсмертных судорогах, а сам он стоял рядом, выпрямившись во весь рост и по-прежнему держа в руках щит и копье.

— Здорово! Вот замечательный выстрел! Правда, капитан?

— За этот выстрел нам, возможно, придется поплатиться скальпами, — ответил я.

Мне было ясно, что ни о каком мирном соглашении больше не могло быть и речи, даже если бы мы пообещали превратить в метких стрелков всех воинов отряда.

— Ха-ха-ха! — донесся злобный хохот арапахо. — Смерть бледнолицым предателям!

Потрясая над головой кулаком, вождь индейцев скрылся в толпе своих воинов.

ПОПЫТКА УГНАТЬ ЛОШАДЕИ

Напрасно мы пытались возобновить прерванные переговоры. Те дружелюбные намерения по отношению к нам, которые, возможно, и были у Кровавой Руки, сменились самой страшной враждой. Молча хмурясь, он стоял среди своих воинов, не устаивая нас ни единым словом. Другие вожди тоже не снисходили до ответа на наши оклики, и лишь рядовые воины выкрикивали оскорбления, угрожающе размахивая копьями. Нам пришлось отказаться от надежды на благополучный исход этой встречи.

Был ли индейский вождь искренен, делая нам свое предложение, или хитрил, чтобы заполучить наши скальпы без боя, мы в то время решить не могли. Возможно, он не собирался нас обманывать, но, с другой стороны, мне приходилось слышать, что он уже не раз прибегал к подобным уловкам. Но нам некогда было ломать над этим голову, так же как и над вопросом, откуда вождь арапах узнал, кто мы такие. Почему он назвал нас «Белым Орлом лесов» и «молодым военачальником»? Правда, он мог заметить мой мундир. Но прозвище молодого охотника? Оно было настолько необычно, что Кровавая Рука не мог употребить его случайно. Значит, он каким-то необъяснимым образом узнал, кто мы такие и каковы наши намерения. Нам невольно вспомнилась таинственная индианка, которую Уингроув видел утром в лесу. Но мы не имели возможности обсудить этот вопрос. У нас хватило времени только лишь для самых туманных предположений, потому что в эту минуту индейцы дали по нам залп из ружей, которые они наконец зарядили. Однако очень скоро мы поняли, что особенно бояться нам нечего, так как они не умели обращаться с огнестрельным оружием и ранить кого-нибудь из нас могла лишь шальная пуля.

Пожалуй, вождь действительно хотел, чтобы мы обучали стрельбе его воинов, потому что индейцы стреляли плохо и неумело. Но все же нам грозила некоторая опасность, ибо захваченные ими ружья — преимущественно старинные мушкеты большого калибра — били на дале-

кое расстояние. Мы слышали, как их пули целкали о скалы, и одна или две просвистели над нашими головами. Какая-нибудь из них могла случайно попасть в нас, и, чтобы избежать этого, мы, скорчившись, притаились за баррикадой, как если бы в нас целились самые искусные стрелки. Мы не отвечали на их огонь. О'Тиггу не терпелось выстрелить еще раз, но я категорически запретил ему это. После того как он попал в лошадь вождя, индейцы отступили за пределы досягаемости даже ружья сержанта.

От толпы нападающих отделились два отряда, которые поскакали вокруг холма в противоположных направлениях. Мы сразу поняли их цель. Они заметили наших лошадей и решили завладеть ими. Мы знали, как важно воспрепятствовать их намерениям. Если бы нам удалось отстоять лошадей до наступления темноты, мы могли попробовать спастись бегством. Наш план мог не удалиться из-за целого ряда непредвиденных случайностей, но вместе с тем так же неожиданно могли возникнуть и благоприятствующие обстоятельства. Надежда была невелика, но выбора у нас не было — иначе мы неминуемо попали бы в руки безжалостного врага.

Нас поддерживала мысль о том, что мы не первые попали в такое положение, и что многим нашим предшественникам удавалось спастись. Ведь не раз на маленький отряд отважных трапперов нападало целое индейское племя. Многие из них, конечно, погибали, но некоторые оставались в живых и впоследствии рассказывали об этом опасном приключении. Смелого человека убить не так-то просто. Отчаянное нападение часто оказывается лучшей защитой, и три или четыре ружья в искусных руках могут проложить путь сквозь целую толпу врагов.

Все наши помыслы были направлены на то, чтобы не позволить врагу завладеть лошадьми и мулами. Трое из нас следили за животными, а четвертый — за неприятелем у противоположного склона холма.

Среди скал опять раздались дикие вопли, и индейские всадники галопом поскакали вокруг холма, стуча по щитам и размахивая оружием. Они проделывали это для того, чтобы напугать наших животных и заставить их сорваться с привязи. Но маневр краснокожих не достиг

цели. Мулы становились на дыбы, лошади ржали и били копытами, однако длинные ветви, к которым они были привязаны, только гнулись, но не ломались. Действуя как пружины, они давали полную свободу движения перепуганным животным. Поводья не лопнули, ни одно лас-со не порвалось, ни одна петля не соскользнула! Первая попытка завладеть нашими лошадьми окончилась неудачей. Краснокожие всадники снова и снова повторяли свои попытки, но столь же безрезультатно.

Однако арапахо придвигались все ближе. Они носились вокруг холма, описывая все более тесные круги. Приближаясь к нам, всадники мгновенно прятались за лошадей — мы видели лишь руку, державшуюся за гриву, и ногу на крупе лошади. Стрелять в них не имело смысла. Мы, конечно, могли попасть в лошадь, но всадники были в полной безопасности. Иногда медно-красная физиономия мелькала среди развевающейся лошадиной гривы, но скрывалась прежде, чем мы успевали в нее прицелиться. Эта безумная скачка продолжалась довольно долго, причем индейцы все время пронзительно кричали, словно уже дрались врукопашную.

Мы были слишком осторожны, чтобы тратить заряды на лошадей, и берегали их для какого-нибудь всадника, более опрометчивого, чем другие. Вскоре нам представился удобный случай.

Два воина решили во что бы то ни стало захватить наших лошадей. С ножами в руках они понеслись вокруг холма, очевидно намереваясь перерезать поводья и лас-со. Подбадриваемые выкриками своих товарищей, они забыли об осторожности и повернули прямо к дереву, у которого, тесно прижавшись друг к другу, стояли наши животные. Но, когда они подскакали почти вплотную к дереву, один из мулов быстро повернулся и лягнул приближающуюся лошадь в морду. Та кинулась обратно. Вторая лошадь последовала за ней, и оба всадника попали под наш прицел. Они попытались перебраться через спины своих лошадей, но наши пули опередили их. Когда дым рассеялся, мы увидели, что оба индейца лежат неподвижно на траве. Наши выстрелы оказались для них роковыми.

Урок этот на время охладил воинственный пыл ин-

дейцев. Напуганные судьбой своих товарищей, они с криками и угрозами отошли за пределы досягаемости наших ружей. Очевидно, среди них не нашлось больше смельчаков, желающих рискнуть жизнью ради славы.

Глава LVII

УЯЗВИМОЕ МЕСТО ОБОРОНЫ

Индейцы некоторое время продолжали свою скачку вокруг холма. То один, то другой вдруг подъезжал ближе, укрываясь за лошадью, так что его совсем не было видно. Это проделывали молодые воины, очевидно чтобы похвастаться своей смелостью и искусством верховой езды. Пока они не приближались к нашим лошадям, мы не обращали на них внимания. Иногда над гривой лошади показывалась размалеванная физиономия, и мне приходилось удерживать моих товарищей от выстрела по этой соблазнительной мишени. Ведь в случае промаха мы уронили бы себя в глазах врагов, тогда как нам совершенно необходимо было поддерживать в них уверенность в неизменной смертоносности огнестрельного оружия.

Скоро мы заметили перемену в их тактике. Скачка прекратилась. Всадники разбились на небольшие группы и окружили холм. Большинство сошло с лошадей, и только несколько человек продолжали разъезжать от группы к группе. На таком расстоянии мы не могли попасть в индейцев из наших ружей, разве только из мушкета, однако они продолжали старательно укрываться за лошадьми.

Сначала нам казалось, что они заняли эту позицию, желая отрезать нам пути к отступлению, но скоро мы поняли, что ошиблись. Спуститься на равнину можно было только в двух местах — по противоположным склонам холма, — значит, окружать его было бессмысленно, так как индейцы легко могли задержать нас и без этого.

План их стал ясен. Они распределили между собой имевшиеся у них мушкеты по три-четыре на группу и открыли безостановочную пальбу сразу со всех сторон, что сделало наше положение довольно серьезным. Баррикада защищала нас только с одной стороны, и, имея

мы дело с хорошими стрелками, нам грозила бы неминуемая гибель. Нам пришлось отступить к центру площадки, чтобы края ее несколько укрыли нас. Пули время от времени ударялись о скалы, осыпая нас градом каменных осколков, но ни разу никого не задев. Тем не менее мы сознавали, что в нашей обороне есть уязвимое место, и это нас сильно беспокоило. Дело в том, что вокруг всего холма лежало много оторвавшихся от него гранитных глыб, за которыми можно было спрятаться от пуль. Другие такие же глыбы были разбросаны по склонам и являлись удобной защитой для нападавших, если бы они вздумали взять нас приступом. Индейцы могли спрятаться и в густой зелени росшего там можжевельника. Он покрывал холм до половины высоты совершенно непроницаемой для глаз порослью. Хотя, кроме ранее упомянутой тропы, другого пути к вершине не было, такие ловкие противники, как наши, могли незаметно вскарабкаться прямо по склону. Мы не понимали, почему это не пришло им в голову. Ведь стоило всадникам смелым броском подскочить к холму, оставить у подножия лошадей и ринуться на скалы, и они без всякого риска добрались бы к нам под прикрытием камней и деревьев. Мы бы не осмелились выйти им навстречу на край площадки, подставив себя таким образом под выстрелы, да и туча стрел, пущенных индейцами, принесла бы нам верную гибель. В то же время, стоя на месте, мы оказывались целиком во власти тех, кто вздумал бы взобраться по скалам. Человек сорок индейцев, подкравшись одновременно со всех сторон, одолели бы нас очень быстро. Удивленные, почему индейцы не понимают преимущества такой атаки, мы было решили, что эта мысль так и не придет им в голову. Однако скоро нам стало ясно, что мы недооценили хитрость наших врагов. Индейцы вдруг снова вскочили на коней, и Кровавая Рука, стоявший на виду среди самой большой группы воинов, отдал им какое-то приказание. И тут повторилось то же, что происходило при попытке угнать наших лошадей. Но теперь в этом маневре участвовал весь отряд, не исключая вождей, скакавших вместе с остальными. Только стрелки не двинулись с места и продолжали стрелять, укрываясь за лошадьми.

Снова началась скачка вокруг холма, причем с каждым кругом индейцы всё приближались. Мы поняли, что это и был как раз тот план нападения, которого мы опасались. Судя по их жестикам, наши противники собирались идти на приступ. Мы подползли к баррикаде и направили ружья на кружившихся всадников, не обращая больше внимания на стрельбу снизу. Все мы были очень возбуждены, и я снова напомнил своим товарищам, что стрелять можно только наверняка — ведь от первых выстрелов зависели успех или поражение. Если бы нам удалось сбить двух или трех индейцев, это могло бы задержать, а может быть, и отбросить нападающих. Зато промах решил бы нашу судьбу бесповоротно. Самая отчаянная попытка пробиться была бы бесполезна, так как наших лошадей угнали бы раньше, чем мы добрались бы до них. Пешком спастись было невозможно: индейцы сразу настигли бы нас на равнине, даже если бы нам удалось прорвать их кольцо.

Ближе и ближе надвигались индейцы, но стрелять было бессмысленно, так как нам были видны только руки, ноги и изредка головы. Наконец враги оказались в опасной зоне. Еще минута — и некоторые из лошадей остались бы без всадников, но индейцы, очевидно, осознали грозившую им опасность. Несмотря на хвастливые выкрики и взаимное подбадривание, они не осмелились сделать решительный бросок вперед. Каждый боялся, что именно он окажется жертвой.

Вдруг по рядам индейцев пронесся какой-то клич, и в ту же минуту передние всадники круто повернули прочь от холма, и весь отряд последовал за ними. Прежде чем мы пришли в себя от удивления, они оказались уже за пределами наших выстрелов и снова остановились на равнине.

Глава LVIII

УКРЫТИЕ НА КОЛЕСАХ

Непосредственная опасность миновала, и сердца наши забились ровнее. Мы вообразили, что дикари все-таки не поняли возможности штурма, либо боялись понести большие потери. Так или иначе, они, ви-

димо, решили ждать ночи. Нам это было на руку, и мы уже поздравляли себя с тем, что обстоятельства изменились в нашу пользу. Но радоваться нам пришлось недолго. Индейцы не проявляли намерения расположиться на отдых и, не сходя с лошадей, столпились на равнине. Вожди во главе с Кровавой Рукой снова оказались в центре толпы. Мы видели, что он обратился к своим войнам с речью. Смысла его слов мы не могли разобрать, но все его жесты выражали страшную ярость. Затем вождь повелительно указал рукой в сторону фургона, отдавая какое-то приказание, которому индейцы мгновенно повиновались. Около дюжины всадников отделились от толпы и поскакали к месту недавнего сражения. Оставшиеся на месте спешили и пустили лошадей пастись. Но это вовсе не означало прекращения военных действий. Индейцы столпились вокруг своих вождей, которые по очереди что-то говорили. Видимо, обсуждался какой-то новый план действий. Мы стали следить за отъехавшими всадниками. Как мы и ожидали, они остановились около фургона, но сперва даже в подзорную трубу невозможно было разобрать, что они делали, окружив его. Наконец толпа рассеялась, и мы всё поняли. Индейцы запрягли в фургон несколько лошадей, и они потащили его в сторону холма. Под крики диких погонщиков лошади галопом мчались вперед, и фургон, видимо, ничем уже не нагруженный, быстро катил по ровному лугу. Через несколько минут он поравнялся с толпой индейцев, которые немедленно его окружили. С горы мы все хорошо видели. Нам недолго пришлось задумываться над тем, для чего индейцам понадобился фургон. Лошадей отпрягли и отвели в сторону. Несколько вшинов, согнувшись, присели за колесами, ухватившись за их спицы. Другие укрылись позади него. Сомнений не оставалось. Укрываясь за широкой дощатой обивкой повозки и за искусно развешанной по ее бортам одеждой, дикари могли приблизиться к холму в полной безопасности. С тревогой наблюдая за их действиями, мы не в силах были ни предотвратить, ни задержать наступление. Сидевшие за колесами индейцы легко толкали их вперед, не подвергаясь ни малейшей опасности. Даже руки их не были видны, так как одеяла и плащи из бизоньих шкур целиком за-

крывали колеса. Те же, что находились сзади, тоже подталкивали огромный экипаж без всякого риска. Мы были совершенно беспомощными. Слышались крики дикарей, скрип колес; все ближе и ближе надвигалась громада, словно чудовище, готовое пожрать нас.

Мы чувствовали, что наша гибель неминуема. Было ясно, что дикари сейчас окружают нас, взберутся по скалам и набросятся сразу со всех сторон, и, как бы отчаянно мы ни защищались, нам придется расстаться с жизнью.

Сознание того, что мы погибнем в бою, с оружием в руках, и отомстим за нашу смерть, пав среди вражеских трупов, было очень слабым утешением. Никто из нас не был трусом, и все-таки мы не могли без боязни думать о том, что нам грозит, и притом так скоро. Мы понимали, что через несколько минут индейцы кинутся на нас и начнется последняя смертельная схватка.

Г л а в а LIX

АТАКА

Нет ничего удивительного, что наши сердца сжимались при виде надвигавшегося фургона. Мы чувствовали себя, как жители осажденного города, со страхом смотрящие на катапульту или мощный таран. Но даже смотреть мы могли, только рискуя жизнью. Всадники с мушкетерами в руках приблизились к нам одновременно с фургоном, укрываясь за лошадьми, и снова начали беспорядочную, но все же опасную стрельбу. Пули, засвиставшие вокруг, заставили нас лечь на землю, и мы только время от времени приподнимали головы, следя за продвижением нападающих. Мускулистые руки непрерывно вращали колеса фургона. Подталкиваемый, кроме того, сзади, он медленно, но верно приближался к нам. Стрелять было бесполезно, так как пули все равно не пробили бы его. Вот если бы у нас была гаубица! Одним выстрелом можно было бы разбить это сооружение из дубовых и ясеневых досок и уничтожить толкавших его людей.

Фургон все приближался, останавливаясь только, когда под колесо попадал крупный камень. Преодолев пре-

пятствие, он снова двигался вперед, и наконец докатился до холма, о чем сейчас же возвестили торжествующие крики индейцев. Мы заглянули вниз, забыв о пулях, и увидели, что фургон стоит у подножия, среди обломков скал, въехав передней частью под деревья. Он был больше не нужен штурмовавшим холм индейцам, которые, укрываясь теперь за камнями, перебежали от одного к другому, пока весь холм не оказался окруженным. Мы не могли помешать этому маневру, так как они исчезали за новым укрытием прежде, чем мы успевали прицелиться. К тому же свинцовый ливень снова заставил нас отступить за нашу баррикаду.

Мы напряженно ждали, не зная, как поступить дальше. Действия наших противников и их полное молчание сбивали нас с толку. Если они не собирались брать холм штурмом, им не для чего было его окружать. Но под прикрытием фургона к нему подобралось всего около дюжины индейцев, и вряд ли они решились бы встретиться с нами лицом к лицу. Мы терялись в догадках. Как вдруг... Что это? Медленно клубясь, кверху стал подниматься голубоватый столб дыма... еще один, еще! Они возникли сразу со всех сторон. Послышался треск горячей травы и сучьев. Вокруг нас разводили костры! Столбы дыма, сперва прозрачные, быстро стали густыми и темными. Расширяясь, они слились, окутали скалы и клубами устремились к вершине. Скоро дым заволок нашу площадку, и мы видели дикарей на равнине словно сквозь темную вуаль. Те из них, у кого были ружья, продолжали стрельбу, а остальные спешили и бросились к холму. Дым все сгущался и скрыл их от нас. Мы не видели больше ни неба, ни земли под ногами, ни друг друга. А стрельба снизу все продолжалась, пули свистели у нас над головами, и в ушах стоял гул от пронзительных, яростных криков наших врагов. Слышался треск ветвей и шум пламени, но огня не было видно — только густой дым, поднимавшийся непрерывными волнами, все плотнее окружал нас. Мы чувствовали, что нам не хватает воздуха. Остаться на холме значило погибнуть от адушья. Нет! Мы согласились бы на любую смерть, но не на эту. Лошадей наших, конечно, уже угнали, и пробиваться к ним было поздно. Но это не остановило нас —



Став рядом, на самом краю площадки, мы крепко сжали ружья.

мы решили умереть с оружием в руках. Вскочив на ноги и став рядом, почти касаясь друг друга, мы крепко сжали ружья. Держа наготове ножи и пистолеты, мы подошли к краю площадки и, спрыгнув с нее, нащупали дорогу. Без всяких предосторожностей, с решимостью отчаяния, мы устремились вниз. Навстречу поднимались клубы дыма, потом почувствовался жар трещавших костров. Не обращая на них внимания, мы бежали напролом, пока сквозь огонь и дым не выбрались на равнину. Но там нас встретили дубинки и копья. Треск наших выстрелов терялся в диких воплях, а тела убитых нами сразу заслоняла окружавшая нас толпа. Некоторое время мы отбивались, прижавшись спиной друг к другу, но скоро нас разъединили, и каждому пришлось сражаться в одиночку с целой дюжиной индейцев. Схватка была непродолжительна. Для меня, по крайней мере, она кончилась почти в ту же минуту, как я оказался отделенным от товарищей. Я лишился сознания от удара по голове, и последней мыслью моей было: это смерть.

Г л а в а L X

ПЛЕННИК НА КРЕСТЕ

Когда сознание постепенно вернулось ко мне, я долго не мог понять, что со мной и где я нахожусь. Надо мной было синее небо и золотое солнце. Больше я ничего не видел. Я попробовал повернуть голову, но это мне не удалось. Мне показалось, что я брежу. Или я, как Прометей, лежу на спине, прикованный к скале? Нет, это не так — я почувствовал, что стою прямо, словно пригвожденный к стене, а мои руки широко раскинуты, как будто какая-то невидимая сила держит их. Голову мою тоже что-то держало — я не мог ни повернуть ее, ни наклонить. В мое лицо впился ремень. Мой рот был заткнут куском дерева, мешавшим мне дышать.

* * *

Вскоре я почти полностью пришел в себя. Какие-то существа мелькали перед глазами. То летали птицы — большие черные птицы, в которых нетрудно было при-

знать стервятников. А откуда-то снизу ко мне доносились пронзительные звуки. Я узнал их — это была индейская песня смерти.

Знакомые звуки окончательно прояснили мой мозг: я вспомнил осаду, дым, беспорядочную схватку и все, что ей предшествовало. Меня не убили. Я жив и в плену.

«Где же мои товарищи? — думал я. — Живы ли? Вряд ли. Лучше для них, если они погибли!» Меня не радовало сознание того, что я живу. Страшная песня не обещала мне ничего хорошего. Я знал, что следует за ней!

У меня болело все тело, горячее солнце жгло лицо. Узкие ремни впивались в руки и ноги. Один из них перетягивал горло, а кляп во рту мешал дышать. Голова раскалывалась на части, темя горело, точно его обварили кипятком. Ужасная мысль поразила меня: неужели я оскальпирован? Я попытался поднять руку, чтобы удостовериться в этом. Но напрасно — я не мог пошевелить даже пальцем.

Напрягая память, я сообразил, что, если меня не перенесли в другое место, я должен находиться в долине Уэрфано, около Одинокого холма. А может быть, даже на его вершине? Я помнил, как мы спустились вниз, на равнину, как меня ударили и как я упал без сознания. Но ведь индейцы могли снова принести меня на холм.

Да, я находился на какой-то возвышенности, поскольку не видел перед собой земли. По всей вероятности, на вершине холма. Такое предположение подтверждалось тем, что голоса доносились ко мне снизу.

Песнь смерти оборвалась. Я услышал крики — очевидно, слова команды, резко и злобно произнесенные на гортанном языке арапахо. Вдруг, уже ближе ко мне, раздались голоса двух людей, разговаривавших между собой. Говорили индейцы. Постепенно голоса становились отчетливее. Индейцы приближались. Они остановились совсем рядом, хотя я по-прежнему их не видел. Вдруг чьи-то пальцы сдавили мое горло, а по щеке скользнуло холодное лезвие ножа, и его заостренный конец сверкнул у меня перед глазами. Я вздрогнул, думая, что смерть близка. Но я ошибся.

Раздался скрип разрезаемого ремня. Моя голова освободилась, хотя кляп по-прежнему оставался во рту.

Теперь я мог оглядеться. Моя догадка оказалась правильной: я находился на вершине холма, на самом краю площадки, и видел всю долину, раскинувшуюся внизу.

По обе стороны от меня стояли раскрашенные индейцы. Один из них — простой воин, а второй — вождь. Я сразу узнал длинную, тощую фигуру и волчье лицо Кровавой Руки, свирепого вождя арапахо! Только сейчас я заметил, что обнажен до пояса. Меня это не удивило. Естественно, что индейцы сорвали с меня одежду, прельстившись моим мундиром с желтыми пуговицами, которые, по их мнению, были сделаны из чистого золота. Но очень скоро мне предстояло узнать, что они раздели меня совсем по иной причине.

И тут я понял, что сделали со мной арапахо: я был привязан ремнем к деревянному кресту.

Г л а в а L X I

ТАИНСВЕННЫЙ КРУГ

Молчание нарушил торжествующий голос индейского вождя.

— Хорошо! — закричал он на ломаном испанском языке, как только заметил, что я взглянул на него. — Хорошо! Бледнолицый еще жив! Сердце Кровавой Руки радуется этому! Дай ему выпить огненной воды, пусть к нему вернуться жизнь и силы, чтобы смерть показалась еще страшней!

Индеец, к которому было обращено приказание, тотчас же вынул у меня изо рта кляп и, поднеся к моим губам тыквенную бутылку, наполненную виски, влил его мне в рот. Напиток немедленно произвел действие, которого добивался вождь. Не успел я проглотить жгучую жидкость, как силы начали возвращаться ко мне, и я еще ярче представил себе, какие ужасы меня ждут.

Размахивая перед моими глазами длинным испанским ножом, вождь продолжал:

— Бледнолицая собака! Теперь ты увидишь, как Кровавая Рука умеет мстить врагам своего народа! Убийцу

пумы и Белого Орла ожидают не одна, а сотня смертей. Они насмеялись над девушкой лесов, и она последовала за ними. Она будет отомщена, и Кровавая Рука тоже порадуетя.

С дьявольским смехом вождь поднес нож к моему лицу, словно собираясь вонзить его мне в глаза! Но он хотел только напугать меня.

«Стало быть, — подумал я, — Уингроув еще жив, а проклятая Су-ва-ни где-то поблизости!»

— Карамба! — вновь вскричал дикарь. — Что тебе обещал Кровавая Рука? У живого снять мясо с костей? Но нет, этого мало. Арапахо придумали более сладкую месть, которая успокоит души убитых воинов.

После еще одного взрыва сатанинского смеха, пожалуй, более жуткого, чем все его угрозы, вождь продолжал:

— Бледнолицая собака! Ты отказался научить арапахо стрелять из мушкетов, но все же ты дашь им один урок, прежде чем умрешь. Ты скоро узнаешь, какую приятную смерть мы тебе приготовили. Ак! Поторопись, — продолжал он, обращаясь к индейцу, — подготовь его для жертвоприношения. Кровь наших братьев взывает о мести. Вот это сделай белым с красным пятном в самой середине, а остальное выкрась в черное.

Эти таинственные слова сопровождались соответствующими жестами. Острием ножа Кровавая Рука начертил круг на моей груди, как будто вырезывал его на коре дерева. Царапина была неглубока, но все-таки на коже выступила кровь. Когда же вождь произнес «красное пятно в самой середине», он, как бы желая пояснить свои слова, сделал ножом глубокий укол, из которого потекла кровь уже обильнее. Я не мог бы уклониться, даже если бы он вонзил нож по самую рукоятку, так крепко был я привязан к столбу. Не мог я и ответить на его угрозы или спросить, что он намерен со мной делать: у меня во рту по-прежнему был кляп. Впрочем, любые мои слова были бы бесполезны. Я знал, что, если бы я обратился к вождю с мольбой о пощаде, он ответил бы мне одними насмешками и издевательствами. Пожалуй, было к лучшему, что я не мог говорить.

Дав последние указания своему спутнику и еще раз

повторив тем же торжествующим тоном свои кровожадные угрозы, вождь отошел в сторону, и я потерял его из виду. Судя по шуму, время от времени долетавшему до меня, я понял, что он спустился с холма и вернулся к своим воинам.

Теперь наконец я мог посмотреть вниз. Раньше мне было не до этого. Пока Кровавая Рука стоял около меня, блестящее лезвие его ножа непрерывно мелькало у меня перед глазами, и я не знал, в какой момент этому свирепому дикарю придет в голову прикончить меня. Теперь, когда он ушел и я получил передышку, мой взгляд невольно устремился вниз. Там мне открылось зрелище, которое при других обстоятельствах повергло бы меня в ужас. Но я был настолько измучен, что уже ничто не могло меня тронуть. Даже окровавленный труп моего оскальпированного товарища не произвел на меня особого впечатления. Я ожидал этого — не могли же мы все остаться в живых.

Г л а в а L X I I

КРАСНОКОЖИЙ ХУДОЖНИК

Первое, что я увидел, была окровавленная голова убитого. Я сразу узнал его. Этот толстяк мог быть только нашим несчастным ирландцем. Куртку с него сорвали, но небесно-голубые лохмотья брюк не оставляли никакого сомнения в том, что это был действительно он. Бедняга! Вот к чему привела его погоня за калифорнийским золотом. Ирландец, скорчившись, лежал на боку, но я не мог видеть его лицо — оно было закрыто ладонями, словно он защищался от солнца. Казалось, Патрик О'Тигг отдыхал или спал, но окровавленное темя и красные пятна на рубаше исключали это предположение. Несчастный спал, но то был сон смерти!

Я начал искать глазами остальных своих товарищей. На равнине ярдах в трехстах от подножия холма горели костры. Очевидно, их только что разожгли, так как дым поднимался широкими столбами ввысь, а часть его стлалась по земле. В дыму мелькали индейцы. Некоторые готовили пищу, другие ели, третьи, шатаясь, бродили между кострами, оживленно болтая друг с другом и время от

времени прерывая разговор оглушительными криками и внезапным гиканьем. Другие плясали, монотонно напевая: «Хай-хай-хай-ия». По-видимому, все они выпили немало огненной воды. Несколько индейцев, настроенных более серьезно, сгруппировались вокруг четырех или пяти лежавших на траве трупов — по-видимому, своих убитых товарищей. Должно быть, среди них находились и те двое, которые пытались угнать наших лошадей, так как на том месте, где они были настигнуты пулями, их уже не оказалось. Индейцы, стоявшие около убитых, держались за руки и монотонно пели унылую погребальную песню.

Мое внимание привлекла находившаяся недалеко от костров группа из трех человек. Один лежал на спине. Это был Френк Уингроув. Он находился слишком далеко от меня, чтобы можно было различить его лицо, но я узнал его по охотничьей куртке с бахромой и брюкам. Ноги молодого охотника были связаны, а руки скручены за спиной и придавлены всей тяжестью его тела, что, вероятно, было очень мучительно. Но связывавшие его ремни показывали, что он жив. Впрочем, я уже знал об этом.

Шагах в шести от Уингроува виднелась другая фигура. Я узнал Джефа Байглоу. Стрелок лежал на траве, лицом вниз, растянутый между колышками, к которым были привязаны его длинные обезьяньи руки и ноги. Я не сомневался в том, что это Верный Глаз. Легкий ветерок развеивал жидкие, песочного цвета волосы солдата, остатки темно-зеленых брюк висели клочьями на его тощих ногах. Но даже и без этого я не мог бы не узнать нескладную фигуру моего приятеля. Вид этих рыжеватых волос очень меня обрадовал: значит, Верный Глаз был жив, — впрочем, это подтверждалось и тем, что он тоже был связан: индейцы вряд ли стали бы связывать мертвого.

Но более всего заинтересовала меня третья фигура. Это была женщина. Я был бы изумлен гораздо больше, если бы не некоторые намеки Кровавой Руки. Теперь же ее присутствие здесь не явилось для меня неожиданностью. Эта женщина была Су-ва-ни! Она стояла, выпрямившись во весь рост, около распростертого на земле

молодого охотника, слегка наклонив к нему голову. Судя по жестикуляции, она разговаривала с ним, но ее жесты были угрожающими. Очевидно, она осыпала его бранью и упреками.

Окинув взглядом равнину, я заметил еще кое-какие перемены. Лошади индейцев, привязанные к кольям, мирно щипали траву. Немного в стороне от них виднелся мой славный арабский скакун, лошадь Уингроува и наши мулы под охраной индейского всадника. Пока я смотрел на равнину, стоявший возле меня воин усердно занимался порученным ему делом, которое сначала показалось мне странным и необъяснимым. Он грубо втирал в мои руки, лицо, шею и грудь что-то вроде пасты из древесного угля. Лишь круг, очерченный ножом вождя, остался нетронутым. Затем, как только черный слой был наложен, воин взял другой состав, снежно-белого цвета, похожий на мел или гипс. Тщательно стерев с моей груди кровь, он толстым слоем стал наносить его на оставленный круг. Теперь ему нужно было сделать красное пятно в центре. Художник, казалось, затруднялся, откуда взять соответствующую краску. Он приостановил работу и задумался, но лишь на несколько мгновений, так как его изобретательность немедленно подсказала ему, как надо поступить. Вынув нож и вонзив его острие на полдюйма в мясистую часть моего бедра, индеец добыл необходимый ему «кармин». Потом, обмакнув палец в кровь, он прижал его к центру белого круга и, отступив на шаг, оглядел свое произведение. Судя по мрачной усмешке, осмотр удовлетворил его. Довольно фыркнув, краснокожий художник спрыгнул с площадки и исчез.

Я уже давно с ужасом заподозрил, для чего проделывалась надо мной эта операция, и вскоре мои подозрения подтвердились. В сотне ярдов от холма, на равнине, прямо передо мной, стали собираться индейцы. Кровавая Рука, сопровождаемый другими вождями, пришел одним из первых, и теперь остальные индейцы спешили к нему. Они оставили у костров свои копыя, воткнув их в землю, и там же прислонили или подвесили к древку щиты, луки и колчаны. Единственное оружие, которое они захватили с собой, были мушкеты.

Я увидел, что воины, натянув лассо между двумя кольями, чистят и заряжают мушкеты, — короче говоря, делают все то, что обычно делают стрелки, собирающиеся показать свое мастерство. Когда я увидел всю эту картину, передо мной во всей своей ужасающей реальности предстала та пытка, для которой меня приберегли, и я понял, зачем на мне был нарисован круг с красным пятном посредине: индейцы готовились к состязанию в цель и моя грудь должна была служить им мишенью!

Г л а в а L XIII

ЖЕСТОКАЯ ЗАБАВА

Да, индейцы несомненно собирались устроить состязание в стрельбе, и мишенью им должна была служить моя грудь. Вот почему меня привязали к кресту на вершине холма. Увы, сомневаться в их намерениях не приходилось — Кровавая Рука взял мушкет и, выступив на шаг перед шеренгой своих воинов, прицелился в меня. Нет слов, чтобы описать мой ужас! Не имея возможности шевельнуться, я смотрел на блестящий ствол, на черное отверстие дула, из которого должен был вырваться свинцовый вестник смерти. Мне не раз приходилось стоять под дулом пистолета на дуэли. Положение это не из приятных, но оно казалось мне райским блаженством по сравнению с тем, в котором я находился в ту минуту. Дуэль еще не означает верной гибели. Вы стоите боком к противнику, что уменьшает опасность. Можно надеяться, что он поспешит выстрелить, не прицелившись хорошенько. В конце концов, во время поединка можно просто увернуться от пули или, оказавшись проворнее противника, опередить его и выстрелить первым. Кроме того, человека, дерущегося на дуэли, обычно поддерживают оскорбленная гордость, гнев, боязнь общественного порицания или ревность.

Я же находился совсем в ином положении. Меня не поддерживали ни гнев, ни ревность. Мушкет был направлен мне прямо в грудь, и я не мог не только отклониться, но даже пошевеливаться, а моего врага ничто не волновало и не мешало ему целиться. Наоборот, он был со-

вершенно хладнокровен, как будто собирался стрелять в деревянную мишень.

Он целился, вероятно, не дольше минуты, но мне она показалась за десять, а может быть, и действительно он делал это довольно долго. Пот градом катился по моему лицу и стекал на грудь. Напряженное ожидание продолжалось, и я подумал, что Кровавая Рука умышленно не стреляет, чтобы насладиться моим страхом. Несмотря на разделявшее нас расстояние, я видел дьявольскую усмешку, с которой он то опускал ружье, то снова поднимал его к плечу. Наконец он как будто решил серьезно взяться за дело. Руки его напряглись, щека плотнее прилегла к прикладу и пальцы нажали на спуск. Роковой миг наступил!

Блеснула вспышка, красная полоса огня вырвалась из дула и раздался свист пули. Затем до меня долетел треск выстрела, но уже прежде я знал, что остался невредимым. Судя по звуку, пуля пролетела в нескольких футах от меня. Сзади послышался какой-то шорох, и сейчас же передо мной мелькнула темная физиономия разрисовавшего меня художника. Я думал, что он давно спустился на равнину, но ошибся. Этот индеец все время находился поблизости, спрятавшись за выступ скалы, чтобы сообщать стрелкам о их результатах. Осмотрев меня и убедившись, что я не ранен, он знаками сообщил им об этом и снова скользнул за уступ. Я несколько успокоился, но всего лишь на миг. Выстрелив в меня, Кровавая Рука уступил свое место одному из младших вождей, вооруженному другим мушкетом. И снова я увидел темное отверстие дула. Новый стрелок не мешкал, и все же эта минута тянулась мучительно долго. Еще раз, обливаясь холодным потом, пережил я агонию, оставшись в живых и не потеряв ни капли крови. Снова я видел и дымок и вспышку, вырвавшуюся из дула, но звук его выстрела услышал после того, как пуля с глухим стуком ударилась о камень, на котором я стоял. На этот раз индеец не стал подыматься на площадку. Он видел, как посыпались осколки гранита, и, уже не осматривая меня, вторично подал сигнал о промахе. На линию огня вышел третий индеец, и страх охватил меня с прежней силой. Он заставил меня пережить ощущение смерти

раз двенадцать. То ли у него отсырел порох, то ли не было кремня, но, сколько он ни щелкал курком, выстрела так и не последовало. Более ужасной пытки нельзя было придумать нарочно. Дело кончилось тем, что ему дали другое ружье, которое наконец выстрелило, но опять без всякого толка. Пуля пролетела далеко в стороне от цели. На смену неудачливому стрелку вышел четвертый — высокий смуглый воин. Видя, как легко и свободно он обращается с ружьем, я угадал в нем стрелка более искусного, чем предыдущие, и страх мой дошел до болезненного напряжения. Когда индеец выстрелил, я почувствовал сотрясение и решил, что он попал в меня. Судя по радостным крикам его товарищей, им, видимо, тоже показалось, что выстрел был удачным. Однако художник, скрывавшийся за скалой, скоро разочаровал их — пуля ударилась в перекладину креста, к которой были привязаны мои руки. От толчка мне показалось, что она задела и меня.

За четвертым стрелком последовал пятый, за ним стали выходить другие, пока наконец все ружья не оказались разряженными. Но это вызвало лишь временную задержку. Их быстро перезарядили, и новые участники жестокой игры выступили вперед, чтобы испытать свое искусство.

Как ни странно, после нескольких выстрелов я уже начал желать, чтобы они скорее попали в цель. Слишком невыносимым становилось бесконечное испытание, а надежды на спасение не было. Я знал, что индейцы будут продолжать свое занятие, пока чей-нибудь выстрел не прикончит меня. И мне стало уже безразлично, когда это случится. Смерть положила бы конец моим мучениям, и я мечтал, чтобы он скорее наступил.

Г л а в а L X I V

СОТНЯ СМЕРТЕЙ

Жестокая забава продолжалась уже около часа, в течение которого в меня стреляли не меньше пятидесяти раз. Свирепый вождь, угрожавший мне сотней смертей, сдержал свое слово. Несмотря на неумение стрелков,

перед каждым выстрелом мне казалось, что наступает последний миг моей жизни. Кровь застывала в жилах, и по телу пробегала дрожь. Если я и не умер сто раз, то, во всяком случае, сто раз испытал ужас смерти, а может быть, и больше, потому что почти каждому из пятидесяти выстрелов предшествовала осечка, которая действовала на меня почти так же, как выстрел. Нельзя сказать, что я остался невредимым — мои руки и ноги были поранены в нескольких местах. Я чувствовал, что по моему телу струится кровь, а в небольшом углублении скалы подо мною образовалась красная лужица. Однако я не ощущал почти никакой боли — по-видимому, это были не раны, а просто глубокие царапины. Я знал, что у меня не перебита ни одна кость и не задет ни один важный орган.

После того как индейцы почти час занимались своей дьявольской игрой, стрельба внезапно прекратилась. Я решил, что у них кончился порох. Вожди стали о чем-то совещаться, и по их жестам я понял, что предметом разговора был Верный Глаз, на которого они то и дело указывали. Он все еще лежал ничком на траве, но ни Уингроува, ни Су-ва-ни около него уже не было. Неужели она освободила охотника и дала ему возможность спастись? Может быть, об этом и совещаются индейцы? Но вот несколько воинов отделились от остальных и побежали к Верному Глазу. Наклонившись, они развязали его, поставили на ноги и поволокли к толпе стрелков. Испуганный янки не пытался сопротивляться, понимая, что это бесполезно. Два индейца тащили его за руки, а трое или четверо подталкивали несчастного сзади. Длинные растрепавшиеся волосы придавали еще более отчаянное выражение лицу солдата, считавшего, видимо, что пришел его последний час. Куда же еще, как не на казнь, могли тащить его? Вначале то же думал и я, но скоро убедился, что ошибся. Краснокожие окружили его тесным кольцом, так что мне была видна только его светлая макушка, мелькавшая среди черноволосых голов индейцев. Что с ним делали, я не знал, пока они не расступились, и тогда с удивлением заметил, что выражение лица Верного Глаза совершенно изменилось. В нем не было больше ни страха, ни отчаяния. Во взгляде и в дви-

жениях стрелка чувствовалась уверенность и какая-то удовлетворенность. И вдруг я увидел, что мой бывший солдат держит в руках ружье — свое собственное — и заряжает его! Мое изумление сменилось негодованием, когда, выступив вперед и глядя прямо на меня, он явно собрался стрелять.

Трус! Предатель! Так вот какой ценой он купил себе жизнь! И это Джеф Байглоу, Верный Глаз, на которого я так полагался!

Это было просто невероятно. Кляп во рту мешал мне выразить вслух мое возмущение. Страх смерти — тяжелое испытание, и Верный Глаз, по-видимому, не выдержал, когда ему обещали пощаду! Так, по крайней мере, мне казалось, когда он стал передо мной с ружьем в руках. К моему крайнему негодованию, он при этом и не думал смущаться или прятать от меня глаза, а наоборот, казался, был очень доволен собой и полон решимости осуществить свое подлое намерение. На лице янки была написана совсем несвойственная ему свирепость, которая в другое время показалась бы мне просто нелепой.

«Он старается угодить своим новым союзникам», — подумал я, и в ту же минуту раздался гневный выкрик Верного Глаза, сопровождавшийся угрожающим жестом. С первых же слов все объяснилось, и я перестал сомневаться в честности старого друга. Его злобное выражение действительно было притворным, но цель этого притворства была иной, чем я предполагал.

— Капитан! — крикнул он, грозно потрясая ружьем. — Слушайте меня внимательно и смотрите как можно сердитей. Пусть эти негодяи думают, что мы ссоримся. Прежде всего скажите, не повреждены ли у вас ноги. Я знаю, что вы говорить не можете, поэтому закройте только на минутку глаза, и это будет значить «нет».

Озадаченный сперва несоответствием тона и содержания этой речи, я, однако, сейчас же сообразил, что Верный Глаз что-то задумал, и поспешил повиноваться его указаниям. Менять выражение лица мне не пришлось: оно было достаточно негодующим, пока я подозревал стрелка в измене. Поэтому, продолжая сохранять тот же вид, я только закрыл глаза, зная, что пули только поцарапали мои ноги.

— Отлично! — по-прежнему громко и злобно закричал янки. — Теперь постарайтесь немного опустить правый локоть, чтобы мне легче было попасть в ремень. Они, кажется, связали вас одним куском ремня, и, если его где-нибудь перебить пулей, вы легко сможете освободиться. За холмом с той стороны всего один краснокожий. Ваша лошадь там. Бегите к ней, прыгайте в седло и неситесь отсюда во всю прыть. Готовы?

Проговорив это, Верный Глаз сделал шаг вперед и приготовился стрелять. План его был ясен. Я действительно был привязан к кресту одним куском тонкого ремня из сыромятной кожи. Такие путы легко было сбросить, перерезав их всего в одном месте. Лошадь моя, вероятно, действительно находилась за холмом, потому что впереди ее теперь нигде не было видно. Бросившись сразу в ту сторону, я мог добежать до нее раньше, чем меня перехватят индейцы. А в таком случае спасение, конечно, было возможно!

Г л а в а L X V

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

Как ни трудна была задача, стоявшая перед Верным Глазом, я не сомневался, что он с ней справится. Янки славился своим искусством, и говорили, что он никогда не даст промаха. Я сам не раз видел, как он сбивал птицу на лету.

Искусство Верного Глаза давало мне надежду, что задуманный им план удастся, и потому, повинаясь его просьбе, я сделал рукой резкое движение книзу. Оно выглядело, как проявление ярости, вызванной речью мнимого изменника, — по крайней мере, так его восприняло большинство окружавших янки индейцев. Его слова, произнесенные по-английски, были им непонятны, но жесты почему-то вызвали подозрения Кровавой Руки.

— О чем это желтоволосый говорит с пленником? — спросил он по-испански. — Пусть будет поосторожнее, а то мы и его сделаем мишенью для воинов арапахо.

Верный Глаз ответил на ломаном испанском языке — он недаром участвовал в мексиканской кампании:

— Великий вождь, я сказал, что собираюсь посчитаться с ним. Черт его возьми! Когда я служил в армии, он был моим начальником и однажды приказал меня выпороть. Теперь я рад, что могу отомстить, — вот что я ему говорил.

— Ак! — проворчал дикарь, видимо удовлетворенный этим объяснением.

— Ну, капитан, приготовьтесь! — свирепо заорал Верный Глаз, снова прикладывая ружье к плечу. — Не бойтесь, я вас не задену. Ремень хорошо виден, а пуля у меня большая. Уж как-нибудь она его перебьет! Сейчас попробуем.

Высокий светловолосый человек с ружьем у плеча, направленное на меня дуло, мгновенная вспышка и удар по кресту — все эти восприятия и ощущения были почти одновременными. Повернув голову и изо всех сил скосив глаза, я сумел рассмотреть результат выстрела. Ремень был почти полностью перебит как раз в том месте, где он огибал край доски. Я мог разорвать его, приподняв локоть, но, ожидая появления индейца, предусмотрительно остался неподвижным. Через минуту оскалившийся в улыбке краснокожий оказался передо мной, и, найдя на кресте след пули, указал на него стоявшим внизу. Я с трепетом ждал, что он заподозрит неладное, и вздохнул с облегчением, когда шуршание и скрежет камней, раздавшиеся позади, известили меня, что художник снова скрылся за скалой. В это время толпа индейцев уже окружила Верного Глаза, который в чем-то убеждал вождя, объясняя ему причину своей неудачи. Я не стал ждать конца их разговора и, резко дернув рукой, услышал звук лопнувшего ремня и увидел его повисшие концы. Следующим движением я освободил правую руку и размотал обвивавшие меня петли с такой поспешностью, словно вырывался из колец змеи. Никто из индейцев этого не заметил; все они смотрели на Верного Глаза, о чем-то сердито с ним споря. Только когда я, оторвавшись от креста, прыгнул в сторону, послышались возгласы удивления, а за ними дикий, продолжительный вопль. Поворачиваясь, чтобы бежать прочь, я мельком оглянулся на индейцев и заметил, что они все еще не двинулись с места, словно окаменев от изумления.



Высокий светловолосый человек направил на меня дуло своего ружья.

Нельзя было терять ни минуты и, перебежав площадку, я спрыгнул вниз по другую сторону холма. Там, в шести футах ниже вершины, был небольшой уступ, на котором я увидел художника — он сидел на краю спиной ко мне. Индеец понял, что случилось, только когда я, соскочив вниз, оказался рядом с ним. Услышав перед этим крики с противоположной стороны холма, он, видимо, хотел встать, но не успел. Я видел, что он безоружен, но, боясь, как бы он не задержал меня, с силой толкнул его ногой в плечо, и он мгновенно сорвался с уступа. Тело его покатило с камня на камень, ударяясь о скалы, и скрылось под корявыми ветвями можжевельника. Я огромными прыжками помчался вниз по отлогой тропе. Вблизи от нее стоял мой конь вместе с лошадей Уингроува и нашими мулами. Сторож уже кинулся навстречу, чтобы перехватить меня, и на бегу старался прицелиться из ружья. Избежать столкновения с ним было невозможно, так как он находился между мной и лошадей. Не обращая внимания на ружье, я бросился прямо к нему. Когда между нами осталось не больше пяти шагов, он остановился и спустил курок, но ружье дало осечку. Не дав ему опустить его, я схватился за ствол, отчаянным усилием вырвал оружие из рук противника и замахнулся, чтобы ударить его по голове, но он поднял кверху руки, отражая удар. Тогда я ударил его прикладом в живот, и он рухнул как подстреленный.

Не выпуская из рук ружья, оказавшегося, по странному совпадению, моим собственным, я быстро подбежал к своему коню. Он приветствовал меня веселым ржанием. Отвязать его, собрать поводья и вскочить в седло заняло одно мгновение, и я сразу почувствовал себя на свободе. Из-за холма появились с пронзительным криком индейцы. Большинство из них были пешие, с незаряженными мушкетами. Более предусмотрительные бросились сперва к лошадям и оружию, но еще не успели до них добежать, и это дало мне выигрыш во времени. Я уже не спешил и нисколько не боялся быть снова схваченным. Верхом на моем верном скакуне я чувствовал себя, как потерпевший кораблекрушение, который снова ощутил под ногами палубу корабля. Я знал, что успею скрыться от моих преследователей, и потому не

торопясь поправил уздечку, повернул лошадь и поскакал прочь. Мой араб не нуждаяся в понукании: Как птица понесся он вверх по долине, оставив далеко позади вопящих индейцев.

Г л а в а L X V I

ПОГОНЯ И ОБМОРОК

Я мчался прямо по направлению к верхнему каньону, из которого вытекала река. По мере моего приближения вход в него, казалось, расширялся, хотя все еще выглядел лишь черной щелью между скалами. Я надеялся, что темная и глубокая расселина даст мне возможность скрыться от погони. Недалеко от входа в каньон, я подскакал к месту, где индейцы захватили фургон. Часть его груза — бочки и тяжелые ящики — лежала на земле. Все они были взломаны, их содержимое расхищено, а награбленная добыча отнесена к холму. Рядом все еще лежали шесть трупов белых. Я остановился, чтобы рассмотреть их. Одежда была с них сорвана, а лица так залиты кровью, что никого нельзя было узнать. Однако ни один из них не напоминал сухопарого мормона или великана Холта. Отвернувшись от жуткого зрелища, я галопом помчался дальше.

Мои преследователи отстали от меня по меньшей мере на милю. Солнце уже скрылось за вершинами отвесных утесов, и в сгущавшемся мраке индейцы неслись за мной со всей скоростью, на которую были способны их кони. Через пять минут ущелье скрыло меня от преследователей. В каньоне уже царил ночной мрак.

Я поехал вверх по течению вдоль берега. Меня окутывала непроглядная тьма, но отблеск воды и ее журчание помогали мне не сбиться с пути. Никаких следов — ни лошадей, ни фургонов — я, конечно, видеть не мог, но знал, что они тут прошли. Дно ущелья поросло густым лесом, и караван мог пройти только по узкой свободной полосе. Мне пришлось всецело положиться на моего коня, который был приучен отыскивать след. Вытянув морду вперед и опустив ее так, что губы почти касались земли, он вынюхивал его, как охотничья собака. Я ехал шагом, но меня успокаивала мысль, что мои преследова-

тели тоже не могут двигаться быстрее. Видя, с какой легкостью мне удалось ускакать от них, они, возможно, решили бросить погоню и вернуться, чтобы выместить свою неудачу на моих товарищах.

С горечью и глубоким сожалением думал я о них, и самую большую жалость возбуждал во мне Верный Глаз! Я не мог отделаться от мысли, что он пожертвовал собой ради меня. Не было никакого сомнения, что ему предложили купить жизнь ценой предательства, и он не воспользовался этим. Если сброшенный мною со скалы художник остался в живых и рассказал, как я спасся, индейцы, конечно, поняли, что произошло. И, наверное, моему отважному товарищу пришлось занять мое место на кресте.

За Уингроува я опасался меньше, так как любовь — даже оскорбленная — могла спасти его от смерти, хотя после того, что случилось, оставалось мало надежды.

Единственный шанс спасти моих товарищей заключался в том, чтобы догнать караван, уговорить конвой вернуться и с его помощью вырвать несчастных из рук врага. Я не мог понять, почему драгуны бросили на произвол судьбы и фургон и находившихся в нем людей. Мне пришло в голову, что он отстал слишком далеко и ни конвой, ни остальные переселенцы до сих пор не знают, что произошло. В фургоне было, очевидно, всего лишь шесть человек, и стрельбу их могли не услышать, так как рев воды в каньоне заглушал звуки выстрелов.

Размышляя таким образом, я медленно пробирался вверх по ущелью, но, проехав две или три мили, вдруг почувствовал странную слабость. Меня внезапно охватил озноб, но не потому, что ночь была прохладной. Нет, ощущение холода шло изнутри, словно кровь застывала в моих жилах! Я испытывал страшную усталость, меня охватило оцепенение, похожее на то, какое испытывает замерзающий путник, когда в снежную метель он падает и засыпает. Я пытался встряхнуться, полагая, что меня неудержимо клонит ко сну — ведь я не спал уже более тридцати часов. Мне пришлось в голову слезть с коня и пройти некоторое расстояние пешком, чтобы согреться и перебороть сонливость, но, спрыгнув на землю, я тотчас же понял, что идти не в состоянии, так как не могу удер-

жаться на ногах. Они подгибались, словно в течение многих месяцев мне пришлось лежать в постели. Я не упал только потому, что ухватился за седло. Что это могло означать? Мой верный араб повернул ко мне голову, как будто спрашивая о том же. Мои попытки снова сесть в седло не увенчались успехом. После многих бесплодных усилий, я остался стоять, держась за коня. Если бы он в ту минуту сделал хоть один шаг, я упал бы. Так и случилось, но уже после того, как я потерял сознание. Я не помню, как это произошло, но, придя в себя, увидел, что лежу навзничь, распростершись на траве.

Г л а в а L X V I I

ПОГОНЯ ПРОХОДИТ МИМО

Должно быть, я упал на спину, так как первое, что мне бросилось в глаза после обморока, была темная полоска неба с мерцавшими на нем звездами.

Очнувшись, я сразу вспомнил, что нахожусь в каньоне, а звезды и тьма указывали, что ночь еще не прошла. Я почувствовал на своем лице горячее дыхание, и мне показалось, что надо мной кто-то стоит. Повернув голову, я увидел два устремленных на меня блестящих глаза. Мой мозг был еще затуманен, и я не сразу понял, что на меня смотрит мой араб. Трудно сказать, как долго я пролежал без сознания. Я не имел никакого понятия о времени и с того места, где лежал, не мог определить его по звездам, но полагал, что прошло, вероятно, несколько часов с тех пор, как я упал в обморок, после которого, по-видимому, заснул. По счастью, меня согревал плащ из шкуры бизона, который я поднял около убитых. Если бы не эта предосторожность, я, наверное, погиб бы от ночного холода, ибо был обнажен до пояса и потерял много крови. Последнее обстоятельство и было причиной моего обморока. Сон, а может быть, время несколько восстановили мои силы. Несмотря на ощущение чрезвычайной слабости, мне все-таки удалось встать, но я шатался, как впервые ступивший на землю ягненок. Голова моя прояснилась. Я вспомнил все, что произошло, и понял, что оставаться здесь опасно.

Мне удалось сесть в седло и удержаться в нем. Я сознавал, что, прежде чем наступит рассвет, мне необходимо ускакать как можно дальше. Теперь продвигаться вверх по ущелью было значительно легче, чем раньше, так как стало гораздо светлее — по-видимому, взошла луна. Видеть ее мне мешали утесы, но узкая полоса неба посветлела.

Я придерживал коня. Несмотря на слабость, у меня все же хватило бы сил ехать быстрее, но я понимал, что мне следует соблюдать крайнюю осторожность. Как ни странно, я теперь не столько оглядывался назад, сколько вглядывался вперед. Ведь не исключалась возможность, что мои преследователи уже проехали дальше. Они легко могли миновать это место, не заметив меня. Когда я пытался сесть на коня, перед тем как упасть в обморок, я отвел его несколько в сторону, за кусты, скрывавшие меня от всякого, кто проехал бы по прибрежной тропе. Днем преследователи, конечно, заметили бы меня, ночью же темнота помогла мне укрыться.

Все действительно произошло так, как я думал. Предположение, что краснокожие проехали мимо, оказалось справедливым, и, если б не моя осторожность, я столкнулся бы с ними лицом к лицу.

Я проехал уже мило, как вдруг мой конь поднял голову, и в ту же минуту остановился как вкопанный, не ожидая, чтобы я натянул поводья. Немного выше по течению реки послышались гортанные голоса. Впереди меня были индейцы! В какую сторону они ехали? Голоса становились громче — следовательно, индейцы приближались. У меня мелькнула мысль спрятаться за деревьями, но они показались мне недостаточно высокими — это были, скорее, большие кусты, и за ними мог скрыться только человек, но не лошадь. Несколько секунд я колебался, не зная, как поступить, а потом решил возвратиться на только что покинутое мною место, но не успел еще повернуть своего коня, как заметил темную расщелину, оказавшуюся входом в боковое ущелье. Оно могло послужить хорошим убежищем, потому что там было еще темнее, чем в главном каньоне.

Не колеблясь более, я быстро и бесшумно въехал в него и, притаившись во мраке, снова стал прислуши-

ваться. Вскоре до меня донесся топот копыт и голоса людей — я узнал язык арапахо. Конный отряд проехал мимо меня, направляясь обратно в долину. Несомненно, то были мои преследователи. Но все или только часть? Судя по долетавшим до меня звукам, их было не больше десяти—двенадцати человек. Может быть, остальные отправились дальше вверх по реке и еще не вернулись? Эта мысль помешала мне вернуться в каньон — я мог оказаться между двумя отрядами врагов, не имея никакой возможности ни отступить, ни пробиться вперед. Кроме того, индейцы могли расставить воинов вдоль прибрежной тропинки. Я решил отправиться дальше по боковому ущелью, а потом вернуться на караванную тропу где-нибудь выше. Этот план казался мне вполне осуществимым, и я, не раздумывая долго, поехал по ущелью, очень схожему с тем, из которого я только что выехал, с той лишь разницей, что в нем не было реки. Видимо, когда-то здесь был ручей, так как мой путь местами лежал по высохшему каменистому руслу.

Проехав около мили, я стал высматривать боковую тропу, но напрасно. С обеих сторон высились неприступные утесы. Выбора не было. Ехать вперед означало все дальше уклоняться от нужного направления. Я решил остановиться и ждать рассвета. Да и слабость моя не позволяла ехать дальше. Малейшее напряжение утомляло меня, и, так как непосредственная опасность, по-видимому, уже миновала, я счел благоразумным сделать остановку и, если возможно, отдохнуть, чтобы набраться сил. Спрыгнув с коня, я пустил его пастись и, завернувшись в теплую бизонью шкуру, вскоре погрузился в блаженный сон, более сладкий и естественный, чем то невольное забытие, в котором недавно пребывал.

Г л а в а L X V I I I

СЛЕДЫ МОКАСИН

Когда я проснулся, над скалами голубело рассветное небо, и на гребень одного из утесов падал золотистый луч — вестник восходящего солнца. Это было для меня знаком, что пора вставать. Заниматься туалетом не при-

ходилось, а позавтракать было нечем, так что оставалось только сесть на лошадь и ехать дальше все по тому же ущелью, поскольку выбраться из него здесь было нельзя, а вернуться в долину Уэрфано значило опять попасть в руки врагов. Я все еще чувствовал некоторую слабость и довольно сильный голод, потому что прошло не меньше суток, с тех пор как я ел последний раз. В надежде найти что-нибудь съестное я огляделся, но кругом тянулись только гряды грозных утесов, почти лишенных растительности. Лишь кое-где по уступам ютились темные кусты можжевельника. Нечего было и рассчитывать найти здесь какие-нибудь плоды или съедобные корни.

Едва я подумал об этом, как, словно желая доказать обратное, передо мной появилось какое-то красивое животное, напоминавшее оленя. Но по форме рогов я узнал горного барана, жителя Кордильер. Он стоял неподвижно, как статуя, на остром выступе скалы, четко вырисовываясь на фоне розового неба. Нас разделяло расстояние не менее пятисот ярдов, но, даже если бы их было всего пять, животное все равно не подвергалось ни малейшей опасности, так как убить его мне было нечем! Я легко мог бы подкрасться к нему, спрячась за камнями. Такая возможность делала его вид еще соблазнительней, но чем было зарядить ружье? И вдруг мне пришло в голову проверить, действительно ли оно не заряжено. Ведь индеец пытался выстрелить в меня. Я вытащил шомпол и сунул его в ствол. Он во что-то уперся. Ружье было заряжено! Не было в нем только капсюля на затравочном стержне, и поэтому оно дало осечку в руках индейца. По всей видимости, меня спасло то обстоятельство, что дикарь не умел обращаться с капсюльными ружьями. Благодаря еще одной случайности у меня оказался запас капсюлей. Индеец не разглядел ящичка в прикладе, приняв, вероятно, его медную крышечку за украшение. Когда я нажал на нее, целый запас маленьких медных капсюлей блеснул у меня перед глазами. Я насадил один из них на стержень и, соскочив с лошади, стал подкрадываться к барану. По мере того как я продвигался, почва становилась все более сырой. За поворотом ущелья я увидел рощицу тополей, между которыми поблескивали небольшие озера, перемежавшиеся полоса-

ми ила. Такой прерывающийся ручей — явление нередкое в центральных районах Северной Америки.

Как я обрадовался, увидев воду! Ведь жажда мучила меня еще сильнее, чем голод. Не думая о том, что добыча может ускользнуть, я решил напиться и повернул к воде. И вдруг я увидел перед собой нечто настолько удивительное, что на минуту забыл и о жажде и о голоде. На сыром песке у края воды виднелись следы человеческих ног! Это были отпечатки мокасин, но очень маленьких, и я без колебания определил, что это были следы женщины — конечно, индианки. Такова была моя первая мысль, за которой немедленно последовал вопрос: уж не Су-ва-ни ли это? Но нет! Насколько я помнил, ноги ее были гораздо больше. Это были отпечатки узкой, изящной ступни, а четкость их говорила о легкой, упругой походке юности. Сперва я не сомневался, что следы принадлежали какой-то молодой индианке, потому что размер их вовсе не противоречил такому предположению. Но тут я заметил, что незнакомка ставила при ходьбе ноги носками наружу, чего никогда не делают индианки. Сомневаться не приходилось — эти следы принадлежали белой женщине.

Г л а в а L X I X

НЕОЖИДАННОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Да, хотя это и казалось необъяснимым, я все же был уверен, что найденные мною следы оставлены белой. Несомненно, она прошла здесь совсем недавно. Убедившись в этом, я встал на ноги, и вдруг на той же полосе песка мне бросились в глаза следы волка! Однако, рассмотрев их поближе, я понял, что это отпечатки лап очень большой собаки, прошедшей по ущелью, очевидно, одновременно с женщиной, вернее сразу за ней, потому что собачьи следы местами перекрывали человеческие. Меня удивили два обстоятельства: белая женщина в таком месте, и мокасины у нее на ногах! Если бы не они, я подумал бы, что следы оставлены какой-нибудь из женщин каравана, может быть даже той, что всегда царила в моих мыслях. Впрочем, эти мокасины, хотя и очень ма-

ленькие, были бы все-таки слишком велики для ее миниатюрной ножки.

А что, если я ошибся и здесь попросту прошла какая-нибудь индианка со своим псом? Нет! Даже собака, судя по следам, была не индейской породы.

Как я ни был озадачен, это не помешало мне напиться, так как меня по-прежнему нестерпимо мучила жажда. Утолив ее, я снова взглянул на горного барана. Он продолжал стоять неподвижно, очевидно охраняя стадо, которое паслось где-то поблизости. Солнце освещало его спереди, и красно-бурая шерсть на боках казалась от этого темнее, а круглые выпуклые глаза ярко сверкали. Я стоял достаточно близко для того, чтобы подстрелить его и получить на завтрак самую вкусную дичь, какая встречается в горных районах Америки. Подняв ружье и прицелившись, я только что собрался спустить курок, как вдруг, к моему изумлению, животное сорвалось с утеса и, перевернувшись в воздухе, тяжело шлепнулось в ущелье. Я понял, что баран убит, и тут же услышал эхо выстрела. Меня, очевидно, опередил какой-то охотник, подкравшийся к животному с противоположной стороны. Кто он был? Белый или краснокожий? Если последний, то это значило, что я рисковал лишиться скальпа так же, как баран — своей шкуры. Но если белый, тогда надежда на жареную баранину к завтраку еще не была потеряна. Ведь в подобном месте даже самый черствый скряга не отказал бы в куске мяса умирающему от голода человеку. Баран был убит пулей, а краснокожие редко охотятся с ружьем, предпочитая лук и стрелы. Значит, стрелял белый. Возможно, это был кто-нибудь из шедших с караваном переселенцев или одинокий траппер, которые, как я знал, нередко заходят в эти места. Из осторожности я решил дожидаться появления незнакомца, прячась за деревом. Если бы охотник оказался индейцем, я мог бы незаметно вернуться к лошади.

Ждать пришлось недолго. В кустах послышался шум, как будто кто-то пробирался через них, и через минуту огромная, похожая на волка собака выскочила из-за выступа скалы и бросилась к убитому барану.

— Назад, Волк! Прочь, скверный пес! Ты же видишь,



Передо мной стояла отважная охотница.

что он убит, хоть ты мне ничем не помог! — раздался позади нее звонкий возглас.

Боже милостивый! Это был голос женщины! Не успел я еще прийти в себя от изумления, как из-за скалы появилась величественная красавица с нежным золотисто-смуглым лицом, на котором играл яркий румянец. У нее был слегка орлиный нос с красиво очерченными ноздрями, глаза, как у египетской газели, и высокий белый лоб, обрамленный черными волосами и увенчанный убором из алых перьев.

Костюм девушки вполне гармонировал с ее внешностью. На ней была мягкая рубаша из шкуры молодого оленя, отделанная яркой вышивкой и крашеными перьями, юбка с бахромой, обувь с переплетом из ремней и накинутое на плечо полосатое индейское одеяло. В руках у нее было ружье, из которого вылетела пуля, убившая барана. Он был подстрелен не охотником, а отважной охотницей, стоящей теперь передо мной.

Г л а в а LXX ОТВАЖНАЯ ОХОТНИЦА

Теперь уже не из чувства страха продолжал я скрываться за деревьями — меня останавливала нерешительность, вызванная удивлением и восхищением. Неожиданное появление такой ослепительной красавицы могло лишить присутствия духа кого угодно, особенно человека, лишенного долгое время женского общества.

Я боялся выйти из своего убежища, так как был похож на трубочиста с приклеенной к груди белой тарелкой, и мой нелепый облик несомненно испугал бы девушку, которая немедленно скрылась бы. У меня мелькнула мысль вернуться к луже, чтобы смыть краску, но я боялся, что во время моего отсутствия она успеет уйти. Боясь пошевелиться, я стоял за деревом и смотрел на нее сквозь листву. Я даже сдерживал дыхание, чтобы звук его не долетел до нее, и в то же время обдумывал, как начать разговор.

Снова послышался ее голос. Она опять начала бранить собаку, но даже упреки в ее устах звучали, как му-

зыка. Подойдя к барану, девушка наклонилась над ним, словно желая убедиться, что он мертв. Но, очевидно, собака не была уверена в этом, так как продолжала кидаться на убитое животное.

— Прочь! Прочь! — кричала девушка, угрожая ей прикладом ружья. — Ах ты, негодный пес, что с тобой? Разве я тебе не сказала, что он убит? Чего же тебе еще надо? Помни, — продолжала она, строго грозя пальцем, — помни, дружок, не ты убил его, и если ты испортишь шкуру, то не получишь ни одного кусочка мяса. Слышишь? Ни одного, даже самого маленького!

Пес, по-видимому, понял ее слова и послушно отошел в сторону. Я решил, что настала удобная минута, и сказал:

— Но вы не откажете дать кусочек человеку, умирающему от голода?

— Кто здесь? — вскричала охотница, круто поворачиваясь и оглядываясь скорее с удивлением, чем с тревогой. — Назад, Волк! — крикнула она собаке, с рычанием бросившейся в мою сторону. — Назад, зверюга! Разве ты не слышишь, что он умирает от голода? Ах, это негр! Бедняга! Странно, откуда он здесь взялся?

Ей была видна из-за куста лишь моя голова. Вымазанное углем лицо ввело ее в заблуждение.

— Нет, не негр, — сказал я, выходя из своего убежища, — а лишь подобие его.

— Ого! Да вы не только черный, но и белый и красный! Боже мой, какое страшилище!

— Мой вид, кажется, вызвал у вас улыбку, прекрасная охотница? Позвольте мне извиниться за него и уверить вас, что меня раскрасили против воли и не по моему вкусу...

— Так вы белый? — прервала она меня, подходя ближе и внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Белым я был вчера, — ответил я, поворачиваясь, чтобы показать ей мою спину, не тронутую краснокожим художником. — Сегодня же я таков, каким вы меня видите.

— Боже правый! — воскликнула она, внезапно меняя тон. — Что это? Кровь? Вы ранены? Куда?

— Это все пустячные царапины. Они меня не беспокоят.

— Кто вас ранил?

— Индейцы. Но мне удалось спастись.

— Индейцы? Какие?

— Арапахо.

— Арапахо? Где вы встретились с ними?

Вопрос был задан поспешно и с видимой тревогой.

— Близ Уэрфано, — отвечал я, — около Одинокого холма. Это был отряд Кровавой Руки.

— Что? Кровавая Рука близ Уэрфано? Незнакомец, вы уверены в этом?

Меня несколько удивил ее взволнованный голос, и я тут же вкратце рассказал ей все наши злоключения после захвата в плен, не упомянув лишь ни имени моих спутников, ни цели нашего путешествия. Да и трудно было вдаваться в подробности, так как охотница нетерпеливо перебила рассказ о моем спасении восклицанием:

— Кровавая Рука в долине Уэрфано! Уа-ка-ра должен узнать об этом как можно скорее!

После короткой паузы она быстро спросила:

— Сколько у Кровавой Руки воинов?

— Около двухсот.

— Не больше?

— Нет. Пожалуй, даже меньше.

— Это хорошо. Вы говорите, у вас есть лошадь?

— Да, она тут, совсем близко.

— Приведите ее сюда. Мы поедем вместе.

— А мои товарищи? Мне надо догнать караван, чтобы вернуться с конвоем и попробовать их спасти.

— Ничего этого вам делать не нужно. Совсем близко отсюда есть человек, который поможет вам лучше, чем конвой. Если спасти ваших друзей будет поздно, он поможет вам отомстить за них... Вы говорите, что караван прошел вчера?

— Да, около полудня.

— Значит, вы не успеете догнать его и вернуться вовремя. К вашему возвращению Кровавая Рука уйдет далеко и ваших друзей вы уже не найдете в живых. Кроме того, отсюда не попасть на тропу, по которой прошел ка-

раван. Для этого нужно вернуться в каньон, а там вы столкнетесь с вашими преследователями. Напрямик вы не проедете: этот горный кряж неприступен. — Она указала налево, в том направлении, куда я собирался свернуть.

Между утесами виднелась скалистая гряда, тянувшаяся с севера на юг параллельно ущелью, по которому я пробирался. Ее обрывистые склоны действительно казались неприступными. В таком случае, у меня было очень мало шансов вовремя догнать караван, и, следовательно, не оставалось никакой надежды спасти моих товарищей. Задержка, конечно, оказалась бы для них роковой. Я почти не сомневался, что Уингроув и Верный Глаз уже убиты индейцами, которых мой побег привел в еще большую ярость. Собственно говоря, я больше думал о том, чтобы отомстить за их смерть — заставить кого-нибудь в живых я уже почти не рассчитывал. Но о ком говорила таинственная незнакомка? В чьей власти было спасти моих товарищей от двухсот индейцев, принадлежавших к самому воинственному племени прерий? Кто мог помочь мне отомстить за них?

— Следуйте за мной, и вы все узнаете! — сказала охотница в ответ на мои вопросы. — Где ваша лошадь? Скорее! Торопитесь, иначе будет поздно! Кровавая Рука в долине Уэрфано! Как обрадуется Уа-ка-ра!.. Скорее за лошадью!

Я поспешил за моим арабом и привел его к нетерпеливо ожидавшей нас охотнице.

— Какой красавец! — воскликнула она, увидев его. — Неудивительно, что вам удалось ускакать от погони. Садитесь в седло!

— А вы?

— Я пойду пешком... Хотя погодите! Нам дорога каждая минута. Может ваш конь выдержать нас обоих?

— Безусловно.

— Тогда лучше поедем вместе. Мы выгадаем полчаса, а от них может зависеть все. Если Кровавая Рука уйдет... Садитесь первый... скорее, скорее!

Сняв с плеч плащ, я покрыл им спину моего коня, использовав кусок повода в качестве подпруги. Затем я сел в это импровизированное седло, а девушка, взбрав-

шись на камень, прыгнула на круп лошади позади меня.

— Эй, Волк! — крикнула она, обращаясь к собаке. — Ты останешься здесь стеречь нашу добычу от койотов. Помни, негодяй, не смей притрагиваться к ней и жди меня. А теперь, сэр, — продолжала она, придвигаясь ко мне и охватывая руками мою талию, — я готова. Не жалейте лошади, если вам дорога жизнь ваших товарищей. Ну, вперед!

Благородный конь не нуждался в понукании. Он понимал, что он него требовалась быстрота, и сразу взял в галоп.

Г л а в а LXXI

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

Я думал только о своих несчастных товарищах. Слова охотницы вновь пробудили во мне надежду, что они будут спасены. Но каким образом? Куда мы мчались? И кто будет в силах помочь нам?

Обо всем этом мне хотелось расспросить мою спутницу, но мы скакали так быстро, что говорить было невозможно. Оставалось молчать и теряться в догадках.

«Может быть, — думал я, — мы едем к лагерю трапперов, находящемуся где-нибудь поблизости?»

Я знал, что это так. Иначе откуда же появилась в этой глуши таинственная охотница? Но все прочие обстоятельства указывали на то, что мои союзники вряд ли белые. Трапперов не могло быть больше десяти—двенадцати человек, а такой маленький отряд, разумеется, не справился бы с двумя сотнями воинов Кровавой Руки. Кроме того, девушка дважды упомянула имя Уа-ка-ра. Вряд ли белый мог носить такое имя. Оно было безусловно индейским.

Я ждал удобного случая, чтобы расспросить ее обо всем, и наконец он мне представился. В одном месте нашего пути пришлось ехать по каменной осыпи, и мы не могли продвигаться с прежней скоростью. Но только что я собрался начать разговор, как вдруг услышал голос своей спутницы:

— Вы, конечно, офицер?

— Откуда вы это узнали? — спросил я с удивлением, потому что слова ее были скорее утверждением, чем вопросом.

— По вашей военной форме.

— Моей военной форме?

— Ну да. Я заметила след от канта на ваших брюках. Арапахо, видно, сорвали его?

— Да, вы правы. Я служил в армии.

— А как вы оказались здесь? Наверное, ехали в страну золота?

— Не совсем так.

— Куда же? Если это не секрет, конечно...

— Просто глупая прихоть. Решил попутешествовать без всякой особой цели, а затем вернуться в Штаты.

— Вернуться? Но вы же говорили, что вместе с вашими спутниками следовали за караваном? Почему же вы не присоединились к нему? Ведь так было бы безопаснее.

Я не знал, что ответить, и она продолжала:

— Редко случается, чтобы такой маленький отряд, как ваш, рисковал идти через прерии, — слишком опасно встречаться с индейцами. Впрочем, иногда и с белыми тоже. И среди белых есть дикари, которые хуже, гораздо хуже, чем краснокожие!

Эти загадочные слова и сопровождавший их вздох заставили меня обернуться и взглянуть на мою спутницу. Глубокая грусть омрачала ее лицо. Неужели и она вспомнила о прошлых страданиях?

Глядя на нее, я снова заметил то, что уже ранее привлекло мое внимание, а именно — сходство с Лилиен Холт, но такое неясное, что трудно было сказать, в чем оно заключается. Их черты не имели ничего общего, так же как цвет кожи, волос и глаз. Но что-то неуловимо похожее было в разрезе глаз и особенно в тембре голоса — грудного, чистого и звонкого.

«Конечно, — думал я, — это едва заметное сходство случайно. Просто голос прекрасной охотницы напоминает мне ту, что безраздельно владеет моим сердцем». Воспоминание о Лилиен меня так взволновало, что я не мог сразу ответить моей спутнице.

— Ваши слова меня крайне удивляют! — сказал я на-

конец. — Неужели вам самой пришлось столкнуться с чем-либо подобным?

— Да. У меня нет оснований любить людей с моим цветом кожи, если я, конечно, вообще могу считать себя белой.

— А разве вы не белая?

— Не совсем. Во мне есть индейская кровь.

— Думаю, ее не так уж много?

— Достаточно, чтобы не любить людей с моим цветом кожи.

— Неужели?

— Да. И у меня есть на это причины. Ах, сэр! Разве не достаточно того, что я всеми обманута: отцом, возлюбленным и мужем.

— Мужем? Так вы, значит, замужем?

— Нет. Я была обвенчана, но не считаю этого негодя своим мужем.

Охотница замолчала, видимо взволнованная каким-то тяжелым воспоминанием, и я почувствовал, как дрогнула ее рука, лежавшая у меня на поясе.

— Ваши слова чрезвычайно меня заинтересовали, — заметил я, желая заставить ее рассказать о себе побольше. — Но я понимаю, что не имею права на вашу откровенность.

— Вы можете заслужить ее.

— Скажите мне, как?

— Вы упомянули, что намерены вернуться в Штаты. У меня будет к вам просьба, и, если вы согласитесь ее исполнить, я расскажу вам свою историю. В ней нет ничего особенного. Это повесть о простой девушке, которой изменил ее возлюбленный. Отец же забыл свой родительский долг, а муж оказался обманщиком, клятвопреступником и негодяем.

— Я вижу, что ваша судьба сложилась очень неудачно. Но ваши слова только еще более заинтриговали меня. Я дорого дал бы, чтобы знать, кто вы такая и как попали сюда.

— Сейчас нет времени говорить об этом. Ваши товарищи, если они еще живы, находятся в смертельной опасности. Ваш долг думать о них, мой же — не допустить, чтобы Кровавая Рука ушел отсюда. Это приведет

в отчаяние того, кому я обязана жизнью и покровительством.

— О ком вы говорите?

— Об Уа-ка-ра, заклятом враге Кровавой Руки и всех арапахо.

— Уа-ка-ра?

— Да. Это вождь племени юта. Вы сейчас его увидите... Скорее! Лагерь близко. Вон там, за скалами, уже виден дым. Вперед, сэр, вперед!

Повинуясь ее приказанию, я пустил коня галопом. Но скачка наша продолжалась недолго. Через сто ярдов ущелье, внезапно расширившись, вывело нас в красивую небольшую долину, лишенную деревьев, но поросшую травой. На противоположном ее краю сомкнутые ряды белых конусов указывали на то, что перед нами лагерь индейцев.

— Это вигвамы племени юта, — сказала моя спугница.

Г л а в а LXXII

УА-КА-РА

Вигвамы были расположены в два ряда, а между ними шел широкий проход, в конце которого стоял вигвам вождя, более обширный, чем остальные. Вигвамы имели форму конусов, образованных поставленными в круг жердями, верхние концы которых были связаны вместе. Их покрывали бизоньи шкуры, выскобленные и выбеленные. Спереди каждый такой шатер имел отверстие для входа, закрытое свободно подвешенным куском шкуры. Треугольный кусок кожи около верхушки был отвернут наружу и натянут наподобие перевернутого паруса. Он защищал дымоход от ветра. Снаружи каждый вигвам был разрисован картинками, изображавшими подвиги его хозяина: схватки с пумой, гризли или с воинами враждебных племен. Особенно много таких изображений было на шатре вождя. Он был буквально сплошь покрыт всевозможными знаками и фигурами, словно какой-то пестрый ковер.

Перед шатрами стояли высокие копыя с прислоненными к ним кожаными щитами, длинные луки из дерева

и более короткие — из рогов горного барана. Тут же висели колчаны, наполненные стрелами. Я заметил, что кроме этого, почти у каждого вигвама стояло ружье. Это меня не удивило, так как я знал, что для племени юта огнестрельное оружие давно перестало быть тайной.

Повсюду виднелись растянутые на траве свежесодранные шкуры, которые женщины скоблили, стоя на коленях. Девушки с обмазанными глиной корзинами на головах проходили мимо, направляясь к ручью или возвращаясь от него. Мужчины стояли группами, лениво переговариваясь или, присев на корточки, играли в кости. Мальчишки практиковались в стрельбе из луков, а малыши возились в траве со щенятами. Собаки стаями слонялись между шатрами: лошади, овцы, козы, мулы и ослы, смешавшись в одно стадо, паслись на поляне недалеко от лагеря. Таким предстал передо мной поселок племени юта. Как и следовало ожидать, при нашем появлении в нем все мгновенно изменилось. Игроки вскочили на ноги, женщины оставили работу, побросав на шкуры свои скребки.

Повсюду слышались возгласы удивления. Дети завизжали, прячась за матерей. Заворчали и залаяли собаки, заржали лошади, заревели ослы и мулы. Блеяние овец и коз дополнило этот общий хор.

— Туда, к вигваму вождя! — указала моя спутница, соскочив с лошади и направляясь впереди меня к шатру. — А вот и он сам — вождь Уа-ка-ра!

Это был среднего роста прекрасно сложенный индеец в одежде из расшитой оленьей шкуры. На ногах у него были гетры из алого сукна, а на голове — убор из разноцветных перьев, который за спиной спускался до самых пят. С его левого плеча ниспадал полосатый плащ. Пояс из красного китайского шелка, свободно охватывавший талию, дополнял этот живописный костюм. У вождя были благородные черты лица и острый орлиный взгляд. Лицо не было свирепым, а скорее мягким и доброжелательным. Таким, по крайней мере, оно представилось мне. Знай я, что за человек находится передо мной, я понял бы, что мягкое выражение не соответствовало его подлинному характеру. Он, правда, не был жесток, но

славился мужеством и воинственностью. Я стоял лицом к лицу с самым знаменитым в Америке индейским вождем. Это был Уокер, предводитель племени юта и друг знаменитого траппера, с которым он обменялся именами. В произношении юта это имя превратилось в «Уа-ка-ра».

Когда я подъехал к вождю, рядом с ним стоял какой-то чрезвычайно странный субъект, судя по одежде и цвету кожи — мексиканец. Костюм его состоял из темной бархатной куртки и таких же брюк и дополнялся черным сомбреро. Кожа его лица была очень смуглой, но все же значительно светлее, чем у индейцев. Это был маленький человек с комично-серьезным лицом. На его поясе висел какой-то странный предмет. Это был кусок дерева длиной около восемнадцати дюймов, напоминавший не то часть сапожной колодки, не то половину деревянного ярма. В его толстом конце виднелась выемка, к ней прикреплялись ремни, на которых он и висел. Маленький мексиканец производил — и вполне справедливо, как я впоследствии убедился, — впечатление чудака. Это был знаменитый траппер Педро Арчилети, или Деревянная Нога, как его прозвали товарищи. Удививший меня забавный предмет у него на поясе был деревянной ногой, которой владелец ее пользовался, только когда при долгой ходьбе настоящая нога, поврежденная в щиколотке, отказывалась ему служить. В остальное время она болталась на ремне у его бедра.

Присутствие маленького мексиканца в лагере индейцев объяснялось очень просто. Племя юта находилось в это время в мирных отношениях с белыми. Мексиканские трапперы и торговцы без опасения появлялись в индейских поселках. Деревянная Нога дружил с вождем. Охотясь в этих краях, он набрел на становище ютов и теперь гостил у Уа-ка-ра.

Г л а в а LXXIII

МЕКСИКАНСКИЙ ТРАППЕР

— Охотница уже вернулась? — улыбаясь, спросил вождь, когда девушка приблизилась к нему. — Какая ей попалась странная дичь! Кто этот молодой воин с белым

кругом на груди? Он ведь бледнолицый, а у наших белых братьев не в обычае так украшаться.

— Он не сам раскрасился, — ответила девушка, — это сделано руками его врагов. Белый круг служил им мишенью, в которую было направлено немало пуль, а красные полосы — это кровь, вытекшая из его ран. Когда Уа-ка-ра узнает, кто пролил ее, он поспешит отомстить.

— Если белая охотница пожелает, Уа-ка-ра отомстит, даже если эту кровь пролили люди его племени. Говори же, Мэ-ра-ни! Это сделал кто-нибудь из ютов?

— Нет, их враги.

— У ютов много врагов на севере и на юге, на востоке и на западе. Откуда этот чужеземец, и кто пролил его кровь?

— Он с востока, от арапахо.

— Ах! — вздрогнув, воскликнул вождь, и его лицо омрачилось гневом. — Где же бледнолицый встретился с арапахо?

— В долине Уэрфано.

— Это хорошо. Белая охотница принесла весть, которая обрадует воинов юта. Кто видел арапахо в долине Уэрфано?

— Этот человек был у них в плену и спасся совсем недавно, — указала на меня охотница, — он может проводить Уа-ка-ра к их лагерю, где вождь ютов найдет своего смертельного врага — Кровавую Руку.

При этом имени гневное лицо Уа-ка-ра еще более потемнело, и в нем не осталось и следа мягкости. На смену ей появилась свирепая решимость, и глаза засверкали дикой радостью. Очевидно, упоминание о Кровавой Ручке напомнило какую-то давнюю обиду. Вождь обратился ко мне с целым рядом вопросов. Благодаря частым встречам с трапперами он научился говорить по-английски и на этом языке объяснялся с охотницей. Индеец, по-видимому, решил напасть на арапахо и расспрашивал меня об их численности, месте их стоянки и других подробностях. Он, казалось, был удовлетворен моими ответами и сейчас же после окончания разговора ответил о своем намерении немедленно отправиться в долину Уэрфано. Я очень обрадовался этому, надеясь что та-

ким образом удастся вырвать моих товарищей из рук арапахо.

— Мэ-ра-ни, — сказал вождь, — отведи чужестранца в свой вигвам и накорми его. А ты, хромой, — обратился он к мексиканцу, — ты искусный лекарь — подлечи его раны. Пока мы готовимся к походу, он может отдохнуть. Эй! Дай сигнал к сбору, созови воинов на пляску войны.

Последние слова были обращены к стоявшему рядом индейцу, который поспешил исполнить приказание. П слышался звук трубы, казавшийся очень странным в лагере краснокожих. Однако индейцы уже многому научились у белых. Не успело эхо сигнала замереть в скалах, как пятьсот воинов уже схватили оружие, подвели коней к вигвамам и выстроились, готовые к походу. Полк драгун регулярной армии не смог бы с большей быстротой собраться по сигналу тревоги.

Мною завладел траппер.

— Сеньор, — сказал он по-испански, осмотрев мои раны, — для вас сейчас самое лучшее лекарство — это хороший завтрак, а пока ваша соотечественница его приготовит, пойдемте со мной, чтобы немного отмыться. Эта разрисовка вам совсем не идет, и, кроме того, если краска проникнет в раны, их труднее будет залечить. Пойдемте!

Охотница тем временем скрылась в шатре, стоявшем поблизости, чуть позади вигвама вождя. Я же последовал за мексиканцем, который, прихрамывая, направился к ручью. Купанье в холодной воде и коньяк из тыквенной фляжки траппера быстро восстановили мои силы, а уродливая раскраска исчезла под действием толченого корня пальмиллы, заменяющего мыло. Нарезанный на куски и приложенный к ранам кактус орегано должен был способствовать их быстрому заживлению. Не ограничившись всем этим, мой мексиканский врач снабдил меня красивым навахским одеялом, которое я с облегчением накинул на плечи.

— Карамба! — воскликнул он, протягивая его мне. — Возьмите, сеньор! Рассчитаемся, когда выручите свои вещи у арапахо. Смотрите, завтрак уже готов: сеньорита зовет вас. Берегитесь! Ее глаза ранят опаснее, чем пули. Вот увидите!

Я подавил желание расспросить его подробнее. Он назвал охотницу моей соотечественницей и, очевидно, знал ее историю. Но, помня обещание девушки, я не стал ничего спрашивать, надеясь вскоре услышать все из ее собственных уст.

Г л а в а LXXIV

В ВИГВАМЕ ПРЕКРАСНОЙ ОХОТНИЦЫ

— Я вижу, незнакомец, — сказала охотница, когда я подошел к ее шатру, — что мексиканец изменил вам вид. Теперь уж вас нельзя испугаться. Входите! Вот поджаренный маис и немного козлятины. Как жаль, что я не захватила мяса дикого барана! Оно необычайно вкусно, но второпях я забыла о нем. Хлеба дать вам не могу — здесь его нет.

— Я привык к еще более скромной пище, — сказал я и принял есть без дальнейших церемоний.

Наступило молчание. Раз или два моя хозяйка выходила и снова возвращалась, чтобы взглянуть, не нужно ли мне еще чего-нибудь.

Военные приготовления, видимо, весьма интересовали ее. Мне показалось, что она наблюдает за ними с волнением и нетерпением. О ком или о чем она беспокоилась? Об Уа-ка-ра? Какое отношение имела она к вождю? Если охотница была его пленницей, ей не разрешили бы отлучаться так далеко от места стоянки. Может быть, она его жена? Но отдельный вигвам, а также то, как он с ней обходился, исключали такое предположение. Кто же она?

Я жаждал услышать историю загадочной девушки, но случай еще не представился.

— Боюсь, что они опоздают, — сказала она, вернувшись. — Красный столб только что вбит, и танец войны продлится целый час. Совершенно ненужный обряд, простое суеверие! Сам вождь не придает ему никакого значения, но его воины без этого не пойдут в бой... Слушайте! Они начали петь.

Я услышал тихое, протяжное пение. Постепенно оно становилось все громче и громче. Время от времени хор умолкал, и тогда доносился только одинокий голос, вероятно, повествовавший о каком-нибудь подвиге, чтобы

вдохновить воинов на новые героические деяния. Затем следовал взрыв громких, яростных криков.

— Это боевая песнь, под которую они пляшут, — пояснила охотница. — Вы можете отдыхать, пока она не кончится. Но потом уже не мешкайте — воины сядут на коней, как только завершат обряд.

Девушка села на одну из бизоньих шкур, устилавших пол шатра, и задумалась. Взглянув на нее, я вновь уловил сходство с той, о ком так много думал.

С каждой минутой охотница все больше возбуждала мое любопытство. Я чувствовал непреодолимое желание услышать историю ее злоключений.

— Вы обещали мне рассказать о себе, — напомнил я.

— И выполню свое обещание при условии, о котором уже говорила вам.

— Что же это за условие? Если оно выполнимо, я готов принять его.

— Выполнимо, хотя затруднит вас гораздо больше, чем вы ожидаете. Вы сказали, что намерены вернуться в Штаты. Не возьмете ли вы меня с собой?

— Охотно, — удивленно ответил я. — Но... боюсь, что сейчас это невозможно.

— Потому что ваше путешествие еще не кончено? Или вы имеете в виду что-нибудь другое?

— Увы! Я не знаю, когда и где оно может кончиться!

— Странно! Но ведь в конце концов вы собираетесь вернуться в Штаты? Позвольте мне сопровождать вас.

Ее просьба на несколько мгновений лишила меня дара речи.

— О, не отказывайте мне! — продолжала она умоляющим голосом. — Я буду заботиться о вас, охотиться для вас, делать все, что угодно, но оставаться здесь я больше не могу... Несмотря на всю их доброту — а они действительно по-своему добры ко мне, — у меня нет больше сил жить здесь. Я так стремлюсь вернуться в цивилизованное общество... Вы не можете себе представить, как мне хочется видеть...

Она замялась.

— Кого? — спросил я.

— Сестру, милую сестру, которая нежно любит ме-

ня. Мне же она дороже жизни. Ах, только расставшись с ней, я поняла, как она мне дорога.

— А когда вы расстались с сестрой?

— Шесть месяцев назад я покинула ее и уехала, обманутая негодяем. Мне они кажутся шестью годами. Я не могу больше выносить эту дикую жизнь. Юты уважают меня, они гостеприимны и делают для меня все, что в их силах, но я несчастна. Скажите, что вы можете мне вырваться отсюда!

— Я с удовольствием исполню ваше желание. Но индейцы... они... то есть он согласится ли отпустить вас?

— Кто — он?

— Уа-ка-ра.

— О да! Он сказал мне, что я могу уехать, как только представится случай! Благородный вождь! Он честно сдержал свое слово, данное тому, кого уже больше нет.

— Кому же это?

— Тому, кто спас мне жизнь... Смотрите! Вождь идет сюда. Боевая песня окончена. Я расскажу вам все потом. Надо спешить, иначе воины отправятся в поход без нас.

— Неужели вы собираетесь их сопровождать?

— Женщины последуют за отрядом, чтобы заботиться о раненых. Я поеду с ними.

Послышался голос вождя, Уа-ка-ра звал меня присоединиться к нему и его воинам. Это прервало наш разговор, который, ничего, в сущности, не объяснив, только еще больше заинтриговал меня. Но не время было предаваться бесплодному любопытству. Я снова вспомнил об отчаянном положении моих товарищей и о своем долге. Торопливо покинув охотницу с надеждой вскоре вновь увидеть ее, я вскочил на своего коня и присоединился к воинам. Они вихрем понеслись вперед.

Г л а в а LXXV

ОКРУЖЕНИЕ ВРАГА

Мы мчались во весь опор. Несмотря на явное превосходство моего коня, я едва поспевал за своими новыми союзниками. Их лошади, привыкшие к почти непроходимым дорогам, стрелой летели сквозь спутанные кустар-

ники и карабкались по острым, скользким скалам с уверенностью горных баранов.

Не останавливаясь, мы неслись галопом вниз по ущелью, там, где я один едва ли рискнул бы проехать и шагом. Вскоре показалось то место, где я встретился с охотницей. Ее пес все еще охранял убитое животное. Он лежал около барана и только зарычал, когда наш отряд вихрем пронесся мимо него. Никто не остановился, чтобы отнять у него добычу. Вступив на тропу войны, индейцы обычно не занимаются охотой. Считается, что голод, порождает доблесть, увеличивая находчивость и отвагу.

Бешеная скачка показывала, что индейцам не терпится встретиться с врагом.

Но их гнало не стремление помочь мне и моим товарищам. Давняя наследственная вражда, более старая, чем сами воины, существовала между племенами юта и арапахо. При Уа-ка-ра и Кровавой Руке она достигла своего апогея.

Тем не менее юты не собирались бросаться в бой очертя голову. Их вождь был искусным военачальником, и я заметил, что он действует по заранее намеченному плану. Вскоре я понял, в чем этот план заключается: Уа-ка-ра собирался окружить врага.

Всех всадников он разбил на четыре равных отряда. Первый, под командованием самого вождя, должен был обогнуть утесы и выйти в долину через нижнее ущелье. В том случае, если бы арапахо попытались отступить к Арканзасу, отряд Уа-ка-ра преградил бы им путь. Второму отряду предстояло подойти по тем же утесам к определенному пункту, расположенному почти напротив холма. Там находилась расселина, по которой можно было спуститься в долину Уэрфано. Третьему отряду Уа-ка-ра отдал распоряжение занять позицию на противоположной стороне, где был такой же спуск на равнину. Четвертому отряду было приказано продвигаться тем временем по верхнему каньону и у его конца ожидать, пока остальные не достигнут назначенных им мест.

По условленному сигналу все четыре отряда должны были одновременно полным карьером броситься к холму и сомкнуться кольцом вокруг врага.

Условились, что сигнал подает первый отряд, так как ему предстоял самый дальний путь и к моменту его прибытия на место остальные, несомненно, уже достигнут своих позиций. Сигналом для начала атаки должен был послужить дым костра.

План был задуман хорошо, и, если арапахо еще не покинули долины Уэрфано, они никак не могли уклониться от схватки. Юты сразу же приступили к выполнению этого маневра.

Вблизи от того места, где я провел последние часы прошлой ночи, находилось незамеченное мною в темноте тесное боковое ущелье, по которому можно было выбраться из каньона. Окрестные горы были изрезаны глубокими расселинами, и юты отлично знали здесь каждую пядь земли. Вот почему они были уверены, что смогут окружить врагов, не столь хорошо знакомых с местностью и привлеченных сюда лишь надеждой на ограбление каравана.

Уа-ка-ра со своими воинами начал подниматься по боковому ущелью, а вслед за ним и второй отряд, который должен был занять позицию против холма, двинулся тем же путем, но несколько медленнее. Остальные отправились вниз по ущелью к верхнему каньону. Подъехав к нему, отряд, которому тоже предстояло занять позицию на утесах, отделился, чтобы подняться туда по тесному боковому ущелью. Последний же, то есть четвертый, отряд начал пробираться вниз по реке, там, где накануне за мной гнались индейцы. Мы с траппером находились в этом отряде, которым командовал второй вождь. Деревянная Нога сам вызвался участвовать в походе, желая свести старые счеты с арапахо, и поэтому он так же стремился в бой, как любой воин племени юта.

Мы ехали очень осторожно, боясь случайно наткнуться на моих вчерашних преследователей. Нас вел старый, испытанный воин. Рубцы от ран и седые волосы свидетельствовали о его участии во многих кровавых сражениях и хитроумно задуманных набегах.

Посланные вперед разведчики время от времени давали нам знать, что путь свободен. Продвигаясь таким образом, мы наконец достигли выхода из каньона и остановились, прячась в царившем там полумраке.

До сих пор мы не видели никаких следов арапахо, но, взобравшись на высокую скалу, я с радостью убедился, что эти негодяи все еще находятся у холма. Судя по количеству пасшихся лошадей, можно было заключить, что гнавшися за мной индейцы отказались от преследования и вернулись к главному отряду.

В долине всё еще горели костры, и между ними бродили индейцы. Очевидно, отряд Кровавой Руки не был виден лишь потому, что находился по другую сторону холма. Фургон по-прежнему стоял у подножия, и его белый верх отчетливо выделялся на фоне темно-зеленого можжевельника. Бросив на эту картину беглый взгляд, я стал всматриваться в вершину холма.

Крест стоял на том же месте. Виден был, хотя и не очень ясно, его вертикальный столб с поперечной перекладиной. Вскоре мне стало понятно, почему их очертания недостаточно отчетливы: к кресту был привязан человек! Я глядел на него со спины и потому не мог рассмотреть кто это, но не сомневался, что передо мной либо Уингроув, либо Верный Глаз.

Пока я смотрел, раздался выстрел из мушкета и почти в тот же миг из-за холма поднялось голубоватое облачко. Арапахо вновь принялись за свою жестокую забаву. Вглядевшись пристальнее, я убедился, что мишенью им служит Верный Глаз. Кровавая Рука сдержал свое обещание, и мой отважный спаситель занял мое место. Я догадался об этом по росту привязанного к кресту человека. Моя голова едва достигала верхушки столба, голова же того, кто подвергался пытке сейчас, возвышалась над ним вся целиком. Я ясно различал желтую шелюру, волосы же Уингроува были темными. Несомненно, это был Верный Глаз.

Меня охватило такое яростное негодование против этих дьяволов в человеческом образе, что я готов был броситься вперед и остановить их страшную забаву или, если было уже поздно, отомстить за моего друга. Но такая попытка ни к чему не привела бы. Осторожный вождь, командовавший отрядом, вне всякого сомнения, не тронулся бы с места до условленного сигнала. Дозорные уже взобрались на утесы, чтобы, заметив поднимающийся дым, немедленно сообщить о нем. Никто не пред-

полагал, что ждать придется долго. Наш отряд двигался по верхнему каньону очень медленно, и за это время все остальные должны были уже приблизиться к своим позициям. Мысль об этом и мое личное знакомство с меткостью арапахо несколько примирили меня с задержкой. Если Верного Глаза еще не убили, мы почти наверняка должны были спасти его. Несколько выстрелов арапахо вряд ли что-либо изменили бы. Если же несчастный был уже мертв, промедление тем более не имело особого значения, так как его убийцы все равно не могли избежать нашей мести.

Но Верный Глаз был жив. То, что я сразу этого не понял, объяснялось только моим волнением. Мой отважный друг стоял с высоко поднятой головой — будь он мертв, разве не поникла бы она на грудь?

Г л а в а LXXVI

ИСТОРИЯ ОХОТНИЦЫ

Только я пришел к этому заключению, как мексиканец взобрался на скалу и стал рядом со мной.

— Господи, — вскричал он, увидев крест, — как это могло прийти им в голову? Посмотрите! — продолжал он, когда из-за холма поднялось белое облачко и до нас донесся выстрел из мушкета. — Пресвятая дева! Они стреляют в несчастного!

— Да, — сказал я, — одного из моих товарищей подвергают той же пытке, которую вчера перенес я.

— Это обычная забава арапахо. Раньше исключительно ради забавы они стреляли в своих пленников из лука. Теперь, я полагаю, когда у них появились ружья, они совмещают приятное с полезным, как говорится в книгах. Карамба! Что за звери! Лучше не попадать в их когти! Ни одно индейское племя не обращается с пленными так бесчеловечно, как арапахо. Они не щадят даже женщин. Ведь они собирались сделать то же самое с прекрасной американкой, только привязали ее не к кресту, а к дереву.

— Прекрасную американку?

-- Да, ту, что привела вас в лагерь Уа-ка-ра.

— Как! Неужели она тоже побывала в руках арапахо?

— Вот именно.

— Когда? Где? Каким образом? Кто ее спас?

— Ого, сеньор, четыре вопроса сразу! Ну хорошо! Я расскажу вам все, только дайте мне время. Сначала отвечаю на первый вопрос: это случилось около шести месяцев назад. Теперь на второй: произошло это вблизи Большого леса, у реки Арканзаса. Третий потребует более пространного объяснения, поэтому ответу сначала на четвертый: девушку спас дон Хосе.

— Дон Хосе? Кто он такой?

— Вам, наверное, известно его американское имя — Уокер.

— Уокер? Прославленный траппер? Джо Уокер?

— Он самый, сеньор. Юты называли его Уа-ка-ра. Их молодой вождь назван так в его честь. Уокер и он были друзьями и любили друг друга, как братья, или, скорее, как отец и сын, — ведь траппер был гораздо старше вождя.

— Вы говорите — были друзьями. А сейчас? Они поссорились?

— Увы, дон Хосе больше нет в живых — арапахо убили его около трех месяцев назад. Вот почему ваша прекрасная соотечественница находится у ютов. Старый зверолов поручил ее своему тезке Уа-ка-ра. С того времени она и находится под защитой вождя. Он благородный человек. Кроме того, он сделал бы все на свете ради своего старого друга, чью смерть горько оплакивал. Вот почему, узнав о том, что арапахо так близко, Уа-ка-ра немедленно бросился сюда со своими воинами. Они собираются мстить за дону Хосе, а не за вас. Однако вам это все равно, потому что ваших друзей так или иначе вырвут из когтей арапахо. Что касается прекрасной американки, — продолжал он, прежде чем я успел ему ответить, — клянусь пресвятой девой, такой девушки здесь еще не видывали. Как она стреляет! Ни один самый ловкий стрелок в наших горах не может сравниться с нею, с тех пор как погиб дон Хосе. Она умеет подкрасться к любому зверю, как пума. Она может обойтись без защитника и уже доказала это. Если бы не ее храбрость и

уменьше владеть ружьем, она не ушла бы живой от арапахо.

— Но как? Вы еще не сказали...

— И то правда, кабальеро. Я еще не ответил на ваш третий вопрос. Как я уже говорил, все произошло близ Большого леса, где она и попала в руки арапахо. Этих бандитов было немного — лишь небольшой отряд во главе с Кровавой Рукой. С ней было ружье и собака, которую вы видели, и американка долго не подпускала их к себе. Кровавая Рука рассвирепел и, когда ее захватили, приказал привязать девушку к дереву, пригрозив, что на ней будут практиковаться в стрельбе из луков. Говорили ли он серьезно или только пугал бедняжку, неизвестно, потому что как раз в то время появился дон Хосе с отрядом трапперов, возвращавшихся со сборного пункта на Куэрно Верде. Они разогнали краснокожих и спасли американку. Вот как отбили ее у арапахо, сеньор.

— Отважный поступок! Но как девушка очутилась в Большом лесу? С тех пор как был покинут форт Бент, белые там не живут.

— А, сеньор, тут-то и начинается самая интересная часть всей истории. Я слышал ее от самого дона Хосе, когда мы вместе с ним охотились вскоре после того, как он спас американку.

— Вы не откажетесь рассказать ее мне?

— Конечно. По крайней мере, все то, что известно мне, хотя, возможно, дон Хосе рассказал не все, что знал. Так вот, сеньор, она ехала с американским караваном — с караваном мормонов. Полагаю, вы слышали об этих еретиках, обосновавшихся у Соленого озера?

— Конечно.

— Так вот, сеньор, перед самым отъездом девушка обвенчалась с одним из этих мормонов. По-видимому, она не желала этого брака. Она любила кого-то другого, но отец насильно заставил ее выйти замуж за мормона. Перед тем она поссорилась со своим возлюбленным и назло ему, из оскорбленного самолюбия, подчинилась отцу.

— То есть приняла предложение?

— Да. Но тут-то и началось самое странное.

— Продолжайте, прошу вас.

— Девушка не знала, что ее жених мормон. Это выяснилось, только когда караван вышел в прерии. Тогда же ей стало известно, что венчание было чистой фикцией — его совершил какой-то другой мормон, переодетый священником.

— А отец девушки знал об этом обмане?

— Он, по-видимому, знал только, что выдает дочь за мормона, но не о том, что обряд недействителен, хотя присутствовал при нем.

— Странно!

— Но самое странное, кабальеро, впереди. Как вы думаете, с какой целью обманули бедную девушку?

— Совершенно не могу себе представить. Но продолжайте, пожалуйста.

— Черт возьми! Поистине цель можно назвать адской. Сейчас я вам все расскажу. Во главе мормонов стоит первосвященник, пророк, как они его величают. У него, как у турка, есть настоящий гарем. О том, какую страшную судьбу готовит ей ее лжесупруг, девушка узнала, только когда караван был уже вблизи от Большого леса, поэтому она убежала. Ей обо всем рассказали ее спутницы, правоверные мормонки, которые завидовали выпавшей на ее долю чести.

— Но что хотел с нею сделать этот негодяй?

— Он предназначал ее для гарема мормонского пророка... Посмотрите! — вдруг вскричал траппер, прерывая свой рассказ. — Сигнальный дым Уа-ка-ра. На коней! На коней! Смерть арапахо!

Спрыгнув со скалы, я вскочил на своего коня и присоединился к отряду, стремительно ринувшемуся в атаку.

Когда мы карьером вылетели из каньона, я услышал позади женские голоса и обернулся. Женщины племени юта верхом на лошадях и мулах появились в ущелье с белой охотницей во главе. Мне нужно было с ней поговорить, но останавливаться было поздно — мои союзники заклеямили бы меня позором как труса и предателя. Не колеблясь ни одного мгновения, я присоединил свой голос к их боевому кличу и помчался вперед в атаку.

Глава LXXVII

НЕОЖИДАННОСТЬ

Не успело облачко порохового дыма растаять в воздухе, как на равнине показалась какая-то темная масса. Это был отряд Уа-ка-ра, который, подав сигнал, галопом выскочил из нижнего каньона. Мы были слишком далеко, чтобы услышать их воинственный клич, но на наш боевой призыв раздался двойной отклик справа и слева, и через минуту потоки темных фигур вырвались на равнину из боковых ущелий. Послышались крики арапахо. В них чувствовались ужас и изумление. Было очевидно, что наши противники захвачены врасплох, что они и не подозревали о близости своих смертельных врагов, надвигавшихся сейчас со всех сторон. Краснокожие, правда, редко поддаются панике. Привыкая с юных лет к войне со всеми ее неожиданностями, они всегда готовы встретить внезапное нападение.

Смятение в рядах арапахо было вызвано численным превосходством врага. Не будь этого, их не смутило бы то, что они окружены. Собственно говоря, вождь ютов избрал этот план только для того, чтобы помешать арапахо уклониться от боя. Иначе ему пришлось бы ждать ночи, так как подобраться на расстояние выстрела с одной стороны днем было невозможно. У арапахо лошади были не хуже, чем у ютов, и, заметив многочисленность своих врагов, они могли ускакать, не вступая в бой, и не потеряли бы ни одного человека. Расчет Уа-ка-ра оказался правильным, и арапахо ничего больше не оставалось, как принять бой. Одновременное нападение с четырех сторон несомненно пугало их, но не вызвало заметной растерянности. Мы видели, как воины арапахо устремились за холм к лошадям. Через мгновение большинство из них уже сидели на своих конях, сжимая в руках длинные копыя. В этот момент долина представляла собой весьма оживленную картину. С каким волнением должен был следить за всем этим человек, находившийся на холме, если только он был еще жив!

Раскрашенные арапахо молча сбились тесной толпой вокруг своего вождя и на несколько минут застыли в неподвижности. С севера, юга, востока и запада к ним га-

лопом приближались четыре отряда ютов, и их боевой клич сотрясал воздух. Неужели Кровавая Рука допустит, чтобы на него напали сразу все четыре отряда, приближающиеся с одинаковой быстротой?

— Карамба! Не понимаю, почему они стоят! — закричал траппер, скакавший рядом со мной. — Ага! Они, видно, поджидают вон тех пеших воинов, которые выходят из роши. Это их и задерживает!

Мексиканец указал на рошицу недалеко от холма, из которой появилось человек двадцать индейцев. Все они шли пешком, а троих или четверых несли на руках.

— Это раненые, — продолжал траппер, — их, должно быть, устроили в тени деревьев, чтобы укрыть от солнца. Смотрите! Навстречу им ведут лошадей. Значит, арапахо все-таки собираются спасаться бегством!

Несколько всадников отъехало от подножия холма, держа свободных лошадей на поводу, видимо, с намерением подобрать пеших людей, изо всех сил торопившихся им навстречу. Разбившись на группы по несколько человек, эти индейцы тащили на себе своих беспомощных товарищей. Только одна группа никого не несла, а вела какого-то человека. Наше внимание привлекли жесты — ему угрожали и заставляли его идти быстрее.

— Черт возьми! — воскликнул мексиканец. — Это не раненый, а пленник! Может быть, один из ваших товарищей?

— Да, конечно! — ответил я.

— Ах, бедняга! — воскликнул траппер. — Скальп его явно в опасности. Но зачем они так стараются увезти его отсюда живым? По-моему, им самим пора подумать о спасении, а не заниматься пленником. Провалиться мне на этом месте — с ними женщина.

— Вы правы. Я узнаю ее. Теперь понятно, почему они его не убили.

— Как, вы ее знаете?

— Да. Надеюсь, что она защитит его, но...

Я не успел кончить фразу. Как раз в этот момент к пешим индейцам подвели коней, и они вскочили на них, устроили раненых на крупах и беспорядочной толпой

устремилась к главному отряду. Вдруг одна из лошадей, несшая двух всадников, отделилась от этой толпы и помчалась по направлению к нам. Казалось, что она кинулась в сторону, чего-то испугавшись, а седоки, подскакивая и болтаясь в седле, стараются ее удержать. В то же мгновение мы увидели, как несколько воинов арапахо помчалось вдогонку за беглянкой. Лошадь с двойной ношей неслась вперед, и, когда она приблизилась к нам на расстояние в несколько сот шагов, я понял, что все это значит. На крупе лошади был Френк Уингроув, а впереди него сидел воин арапахо. Они были связаны ремнем из сыромятной кожи, но молодой охотник крепко охватил индейца и завладел поводьями. Он-то и направлял лошадь к нашему отряду. Я радостно вскрикнул, так как уже нельзя было сомневаться, что мой друг спасен — до нашей встречи оставалось всего несколько секунд. Его преследователи повернули назад, не желая рисковать своими скальпами. Услышав мой возглас, Уингроув узнал меня, несмотря на серапе, и направил лошадь прямо к нам.

— Ура, капитан! — закричал он подъезжая. — Нет ли у вас ножа, чтобы отцепить от меня этого индейца? Ему туговато приходится в моих объятиях. Уймись ты, собака! А то я тебе все ребра переломаяю! Сиди смирно!

Во время их скачки воин изо всех сил старался освободиться из мощных рук своего противника, пытаясь то соскочить с лошади, то повернуть ее обратно. Но ремни, предназначенные для того, чтобы удержать при нем пленника, оказались путами для него самого. Освободив каким-то образом свои руки, Уингроув поменялся ролью со своим сторожем, превратив в пленника его самого.

У меня ножа не оказалось, но мексиканец, имевший при себе все необходимое снаряжение, вытащил из ножен свой и пронесся мимо меня. Я решил, что он хочет перерезать ремень. Он так и сделал, но предварительно всадил лезвие в сердце арапахо. Индеец вскрикнул, и тело его безжизненно повисло. Одним ударом окровавленного ножа мексиканец перерезал ремень, и труп, соскользнув с лошади, свалился в траву.



На крупе лошади был Френк Уингроув, а впереди него — воин арапах.

— Ну, американец! — воскликнул траппер, протягивая Уингроуву нож. — Возьмите себе это оружие за немением лучшего. А теперь — вперед!

Хотя мы задержались всего на несколько минут, наш отряд успел далеко опередить нас, и передние всадники уже открыли огонь по арапахо.

Г л а в а LXXVIII

АТАКА

Ускакавшие вперед всадники некоторое время заслоняли от меня врагов. Юты остановились и начали стрелять. В дыму ничего нельзя было разглядеть, но остановка навела меня на мысль, что арапахо собирались встретиться нас у подножия холма. На самом деле это было не так. Арапахо повернули и поскакали вниз по долине, где им предстояла встреча с Уа-ка-ра. К этому они, видимо, и стремились, понимая, что, окруженные со всех сторон, они могут спастись, только атаковав один из наступающих отрядов и открыв себе таким образом путь к отступлению. Кого именно атаковать, решить было нетрудно, так как на их пути в родные прерии стоял отряд Уа-ка-ра, и, так как арапахо пришлось бы в конце концов все равно отступить в ту сторону, они двинулись вниз по долине. Я увидел их отступление с небольшой возвышенности, на которую мы в этот момент поднялись. Вдали показался мчавшийся им навстречу отряд Уа-ка-ра. Через несколько минут заклятые враги должны были столкнуться. Индейцы из нашего отряда все время подгоняли своих лошадей, так что ни я, ни мои товарищи не могли поспеть за ними. Наступавшие же справа и слева разом повернули на помощь своему вождю. Мы находились уже совсем близко от подножия холма. Увлеченный погоней, я чуть не забыл взглянуть на его вершину, как вдруг громкий возглас напомнил мне о пленнике, привязанном к кресту. Это был голос Верного Глаза. Слава богу! Стрелок был жив!

— Ура! Ура! Валяйте, кто бы вы ни были! Догоняйте этих подлецов! Сдирайте скальпы со всех подряд! Ура!

Отвечать на эти восторженные возгласы было некогда. Довольно было того, что они исходили от нашего друга, доказывая, что он жив. Страшно было смотреть, как столкнулись два отряда краснокожих. Схватка сопровождалась дикими воплями, громоподобным шумом ломающихся копий и раскатами выстрелов. На мгновение отряд Уа-ка-ра заколебался. Противник значительно превосходил его численностью. Но юты были вооружены пистолетами и ружьями, и ряды арапахо начали быстро редеть. Было видно, как краснокожие воины падали с лошадей и испуганные животные метались по полю боя, присоединяя свое дикое ржание к общему шуму битвы. Один решительный натиск, короткая, но отчаянная стычка — и сражение сразу превратилось в беспорядочное бегство. Несколько десятков прорвавшихся арапахо помчались к нашему каньону. Объединившиеся отряды ютов неслись за ними, стреляя им вслед. Ни мне, ни Уингроуву не пришлось принять участие в сражении. Оно кончилось прежде, чем мы успели подъехать, да, пожалуй, мы немногим помогли бы нашим союзникам. Очень трудно было отличить друзей от врагов, потому что и те и другие были одинаково раскрашены и одинаково одеты для боя, иными словами — обнажены до пояса.

Доехав до того места, где разыгралась битва, мы увидели картину, которая в другое время привела бы нас в ужас. Сотни мертвецов валялись на земле. Среди них были и арапахо и юты. Раненых ютов окружали товарищи. По полю носились лошади без всадников, и везде валялись копья, щиты, луки, колчаны и стрелы. Человек десять воинов стояли недалеко, окружив, по-видимому, тело одного из вождей. Я с некоторым страхом приблизился к ним, опасаясь, что это благородный Уа-ка-ра. Но одного взгляда было достаточно, чтобы рассеять мою тревогу. Все тело убитого покрывали раны, он был оскальпирован, но я все-таки узнал в нем Кровавую Ручку, вождя арапахо.

Мексиканец тем временем удостоверился, что Уа-ка-ра цел и невредим и возглавляет погоню за арапахо. Успокоившись, мы с Уингроувом повернули лошадей и поехали к одинокому холму.

Г л а в а LXXIX
ТРАГЕДИЯ И КОМЕДИЯ

Наконец нам представилась возможность поговорить. Я мог бы сообщить Уингроуву новость, которая сделала бы его счастливейшим из смертных, но решил не торопиться.

«Скоро они встретятся, — думал я. — Пусть же они обрадуются одновременно!»

Мое сердце обливалось кровью! Мексиканец и не подозревал, какие мучения причинил мне его рассказ.

Уингроув вкратце сообщил мне, как ему удалось остаться в живых. Так же как и я, он был взят в плен без тяжелых ранений. Индейцы, конечно, убили бы его, но вмешалась Су-ва-ни, которая, очевидно, имела какое-то влияние на Кровавую Руку. Она спасла его, но лишь для того, чтобы сделать своим пленником. Девушка отвела его в небольшую рощу недалеко от холма. Напрасно пытался он найти способ ускользнуть от нее. Су-ва-ни всю ночь напролет не спускала с него глаз, и он смог спастись только благодаря смятению, вызванному нашим неожиданным появлением.

Все это молодой охотник рассказал мне в нескольких словах. Мы были уже совсем близко от подножия холма и не только ясно видели Верного Глаза, но даже могли говорить с ним. Но кто бы узнал нашего янки в таком виде? Он был разрисован так же, как недавно я: черное лицо, плечи и руки и белый круг на груди с красным пятном посредине.

— Ах, черт побери! — закричал он, увидев нас издали. — Неужели это вы, капитан? И Уингроув тоже здесь?

— Да, отважный друг. Ваш выстрел спас нас всех троих. Потерпите еще немного, сейчас мы вас освободим.

Спрыгнув с коней, мы торопливо поднялись на холм. Я все еще тревожился о Верном Глазе, но, подойдя к нему, успокоился. Подобно мне, он получил несколько ран, но не опасных для жизни, сто раз находился на волосок от смерти и все-таки остался жив. Его веселость не изменила ему и во время ужасного испытания, и он даже шутил со своими безжалостными мучителями. А теперь, когда опасность миновала, его шутки сыпались непре-

рывно. Впрочем, нет — иногда он вдруг замолчал, и на его лицо, как и на наши, набегала тень грусти; мы не могли не оплакивать судьбу несчастного ирландца.

— Бедный Патрик! — промолвил Верный Глаз, спускаясь с холма. — Он был самым веселым из всех моих товарищей. Мы должны найти его тело и похоронить похристиански. Что эти злодеи с ним сделали? Куда они его спрятали?

— Действительно, где оно? — заметил я. — Оно лежало вон там, на равнине. Я сам видел его.

— Да, капитан, и арапахо оскальпировали нашего ирландца. Вчера на закате солнца он лежал как раз на том месте, куда вы указываете. Сейчас его там нет, не было и сегодня утром, иначе я бы его видел. Как вы думаете, что они с ним сделали?

Исчезновение тела чрезвычайно удивило нас всех. Волки не могли его съесть, потому что индейцы всю ночь находились на равнине, и их костры горели совсем близко от того места, где лежал наш несчастный товарищ. Правда, койоты не испугались бы костров, но не могли же они съесть и кости. Мы обошли холм и тщательно осмотрели равнину за ним. Там тоже ничего не было. Да! А река? Холм находился ярдах в пятидесяти от нее. Может быть, индейцы сбросили труп в воду? Мы пошли к реке, правда совершенно не надеясь найти останки несчастного. Ее бурное течение, конечно, давно унесло их.

— А вдруг его выкинуло на берег? — высказал предположение Верный Глаз. — Надо бы его найти и похоронить как следует, капитан. Может быть, попробуем поискать?

Мы пошли по берегу, поросшему ивами. Их стволы склонялись над рекой, а длинные, трепещущие листья касались поверхности воды. Местами они образовывали густые заросли. Пройти к реке можно было, лишь пробравшись через них. Мы вошли в чашу, Уингроув шагал впереди. Я увидел, что он наклонился, словно рассматривая что-то, и вдруг воскликнул:

— Одно из двух: здесь кто-то полз или кого-то тащили... Нет! — добавил он после небольшой паузы. — Его не тащили — он сам полз на четвереньках. Посмотрите!

Ясно как божий день, что это след колена, и колена покрытого сукном. Индеец не мог оставить такой след.

Мы наклонились, чтобы лучше рассмотреть его. Несомненно, это был след человеческого колена. В мягкой почве ясно виднелся рубчатый отпечаток, оставленный, по-видимому, грубой, шерстяной тканью.

— Разрази меня гром, — воскликнул Верный Глаз, — это казенное сукно! Это след Патрика! Да неужто он еще жив?

— Мать пресвятая! Неужели это ты, Верный Глаз! — донесся до нас хриплый шепот.

Казалось, он шел из недр земли.

Несколько секунд мы стояли, окаменев от изумления.

— Верный Глаз, — продолжал тот же голос, — помоги-ка мне выбраться отсюда! У меня нет сил влезть по откосу.

— Ей-богу, это Патрик! Где же ты, дружище? Неужели жив?

— Ох! Кажется еще жив, но только наполовину. И к тому же я почти утопленник. Ну-ка, дай руку и вытащи меня! Сам я двигаться не могу, у меня сломана нога.

Мы все трое бросились к воде и под склонившимися ивами, где течение размыло берег, увидели окровавленную голову нашего оскальпированного товарища! Он сидел по шею в воде. Мы немедленно вытащили беднягу на берег. Действительно, одна его нога была сломана ниже колена, а на теле виднелось несколько ран. Неудивительно, что арапахо сочли его мертвым.

Однако ни одна из ран не была особенно тяжелой, и можно было надеяться, что он поправится. Подняв несчастного со всеми возможными предосторожностями, мы отнесли его к холму.

Арапахо побросали все свои вещи и снаряжение, в том числе одеяла и бизоньи шкуры. Из них мы соорудили мягкое ложе в тени фургона, положили на него нашего товарища и перевязали как умели его раны.

Исчезновение О'Тигга объяснялось просто. Он только притворился мертвым, понимая, что индейцы считают его убитым. Ирландец лежал, боясь сделать малейшее дви-

жение, а воины, занятые своими делами, не обращали никакого внимания на его неподвижное тело. Совершенно случайно в беспамятстве он закрыл лицо руками, а затем, придя в сознание и сообразив, что в таком положении ему легче притворяться мертвым, продолжал сохранять ту же позу. Однако сквозь пальцы ему удавалось наблюдать за всем, что происходило на равнине; индейцы же и не подозревали, что он жив!

Положение ирландца было ужасно. Время от времени мимо него проходили, шатаясь, пьяные арапахо, и в любой момент кто-нибудь из них мог проткнуть его копьем, хотя бы просто для того, чтобы еще раз поиздеваться над трупом бледнолицего. Когда наступила ночь и холодный воздух немного восстановил его силы, у него появилась смутная надежда на спасенье. Индейцы, сидевшие вокруг костров, по-прежнему не обращали на него внимания, и, когда совсем стемнело, он пополз к реке. Его гнали туда нестерпимые муки жажды; кроме того, он надеялся спрятаться там. Больше часа пришлось ему ползти, чтобы достичь берега, но он наконец добрался до воды и укрылся под ивами, где мы его и нашли. Вот так — почти чудом — ему удалось спастись.

Словно для того, чтобы подтвердить постоянное чередование в жизни грустного и веселого, слез и смеха, трагедия сменилась фарсом. Наш разговор неожиданно был прерван забавным эпизодом. К фургону подъехал Арчили и, остановившись, устремил глаза на какой-то предмет, лежавший в траве. Это был цилиндр Верного Глаза, о котором уже упоминалось. Пристально поглядев на него, мексиканец соскользнул с коня, подошел, ковыляя, к шляпе и поднял ее. Затем, злобно выругавшись, он швырнул цилиндр на землю и начал топтать его ногами, словно ядовитую змею.

— Эй ты, там! — заорал Верный Глаз. — Ты что, с ума сошел? Ты же топчешь мою шляпу, желтопузый дурак!

— Вашу шляпу? — отозвался траппер с презрением. — Черт возьми, сеньор! Постыдились бы носить эту дрянь. Брр!..

— А чем же цилиндр хуже всякой другой шляпы?

— Будь он проклят! — продолжал мексиканец, отвя-

зывая свою деревянную ногу от пояса и колотя ею по цилиндру. — Если бы не это мерзкое изобретение, нам, бедным трапперам, жилось бы лучше. Карамба! Из-за него бобровые шкуры подешевели. А ведь всего десять лет назад мы выручали шесть песо за каждую! Только подумать — шесть песо! У, проклятый!

С этим восклицанием разъяренный мексиканец еще раз ударил многострадальный цилиндр своей деревяшкой и, с презрением отбросив его носком сапога, заковылял к лошади.

Верный Глаз собрался было вспылить, но я тотчас же успокоил его, объяснив ему, почему трапперы так ненавидят цилиндры, которые, как они считают, их разорили.

— Ну и черт с ней, с этой шляпой, — сказал Верный Глаз. — Это цилиндр нашего маркитанта. Видите ли, капитан, уходя из форта, мы так торопились, что я не успел захватить мою старую фуражку. Вот как он попал ко мне. — И, обращаясь к трапперу, он добавил: — Может, сударь, вам эта шляпа больше понравится?

Верный Глаз поднял с земли украшенный яркими перьями головной убор какого-то убитого арапахского воина, надел его на голову и стал расхаживать взад и вперед, словно какой-нибудь индейский щеголь. Его вид показался нам настолько комичным, что все кругом покатались со смеху. Особенно неудержимо хохотал мексиканец, взвизгивая и прерывая свой смех всевозможными испанскими ругательствами. Даже наш раненый товарищ присоединился к общему веселью.

Г л а в а LXXX СТРАШНАЯ МЫСЛЬ

Я не присоединился к смеху моих товарищей. Теперь у меня было время поразмыслить над потрясшим меня рассказом траппера, и я чувствовал невыразимую душевную боль. Я был твердо уверен, что отважная охотница, которую юты называли Мэ-ра-ни, была, конечно, не кто иная, как Мэриен, так хорошо известная мне по рассказам Уингроува. Каждая подробность, сообщенная

мне траппером, убеждала меня в этом. Время, место, путь, избранный караваном, переселенцы-мормоны — все согласовалось с тем, что было нам известно о первом путешествии Стеббинса через прерии. Мексиканец, правда, не упоминал никаких имен. Скорее всего, он их не знал, да если бы и знал, вряд ли сумел бы произнести. Но и без этого я не сомневался, что именно Джошуа Стеббинс был лжесупругом, а девушка-охотница, которую он обманом пытался увести в город мормонов, была исчезнувшая возлюбленная моего друга Уингроува и сестра моей дорогой Лилиен. Этим и объяснялось сходство, поразившее меня с самого начала. Теперь оно уже не казалось мне смутным — я ясно видел, что сестры действительно похожи. Уингроув не раз с восторгом рассказывал мне о замечательной красоте Мэриен. Признаться, я не очень доверял ему, считая, что он смотрит на нее глазами влюбленного, и даже не подозревал, насколько предмет его похвалы заслуживает подобного восхищения. Но теперь я больше не удивлялся пылкости моего друга и считал его восторг вполне оправданным. Даже преувеличенные сравнения, которые он употреблял, говоря о Мэриен, уже не казались мне неуместными. Если бы я увидел ее прежде, чем Лилиен, или, вернее, если бы я никогда не видел Лилиен, я тоже, может быть, отдал бы сердце этой смуглой красавице. Но теперь, конечно, это было невозможно. Яркий тюльпан может привлечь взгляд, но аромат нежной фиалки отраднее для души. Даже увидев обеих девушек одновременно, я, не колеблясь, выбрал бы золотоволосую Лилиен. Моя любовь к Лилиен была глубокой и постоянной, она владела всем моим существом. Ей суждено было обитать в моем сердце до конца моих дней. Даже в те страшные часы, когда смерть, казалось, витала надо мной, мысль о Лилиен пересиливала все, и я больше думал о грозивших ей опасностях, чем о собственном спасении. Теперь же, когда я был в безопасности, мог ли я думать о судьбе моей любимой с меньшей тревогой? Не грозила ли и ей та же чудовищная участь, которую, судя по рассказу траппера, готовил Джошуа Стеббинс ее сестре? Чем дольше я думал об этом, тем с большим ужасом сознавал полную вероятность такого предположения.

Я знал, что отец Лилиен не сможет защитить ее от пророка мормонов — деспота, власть которого в колонии была безгранична и неповиновение которому влекло за собой быструю и таинственную смерть от руки данитов — «ангелов-мстителей». Не мудрено, что я дрожал за ее судьбу и лоб мой покрывался холодным потом от невыносимой душевной муки.

Г л а в а LXXXI ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Найдя уединенное место среди скал, я бросился на траву и, закрыв лицо руками, предался своему горю. Я был так поглощен своими печальными мыслями, что не заметил, как мимо меня прошли женщины юта. Они, не останавливаясь, миновали холм, направляясь к месту, где произошло сражение. Лишь скорбный плач и погребальные причитания над долиной напомнили мне об их присутствии. Вскоре звуки причитаний стали нарастать и превратились в заунывную, жалобную песню. По временам она прерывалась пронзительным воплем, указывавшим на то, что среди убитых обнаружен кто-нибудь из близких — отец, брат или муж, павший от копья арапахо.

Была ли Мэ-ра-ни среди этих плакальщиц? Мысль о ней пробудила меня от тяжелых дум, и в моей душе промелькнул луч надежды. На нее, на эту отважную охотницу, возлагались все мои упования. Я решил, не теряя ни минуты, поговорить с ней.

Я поднялся и, направляясь к своему коню, увидел приближавшегося ко мне Уингроува. Его лицо снова стало печальным. Но одно мое слово могло тотчас же разогнать тоску, терзавшую его в течение долгих шести месяцев! Он даже не подозревал, что в моих руках находится его счастье! Мое собственное сердце истекало кровью, но в моей власти было залечить сердечные раны и Уингроува и Мэриен. Сделать ли это сейчас или подождать? Нет, я не имел права играть любящими сердцами. Пусть они отдадутся радости! Но объявить им чудесную новость одновременно обоим невозможно. Кому же отдать

предпочтение? Конечно, даме, как того требует вежливость. Уингроуву придется подождать.

Однако лицо его было так грустно, что я едва не проговорился об ожидающем его счастье. Очевидно, он хотел сообщить мне что-то касавшееся наших дальнейших действий.

— Мне надо поговорить с вами, капитан, — сказал он с озабоченным видом. — Лучше обсудить все, прежде чем мы двинемся дальше. Я еще не рассказал вам, что девушка сообщила мне о караване.

— Какая девушка?

— Су-ва-ни.

— А-а! Что же она вам сказала? Поскольку сведения идут от нее, вероятно, они очень приятные, не так ли?

Этот иронический вопрос был задан мной не потому, что мне хотелось шутить. О нет!

— Да, капитан, — ответил мой товарищ, — веселого мало, хоть я не знаю, сколько в ее словах правды, потому что она не раз уже врала. Однако Су-ва-ни сама была в караване и должна знать обо всем.

— О чем? — спросил я.

— Она сказала, что караван разделился. Одна половина вместе с драгунами повернула на юг, к Санта-Фе, а вторая — мормоны — пошла через другой перевал, на север, к своим поселениям у Соленого озера.

— Мы ведь этого и ожидали.

— Но есть еще другая новость, много хуже.

— Хуже? В чем же дело, Уингроув? — спросил я, охваченный внезапным беспокойством.

— Холт отправился с мормонами.

— Меня это нисколько не удивляет. Я так и предполагал.

— Ах, капитан! — продолжал молодой охотник со вздохом, и глубокая грусть отразилась на его лице. — Случилось кое-что похуже.

— Что же? — воскликнул я, охваченный страшным подозрением. — Какие-нибудь известия о ней? Ну, говорите же! С ней что-нибудь случилось?

— Самое плохое, что могло случиться. Она умерла.

Я вздрогнул, словно раненный в сердце. Оно так судорожно затрепетало, что я не мог вымолнить ни слова,

и, онемев от боли, молча смотрел на своего собеседника.

— В конце концов, — продолжал он, — может быть, все это к лучшему. Я уже говорил и еще раз повторяю, ей лучше умереть, чем быть женой проклятого мормона. Бедная Мэриен! Жизнь ее была недолгой и не очень счастливой.

— Мэриен? Вы говорите о ней?

— Ну конечно, о ней, капитан. О ком же еще?

— Мэриен умерла?

— Да. Бедняжка так и не доехала до Солт-Лейк-Сити, куда вез ее этот подлец. Она умерла в пути и похоронена где-то в прериях. Хоть бы знать, в каком месте, чтобы взглянуть на ее могилу!

— Кто рассказал вам эту чушь? — рассмеялся я.

Охотник взглянул на меня с изумлением. Вероятно в эту минуту мой смех показался ему очень неуместным.

— Индианка слышала о ее смерти от Лил, — ответил он. — А той, так же как и Холту, это рассказал Стеббинс. Бедняжка! Такая молодая!

— Не предавайтесь отчаянию, дружище! Либо Сува-ни солгала, либо Стеббинс: мормону нужно было обмануть отца, а индианке вас — им обоим эта ложь на руку. Это неправда, Мэриен Холт не умерла.

— Мэриен не умерла?!

— Нет, она жива и любит вас. Слушайте.

Я не мог больше скрывать от него радостную тайну. Облегчение, которое я почувствовал, поняв, что охотник говорит не о Лилиен, было слишком велико, чтобы я мог спокойно смотреть на страдания охотника. И я поспешно рассказал ему о событиях, случившихся после нашей разлуки. Выслушав меня, он восторженно вскричал:

— Так, значит, ее заставили уехать! Я так и знал! Где же она, капитан? Пойдемте к ней! Я буду на коленях просить у нее прощения. Во всем виновата индианка! От нее пошли все беды. Но где же Мэриен?

— Терпение! — сказал я. — Вы скоро ее увидите. Она где-то здесь, в долине, с женщинами племени юта. Садитесь на лошадь, и едем.

МЭ-РА-НИ

Мы объехали холм и увидели толпу причитающих индианок. Вдруг от нее отделилась всадница и направилась в нашу сторону. Я узнал полосатое серапе и украшенный перьями головной убор отважной охотницы. Нетрудно было узнать ее и по собаке, которая неслась за ней, не отставая от лошади.

— Смотрите! — воскликнул я. — Вот Мэриен... ваша Мэриен!

— Да, это действительно она. В таком странном наряде я бы ее, пожалуй, не узнал, но вон бежит Волк, а его с другой собакой не спутаешь.

— Может быть, мне лучше поговорить с ней одному, — предложил я, — и подготовить ее к встрече с вами? Как вы думаете?

— Как хотите, капитан. Может, вы и правы.

— Ну, так спрячьтесь за фургон. Оставайтесь там до тех пор, пока я вас не кликну.

Мой товарищ послушно повернул обратно и спрятался за фургоном.

Охотница направлялась к холму, но, вместо того чтобы двинуться ей навстречу, я остался на месте. Через несколько минут она была почти рядом, и меня еще раз поразила величественная красота этой удивительной девушки. Мэриен ехала верхом по-индейски: белая шкура козы служила ей седлом, а сыромятный ремень — стременем. Ее посадка была необыкновенно смелой и уверенной.

— А, это вы! — воскликнула она, останавливаясь возле меня. — Я вижу, что вы живы и невредимы. Значит, все благополучно?

— Я не подвергался никакой опасности — мне даже не пришлось участвовать в сражении.

— Тем лучше. Воинов юта было достаточно и без вас. А ваши спутники? Живы ли они? Я искала вас, чтобы узнать о них.

— Благодаря вам и счастливой судьбе все они уцелели, даже тот, кого арапахо оскальпировали и кого мы никак не надеялись увидеть в живых.

— Неужели?

— Да. Он опасно ранен, но мы все же надеемся, что он поправится.

— Пойдемте к нему! У моих индейских друзей я немного научилась врачеванию. Позвольте мне осмотреть вашего товарища. Может быть, мне удастся помочь ему.

— Мы уже его перевязали. Я уверен, что ничего большего сделать нельзя, и теперь надо положиться на время. Но у меня есть еще один товарищ, страдающий от ран иного характера, которые только вы сможете излечить.

— Иного характера? — удивленно повторила она, озадаченная. — Что же это за раны?

Я помолчал, прежде чем ответить. Подозревала ли она о двусмысленности моих слов, сказать не могу. Во всяком случае, она ничем себя не выдала.

— Во время моего пребывания у ютов, — сказала она — мне приходилось видеть самые разнообразные ранения и наблюдать, как их лечат, поэтому, вероятно, и для вашего друга можно будет что-нибудь сделать. Но вы говорите, что только я одна могу их излечить?

— Вы и только вы.

— Как же это так? Я не понимаю.

— Раны, о которых я говорю, не телесные.

— А какие же?

— Сердечные.

— Ах, сэра, вы говорите загадками. Если вашему товарищу попала в сердце пуля или стрела...

— Стрела, — прервал я ее.

— Тогда он умрет. Никто не сможет спасти его.

— Кроме вас. Вы одна можете извлечь стрелу и вернуть ему жизнь.

Озадаченная моими загадочными словами, она некоторое время молчала, с удивлением устремив на меня свои большие глаза.

Если бы эти прекрасные очи были голубыми, а не карими, мне показалось бы, что на меня смотрит Лиlien! Во всем, кроме цвета, они походили на те, что навсегда запечатлелись в моем сердце. Очарованный этим сходством, я смотрел в них так пристально и так долго, что

она могла ошибиться в значении моего взгляда. По-видимому, так оно и было, потому что девушка опустила глаза, и яркий румянец залил ее щеки.

— Простите мою нескромность, — сказал я, — меня поразило сходство.

— Сходство?

— Да. Я вспомнил самый сладостный час моей жизни.

— Я кого-то напоминаю вам?

— О да!

— Кого-то, кто вам был очень дорог?

— Не только был, но дорог до сих пор.

— А на кого же мне выпало счастье быть похожей?

— На ту, что дорога и вам, — на вашу сестру.

— На мою сестру?

— Да, на Лилиен.

Г л а в а LXXXIII

ВОСПОМИНАНИЯ

Поводья выскользнули из ее рук, и ружье упало на шею лошади. Она смотрела на меня, онемев от изумления. Наконец почти машинально она повторила шепотом:

— На мою сестру Лилиен?

— Да, Мэриен Холт, на вашу сестру.

— Откуда вам известно мое имя?.. Вы знаете и мою сестру?

— Знаю и люблю ее. Она безраздельно царит в моем сердце.

— А она... отвечает вам взаимностью?

— Надеюсь, что да, но — увь! — у меня нет полной уверенности в этом.

— Как странно! Скажите мне, кто вы? Я не сомневаюсь, что вы говорите правду. Вы знакомы с сестрой и знаете мое имя. Да, я Мэриен Холт. А вы... вы тоже из Теннесси?

— Я приехал прямо оттуда.

— С Обайона? Может быть, с...

— С вырубки вашего отца, с Иистой речки, Мэриен.

— Ах, как все это неожиданно!.. Какое счастье,

что мы встретились с вами! Так, значит, вы видели сестру?

— Да.

— И разговаривали с ней! Давно?

— Меньше месяца назад.

— Так недавно! Как она выглядит? Здорова ли?

— Как выглядит? Красива, как вы, Мэриен. И, когда я ее видел в последний раз, она была совершенно здорова.

— Дорогая моя Лилиен!.. О! Какая радость узнать хоть что-нибудь о ней! Да, я знаю, что она очень красива! Говорили, что я тоже была хороша, но думаю, что в этой дикой пустыне моя красота давно поблекла. А Лилиен... Расскажите мне о сестре! Как я хочу снова с ней увидеться! Прошло лишь шесть месяцев с тех пор, как мы расстались, а кажется, что пролетело уже шесть лет. Моя прелестная маленькая Лилиен! Но, может быть, уже не маленькая, сэр? Наверное, она уже выросла и стала такой же взрослой, как я?

— Да.

— А обо мне она рассказывала вам? Скажите мне, что она говорила о своей сестре!

В ее голосе слышалось беспокойство. Я поспешил рассеять его, рассказав, с какой нежностью писала мне о ней Лилиен.

— Добрая, милая Лил! Она любит меня так же, как и я ее! В течение многих лет мы никогда не разлучались. И всегда были одни... если не считать отца. Да, а как он? Здоров?

В ее странно изменившемся голосе вдруг почувствовалась сухость, причина которой была мне известна.

— Да, — ответил я, — ваш отец был совершенно здоров, когда мы виделись с ним в последний раз.

На короткое время наступило неловкое молчание, прерванное моим вопросом:

— Разве больше нет никого, о ком вы хотели бы спросить?

Я внимательно посмотрел ей в глаза. Она вспыхнула и тотчас же побледнела. У нее вырвался невольный вздох. Я не нуждался в дальнейших доказательствах правильности моих догадок. В ее душе несомненно жило

воспоминание, более волнующее, чем мысли о сестре и отце. В сердце Мэриен Холт глубоко запечатлелся образ красавца охотника Френка Уингроува, образ, который ничто не могло изгладить.

— Почему вы задаете такой вопрос? — спросила она наконец с притворным спокойствием. — Вам что-нибудь известно о моей жизни? Впрочем, вы, кажется, знаете все. Кто-нибудь говорил с вами обо мне?

— Да, и часто. Тот, кто думает только о вас.

— Кто же, позвольте узнать, проявляет столь непонятный интерес к бедной, всеми покинутой девушке?

— Спросите свое собственное сердце, Мэриен. Или вы хотите, чтобы я назвал этого человека по имени?

— Назовите.

— Френк Уингроув.

Мэриен не проявила удивления. Она, конечно, ждала этого имени, потому что какое же другое мог я упомянуть? Да, она не проявила удивления, но лицо ее заметно изменилось. Щеки побледнели, брови нахмурились и губы сжались.

— Френк Уингроув, — повторил я, видя что она молчит.

— Не знаю, зачем мне понадобилось, чтобы вы назвали его, — промолвила она, все еще сохраняя суровый вид. — Мне очень жаль, что я попросила назвать это имя. Я надеялась, что никогда больше его не услышу. По правде сказать, я его почти забыла.

Я не поверил ей, так как почувствовал в ее тоне притворство. Говорили лишь уста, но не сердце. По счастью, Уингроув не слышал ее слов. Они убили бы его.

— Мэриен! — воскликнул я с мольбой в голосе. — Вашего имени Френк Уингроув не забыл!

— Да, наверное, он упоминает его со смехом.

— Скажите лучше — со скорбью.

— Со скорбью? В самом деле? Почему же? Не потому ли, что ему не удалось обмануть меня?

— О нет! Он неизменно был вам верен.

— Неправда, сэр! Вы, вероятно, не знаете, что я была свидетельницей его низкой измены и сама видела...

— То, что вы видели, — прервал я ее, — лишь слу-

чайное недоразумение. Во всем виновата индианка, уверяю вас...

— Случайное недоразумение! — воскликнула Мэриен с презрительным смехом. — Я собственными глазами видела эту индианку в его объятиях. Какие еще нужны доказательства его вероломства?

— Я не отрицаю, но...

— Есть и другие доказательства его измены. Индианка сама хвасталась этим и в Суомпвилле и даже моей собственной сестре. Более того: еще один человек не раз видел их вместе. Любезничая со своей краснокожей красоткой в лесу, этот обманщик не думал, что земля имеет уши, а деревья — язык.

— Прекрасная Мэриен, — возразил я, — все то, что вам рассказали, — гнусная клевета. Вас хотели обмануть. Скажите, пожалуйста, кто вам это рассказал?

— Теперь все это уже не столь важно. Другой негодяй, который... Боже мой! У меня не хватает духу рассказать вам мою историю! Она настолько ужасна, что вы не поверите.

— О нет! Вы можете рассказать мне все. Я многое знаю, но кое-что мне еще непонятно. Я должен это выяснить... ради вас, Мэриен, ради Уингроува, ради вашей сестры.

— Моей сестры? Какое отношение это имеет к ней? Объясните, что вы подразумеваете, сэр.

Она с тревогой смотрела на меня, но я решил, что пускаться в подробности еще рано.

— Очень скоро, — сказал я, — вы узнаете все, что произошло после вашего отъезда из Теннесси. Но сначала расскажите о себе. Ведь вы обещали. Поверьте, мною руководит не праздное любопытство. Я признался вам в своей любви к Лилиен. Эта любовь привела меня сюда, она же и заставляет задавать вам вопросы.

— Все, что вы говорите, мне совершенно непонятно, — растерянно ответила охотница. — Кажется, вы знаете гораздо больше, чем я, но, по-видимому, вы хотите мне добра, и поэтому я охотно отвечу на любой заданный вами вопрос, ничего не скрывая.

— Благодарю, — сказал я. — Думаю, у вас не будет причины раскаиваться в вашем доверии.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Мне до некоторой степени была понятна причина откровенности Мэриен. Хотя она и постаралась выказать недоверие к тому, что я рассказал ей об Уингроуве, мои слова все-таки произвели на нее приятное впечатление. Она была мне благодарна и хотела ответить любезностью на любезность.

Я сам в этом разговоре преследовал две цели. Кроме всего остального, мне хотелось проверить, не разлюбила ли она Уингроува. Если так, то вместо счастливого соединения двух любящих сердец мне пришлось бы присутствовать при очень печальном расставании.

Я сразу приступил к делу. На все мои вопросы последовали самые чистосердечные ответы, полностью подтвердившие рассказ мексиканца.

— Ваш отец действительно принудил вас к этому браку?

— Да... — не совсем решительно ответила девушка.

— Зачем же он это сделал?

— Не знаю. Этот негодяй, видимо, имел над ним власть, но какую и почему, мне неизвестно. Отец говорил, что это долг, какая-то большая сумма, которую он не в силах уплатить. Хотелось бы верить, что это так.

— Значит, вы думаете, что Стеббинс вынудил вашего отца согласиться?

— Я уверена в этом. Отец говорил, что я спасу его от большого несчастья, если выйду за Стеббинса. Он скорее умолял, чем заставлял меня сделать это. Вы понимаете, сэр, что расспрашивать его о причине я не могла — он же мой отец, — однако мне кажется, что он и сам не хотел выдавать меня за этого человека, но чего-то боялся.

— Он знал, что брачная церемония недействительна?

— Нет, не может быть. Негодяй и его, наверное, обманул, так же как меня. На это отец не способен! Я знаю, люди всегда считали его злым, потому что он резок и груб. Но он не злой: с ним случилось какое-то несчастье, и он запил. Иногда его мучила тоска и он сердился на

весь мир, но на нас — никогда! Со мной и с сестрой он всегда был добр и ласков.

— Но ведь он знал, что Стеббинс мормон?

— Я стараюсь думать, что не знал, хотя Стеббинс и утверждал обратное.

Мне было известно, что она ошибается, но я промолчал.

— Слова Стеббинса, конечно, ничего не доказывают, — продолжала она. — Может быть, отец и знал, что он мормон, но не имел понятия о том, какие это дурные люди. Одни рассказывают о них всякие ужасы, а другие утверждают, что это клевета, и трудно понять, где правда, а где ложь. Я-то убедилась потом, что самые худшие рассказы о мормонах все-таки лучше действительности.

— Но вы, конечно, не знали, что Стеббинс — мормон?

— Как я могла знать? Об этом не было и речи. Он притворялся, что собирается переселиться в Орегон, куда сейчас многие едут. Знай я всю правду, я скорее утопилась бы, чем поехала с ним.

— Я думаю, что, если бы не одно обстоятельство, вы все-таки не подчинились бы воле отца. Вы говорите, что дали согласие, уступая его просьбе, но не повлиял ли на ваше решение случай на лесной поляне?

— Я обещала, что ничего не скрою от вас, и я скажу вам правду. Когда я обнаружила, что человек, уверявший меня в своей любви, — обманщик, я чуть не сошла с ума. Не хочу отрицать, что меня охватила злоба и жажда мести. Мне все стало безразлично, иначе разве я могла бы согласиться стать женой человека, к которому не чувствовала не только любви, но даже симпатии? Наоборот, можно сказать, что он внушал мне почти отвращение.

— А того, другого, вы любили? Скажите правду, Мэриен, вы же обещали. Любили вы Френка Уингроува?

— Да, — призналась она с глубоким вздохом.

— Ну, так скажите правду еще раз: а сейчас вы его любите?

— Ах, если бы он был мне верен!

— А если бы он остался вам верен, вы любили бы его?

— Да! Да! — с глубокой искренностью отвечала девушка.

— Так любите его, Мэриен, любите по-прежнему. Френк Уингроув верен вам!

Я тут же привел ей самые убедительные доказательства преданной любви охотника. Я говорил так горячо, словно дело шло обо мне самом, и, поскольку Мэриен очень хотела верить, она поверила. Мне удалось даже объяснить злополучный поцелуй, послуживший причиной стольких бед.

Глава LXXXV

ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вряд ли можно упрекнуть меня за то, что я с завистью смотрел на влюбленных, чьи сердца бились такой живой радостью. Мое же сжималось от боли. Мне не давал покоя страх за судьбу моей любимой, потому что я более не сомневался в намерениях Стеббинса относительно нее. Он предназначал ее, как раньше Мэриен, в жены «пророку» мормонов. Как помешать ему? Я не мог ответить на этот вопрос. Если бы все дело было только в том, чтобы догнать караван, это меня ничуть не тревожило бы. Мне было ясно, что, если нас опять что-нибудь не задержит, мы легко нагоним мормонских переселенцев. Опасаться нового столкновения с индейцами не приходилось, так как вся местность за горами принадлежала ютам, а они были нашими друзьями. Значит, можно было безбоязненно пуститься вслед за караваном. Но что же дальше? Какое право имел я вмешиваться в дела скваттера и его дочери, раз они решили отправиться со Стеббинсом в город мормонов? Во всяком случае, таково было намерение отца. Каким же способом помешать его выполнению? Мое появление, скорее всего, оказалось бы весьма нежелательным как для Стеббинса, так и для Холта, и они, пожалуй, встретили бы меня не очень любезно. А так как уже не оставалось сомнений, что ведет караван Стеббинс, мне могла угрожать опасность со стороны данитов, отряд которых, конечно, сопровождал его. Это было веское соображение. Попытка спасти Лилюен была связана не только с трудностями, но и с риском для

жизни. Первое, впрочем, беспокоило меня больше. Если бы я был уверен, что Холт даст свое согласие на задуманное мной похищение Лириен, никакая опасность меня не смутила бы. Даже если бы согласилась только сама Лириен, меня не испугал бы никакой риск. Но отец, конечно, не даст своего согласия на побег, а может быть, откажется и дочь. Последнее сомнение больше всего мучило меня. Рассмотрев положение со всех точек зрения, я пришел к выводу, что Холт, вероятно, не имеет ни малейшего представления об истинных намерениях Стеббинса. Старик был все-таки не лишен известного благородства, и Мэриен, наверное, была права, стараясь оправдать отца. Рассказ о том, что Мэриен умерла в дороге, несомненно, доказывал, что Холт был бессовестно обманут. Похоже было поэтому, что и в отношении второй дочери он мог тоже оказаться жертвой мошенничества. Ради того, чтобы убедиться в его непричастности к замыслам мормона, я и расспрашивал Мэриен так подробно.

Мормон явно имел на него какое-то влияние и даже — как я сам имел случай убедиться — внушал ему страх. По-видимому, оба были замешаны в каком-то темном деле, но вряд ли Холту нравилась эта зависимость от Стеббинса. Здесь, в дикой пустыне, он мог больше не бояться возмездия за давнее преступление, и, наверное, был бы рад случаю отделаться от своего тирана.

Все эти соображения одно за другим проносились в моем мозгу, и будущее представлялось мне в более розовом свете. Я невольно стал искать взглядом Мэриен, в которой видел верного союзника. Ведь она не менее меня стремилась спасти свою сестру.

Бедняжка! Она все еще наслаждалась своей радостью, не зная, какое горе ждет ее впереди. Уингроув, которого я просил пока ничего ей не говорить, охотно исполнил мою просьбу. Но время не ждало — я должен был прервать их нежную беседу.

Я увидел, что юты прекратили преследование и большинство вернулось на поле битвы, а остальные в одиночку и группами уже подъезжали к холму. Приближались и женщины. Они вели раненых и с торжественной погребальной песней несли убитых. Мельком взглянув на них, я спрыгнул с уступа и быстро спустился в долину.

ТИГРИЦА

Я направился к реке и на полдороге встретил влюбленных. При взгляде на их сияющие счастьем глаза меня охватила нерешительность.

«Все равно рассказывать сейчас нет времени, — подумал я. — Индейцы скоро соберутся, и нас позовут на совет. Не лучше ли пока отложить этот разговор? Пусть еще хоть час наслаждается она своим вновь обретенным счастьем!»

Пока я колебался, прекрасная охотница внезапно вздрогнула и отбросила руку, которую перед тем так нежно сжимала в своей. Мы с Уингроувом растерялись — Мэриен побледнела, потом покраснела и снова побледнела: глаза ее загорелись гневом. Она посмотрела на равнину, на Уингроува и снова на равнину. Я обернулся в ту же сторону и сразу понял все.

Уа-ка-ра уже подъехал к холму и, не сходя с лошади, остановился у фургона. Его окружали конные и пешие воины, среди которых можно было заметить женщину верхом на лошади. По-видимому, это была пленница, хотя и не связанная. Мы с Уингроувом без труда узнали Су-ва-ни, но еще раньше узнала свою соперницу Мэриен.

— Лицемерный лгун! Так вот чего стоят твоя любовь и твои клятвы! Ты снова предал меня! Боже мой! И я помогла его спасти!

— Послушай, Мэриен...

— Ничего не хочу слушать! С меня довольно! Иди к ней. Какое оскорбление! Даже сюда, в эту пустыню, привести за собой ту, что была причиной моего несчастья! Ах, она направляется сюда! Ну что же, сэр, встречайте ее, помогите ей сойти с лошади, поухаживайте за ней!.. Прочь от меня, негодяй! Уходи!

— Но клянусь тебе, Мэриен...

Он не успел договорить, как Су-ва-ни, вырвавшись из толпы, галопом понеслась к нам. Я был так поражен, что, как во сне, не мог двинуться с места, пока индианка не осадила коня прямо перед нами. Уингроув был изумлен



Су-ва-ни ринулась с ножом на соперницу...

не меньше меня. Су-ва-ни издала пронзительный крик и, спрыгнув с лошади, бросилась за Мэриен, которая после своей гневной речи отвернулась от нас и пошла к реке. Трудно было ошибиться в намерениях индианки. Лицо ее было искажено яростью, в руке сверкал длинный нож. Я закричал, чтобы предостеречь Мэриен; то же самое сделали Уингроув и скакавшие за пленницей воины юта. Услышав наш крик, охотница обернулась, по счастью, как раз вовремя. Она увидела опасность и мгновенно приняла оборонительную позу. Мэриен оставила ружье у холма, и защищаться ей было нечем. Мгновенно намотав на руку свое серапе, она, как щитом, заслонилась им от удара. Индианка помедлила, словно выбирая, куда ударить, и секунду обе женщины стояли лицом к лицу, глядя друг на друга с той напряженной ненавистью, на какую способна только ревность. Разъяренная тигрица готовилась прыгнуть на красавицу пантеру, преградившую ей путь. Все произошло так мгновенно, что ни я, ни Уингроув не успели добежать до них. Бросившись со всех ног вперед, мы все равно опоздали бы, будь удар более верно нанесен или менее искусно отражен. С яростным воплем Су-ва-ни ринулась на соперницу, но та ловким движением приняла удар на серапе, и лезвие скользнуло, не задев ее. В это мгновение на сцене появился новый участник, и Мэриен была спасена. Спас ее не кто иной, как Волк, ее верный пес.

Промахнувшись, индианка на мгновение потеряла равновесие, и, прежде чем она успела выпрямиться, перед ней появился Волк. С злобным рычанием собака вцепилась ей в горло. Зрелище было ужасным, и, поскольку Мэриен уже была вне опасности, мы с Уингроувом хотели оттащить собаку. Но, прежде чем мы успели это сделать, Су-ва-ни в ужасе отступила назад, к самому берегу, и, потеряв равновесие, упала в воду. Когда мы подбежали, ни ее, ни собаки не было видно. Однако они почти в ту же секунду опять показались на поверхности. Собака была сверху и по-прежнему сжимала зубами горло женщины. Несколько индейцев прыгнуло в воду, и после короткой борьбы животное удалось оттащить в сторону. Но они опоздали. Су-ва-ни была уже мертва.

ПОДОЗРЕНИЕ

Все индейцы столпились около мертвого тела Су-ва-ни. Но их восклицания не выражали сочувствия. Даже женщины смотрели на нее без всякой жалости. Они знали, что Су-ва-ни помогала их врагам, и видели, как она пыталась убить Мэ-ра-ни, хотя причина этого нападения была им неизвестна.

Взгляд мой упал на Уингроува. Он стоял недалеко от меня, уныло опустив голову, но глаза его не смотрели на землю, а пристально следили за удалявшейся фигурой. То была Мэриен верхом на коне, в сопровождении своей собаки. Охотница ехала медленно, словно колеблясь, что ей делать и куда направиться. Казалось, она отдалась на волю лошади, свободно опустив поводья и погружившись в глубокую задумчивость. Я поспешил к своему коню, собираясь догнать ее, но увидел, что меня опередил Уа-ка-ра.

Молодой вождь пришпорил коня и, выехав из толпы воинов, помчался за девушкой. Прежде чем я успел взять в руки поводья своего скакуна, он уже подскакал к Мэриен и, осадив лошадь, поехал рядом с ней почти шагом. Мне пришлось отказаться от своего намерения. Слегка раздосадованный своей неудачей, я направился к Уингроуву и увидел, что он тоже очень расстроен. Злоба и отчаяние пылали в сердце молодого охотника, и глаза его не отрывались от едущих рядом Мэриен и Уа-ка-ра.

— Глупости, Уингроув! — воскликнул я, догадываясь, о чем он думает. — Не терзайтесь напрасно. Уверю вас, между ними ничего нет.

Правда, вид этой пары мог вызвать подозрения даже у менее ревнивого влюбленного, чем молодой охотник.

Мэриен и Уа-ка-ра остановились вдаль на равнине, но на таком расстоянии, что мы могли наблюдать каждое их движение. Они не спешили, но лошади их стояли вплотную друг к другу. Молодой вождь склонил голову к Мэриен и, как мне показалось, взял ее за руку. Какой влюбленный мог бы смотреть на это равнодушно? Побелевшие губы, сжатые челюсти, быстрое, нервное биение

сердца Уингроува, которое я отчетливо слышал, стоя рядом с ним, говорили о буре чувств, клокотавших в его груди. Меня тоже озадачила поза вождя и та благосклонность, с которой принималось его ухаживанье, так как поведение Уа-ка-ра весьма походило на ухаживанье, хотя мне и очень не хотелось этому верить. Нет, конечно, здесь крылось что-то иное. Я ломал себе голову, стараясь найти объяснение, как вдруг какая-то движущаяся точка привлекла мое внимание. Вдали показался всадник, мчавшийся во весь опор к месту, где находились охотница и вождь. Он приближался со стороны верхнего каньона, из которого, очевидно, и появился. Я с интересом следил за всадником, надеясь, что он прервет этот разговор, который был неприятен для меня и мучителен для моего товарища. Мои надежды оправдались: всадник круто осадил лошадь в нескольких шагах от вождя.

Мы увидели, что Уа-ка-ра тотчас отъехал от своей спутницы и заговорил с ним. Через несколько минут он повернулся к охотнице и, сказав ей что-то на прощанье, поскакал в сторону холма. Охотница осталась на месте. Я видел, что она прыгнула со своего мустанга и, наклонившись к собаке, стала ее ласкать. Я решил воспользоваться удобным случаем, чтобы поговорить с ней наедине, и, попросив Уингроува подождать моего возвращения, бросился к своему коню. Возможно, вождю, с которым я должен был встретиться на полдороге, мое поведение могло не понравиться, но ведь мне нужно было поговорить с Мэриен не только о ее сердечных делах. Честность моего намерения придала мне решительность, и меня не заботило, как Уа-ка-ра истолкует мой поступок.

Глава LXXXVIII

ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ

Мы с вождем очень скоро поравнялись, так как ехали навстречу друг другу. Меня немного удивило, что он не обратил на меня ни малейшего внимания, хотя и мог догадаться, что я направляюсь к охотнице, так как на равнине в той стороне никого другого не было. Он промчался мимо, поглядывая то на скакавшего рядом с ним всад-

ника, то на холм, и, казалось, даже не заметил меня. Я увидел, что его спутник тоже индеец, но не в боевой раскраске, и решил, что он не участвовал в недавнем сражении, а только что приехал откуда-то издалека. Повидимому, это был гонец, прибывший с какими-то важными известиями. Его запыленная одежда и измученная лошадь подтверждали мою догадку.

Подъезжая к охотнице и обдумывая, как заговорить с ней, я боялся, что она отнесется к моему появлению не очень благосклонно, во всяком случае, пока не выслушает моих объяснений.

Неожиданная встреча с Су-ва-ни в такую неподходящую минуту, и трагическое происшествие, последовавшее за этим, не могли не ввести ее в заблуждение. Вероятно, она уже не верила ни Уингроуву, ни мне. Вот почему я ожидал холодного приема. Заметив мое приближение, девушка перестала ласкать собаку и снова вскочила на коня. Я испугался, что она уедет, желая избежать встречи со мной. Конечно, догнать ее не составило бы труда, но такая погоня была бы мне крайне неприятна.

— Мэриен Холт, — сказал я с мягким упреком, — ваши подозрения несправедливы. Позвольте вам объяснить...

— Мне не нужно никаких объяснений, — тихо прервала она меня, не поднимая глаз. — Все уже объяснено.

— Кем же? — озадаченно спросил я.

— Уа-ка-ра рассказал мне все.

— Что — все?.. О Су-ва-ни?

Она утвердительно кивнула головой.

— Я рад это слышать. Но откуда он узнал подробности?

— Частично от мексиканца, которому их передали ваши друзья, частично от пленных арапахо. Но довольно об этом. У меня больше нет никаких сомнений.

— И вы прощаете Уингроува?

— Теперь моя очередь просить у него прощения. Я заслужила его презрение, так как была несправедлива и глубоко оскорбила его. Не знаю, простит ли он меня.

Все сразу стало понятно. Подозрительная беседа с вождем более не нуждалась в объяснении. Я оконча-

тельно убедился в этом, увидев на руке Мэриен, немного выше запястья, белую повязку, на которой проступило кровавое пятно.

— Как! Вы ранены? — воскликнул я.

— Пустяки — всего лишь царапина. Уа-ка-ра перевязал ее. Кровь еще сочится, но скоро это пройдет.

Так, значит, Уа-ка-ра склонялся над рукой охотницы, чтобы перевязать ее!

— Но какой злодейкой оказалась Су-ва-ни! — заметил я, переводя разговор на другую тему. — Она заслужила смерть.

— Несчастливая женщина! — воскликнула охотница. — Ее постигла страшная судьба. Мне жаль бедняжку. Я не желала ей смерти, но мой верный друг увидел, как она напала на меня, а в таких случаях ничто не может его удержать. Не впервые он защищает меня от врага. Увы, жизнь моя была полна печальных событий, во всяком случае за последние шесть месяцев!

Мне хотелось отвлечь Мэриен от мрачных размышлений, и у меня нашлись слова ободрения и утешения, ибо я предвидел конец ее бедствий. Зная, как охотно и радостно простит ее Уингроув, я обещал ей полное и окончательное примирение с ним.

— Мэриен, — сказал я, — вас ждет счастье. Если б только я мог сказать то же о себе... и о вашей сестре.

— Ах! — воскликнула она с внезапным волнением. — Расскажите мне о Лилиен. Ведь вы обещали. Неужели и ей грозит опасность?

Тут я рассказал ей все — мою собственную историю, знакомство с Лилиен, вспыхнувшую во мне с первого взгляда любовь к ней и причины, побудившие меня думать, что чувство мое не осталось безответным. Рассказал о ее отъезде из Теннесси, о нашей попытке догнать караван, о нашем столкновении с индейцами, — словом, обо всем, что случилось до моей встречи с нею.

Я поделился с ней также своими подозрениями о том, какая страшная участь грозит ее сестре. Вначале охотница была потрясена моим рассказом, но почти сразу же взяла себя в руки и выказала твердость, свойственную ее характеру.

Мы тут же начали думать, как спасти Лилиен.

* * *

Уингроув, не помнящий себя от восторга, сразу все простивший и прощенный, принял участие в нашем совещании, так же как и Верный Глаз, который был немедленно посвящен во все. Он мог нам очень пригодиться. Отойдя в сторону от толпы индейцев, мы начали обсуждать план спасения Лилиен Холт из когтей негодяя мормона.

Глава LXXXIX
ПЛАН ПОХИЩЕНИЯ

Наше совещание продолжалось недолго. Я уже обдумал дело со всех сторон и пришел к заключению, что Лилиен можно спасти, только похитив ее из каравана мормонов. Мэриен была вполне согласна со мной, зная, что волк не расстанется добровольно со своей добычей. Ее страшило, что и Холт, одураченный окружающими его лицемерами, может оказаться на их стороне.

Все согласились, что Лилиен необходимо вырвать из рук мормонов если не силой, то хитростью. Это следовало сделать прежде, чем они доберутся до Солт-Лейк-Сити. Там похищение было бы невозможно. Удастся ли осуществить его во время пути? И как это сделать? Вот над чем мы раздумывали. В нашей компании было всего трое мужчин, так как ирландец, конечно, выбыл из строя и его необходимо было оставить в лагере Уа-ка-ра. Правда, Мэриен могла сойти за четвертого. Но что значили четыре ружья против ружей целого отряда? Уингроув слышал от Су-ва-ни, что с караваном идет до сотни мужчин, — значит, не могло быть и речи о том, чтобы отбить Лилиен силой. Но разве мы сможем похитить ее хитростью? Как подобраться к каравану? Как проникнуть в их тщательно охраняемый лагерь? Днем это совершенно невозможно, да и ночью рискованно и мало осуществимо. А для того чтобы открыто приблизиться к каравану, нужен был какой-нибудь предлог. Если бы никто в их лагере нас не знал, можно было бы придумать правдоподобную причину нашего появления, но, к сожалению, все мы, кроме Верного Глаза, были известны Стеббинсу. Увидев меня, хитрый негодяй немедленно догадался бы о причине моего появления в этой глуши. Что касается

Мэриен, то ее положение оказалось бы еще более опасным. Стеббинс мог предъявить на нее права — ведь по законам он считался ее мужем. Сперва я полагал, что Мэриен отправится в лагерь мормонов и уговорит сестру бежать, но я забыл при этом об опасности, которая грозила ей самой. Оставался Верный Глаз. Он был среди нас единственным, кого не знали ни Стеббинс, ни Холг, и мог под каким-нибудь предлогом присоединиться к каравану, в то время как мы следовали бы за ним на некотором расстоянии. Таким образом, можно было дать знать Лилен о присутствии сестры, объяснить ей всю опасность ее положения и уговорить бежать. Конечно, смелый и изобретательный Верный Глаз был для этого самым подходящим человеком. Читатель может удивиться, почему мы не обратились в такой критический момент к Уа-ка-ра. Воины юта легко могли бы догнать караван и, окружив его, заставить Стеббинса подчиниться нашим требованиям. Но Мэриен объяснила нам, что с первых дней своего поселения на территории ютов эти хитрые дипломаты расположили к себе Уа-ка-ра и его племя и вступили с ними в союз. Они всячески льстили воинственному вождю и завоевали его доверие и дружбу. Поэтому нужны были более веские причины, чем простое расположение к нам, чтобы вызвать Уа-ка-ра на враждебные действия против мормонов. Однако в таком важном предприятии нужно было использовать все возможности, и потому я уговорил Мэриен все-таки обратиться за помощью к вождю. Она согласилась, считая, что такая попытка ничему не повредит. Если ответ будет благоприятным, то все наши трудности отпадут, а в случае отказа наше положение не станет хуже.

Оставив нас, Мэриен направилась к вождю. Мы видели, как он отошел с ней в сторону и они о чем-то оживленно заговорили. Мы с замиранием сердца наблюдали за разговором, продолжавшимся минут десять. Наконец Уа-ка-ра махнул рукой в знак окончания беседы и направился к своим воинам, а Мэриен — к нам. Пока она подходила, мы вглядывались в ее лицо, надеясь прочесть на нем желанный ответ. Девушка шла бодро и, во всяком случае, не выглядела разочарованной. Подойдя, она передала нам слова индейца. Как она и ожидала, он не со-

гласился открыто выступить против мормонов. Но рассказ Мэриен вызвал в нем сочувствие, и он предложил план, при помощи которого мы могли добиться нашей цели без его личного вмешательства. Состоял он в следующем. Прибывший только что всадник оказался посланцем мормонов. Не зная дороги к перевалу Кучетопо, они все еще стояли лагерем на берегу Рио-дель-Норте. Из них один только Стеббинс бывал в Солт-Лейк-Сити, но тогда он ехал через перевал Бриджер, а теперешний путь был ему незнаком. Мормонам требовался проводник, и, встретив индейца из отряда Уа-ка-ра, они направили его к вождю с просьбой дать им проводника и двух-трех хороших охотников.

Прежде чем Мэриен кончила свой рассказ, я уже угадал, в чем заключался предложенный нам план. Мы должны были сыграть роль этих охотников и проводника, что являлось вполне осуществимым, потому что нет ничего легче, как загримироваться под американского индейца. Цвет кожи тут не имеет значения; все равно его не видно под раскраской из охры и угля. Что же касается волос, то черный лошадиный хвост, прикрытый убором из перьев, является прекрасным париком. Индейцы не имеют обыкновения снимать головной убор в знак приветствия, и даже самый любопытный мормон не рискнет слишком близко разглядывать прическу индейского воина. Этот план было тем легче привести в исполнение, что мы приобрели еще одного ловкого и мужественного союзника. Это был траппер Арчилети, который, узнав от вождя, в чем дело, вызвался играть роль проводника. Он ненавидел мормонов, и мы могли смело положиться на его верность. План пришелся очень по душе этому любителю приключений, и он с жаром принялся приводить его в исполнение. С его помощью мы добыли необходимые костюмы и краски, но переодеваться в присутствии ютов было неудобно: это доказывало бы, что Уа-ка-ра знает о наших планах. Однако вождь намекнул Мэриен, что в случае необходимости он готов открыто помочь нам, используя свое влияние на мормонов. Теперь, казалось, нам нечего было больше опасаться. Но, увы, еще до нашего отъезда произошло событие, грозившее помешать нашему благородному союзнику выполнить свое обещание.

ОХОТНИЦА И ЕЕ ПОКРОВИТЕЛЬ

В долину вернулся разведчик, который после битвы отправился по следам арапахо. Он сообщил, что они встретили еще один отряд арапахо и их союзников, шайенов, численностью в несколько сот человек, и теперь все они движутся к долине Уэрфано, чтобы отомстить за понесенное поражение и за смерть Кровавой Руки. При этом известии женщины с громким криком бросились к лошадям, чтобы укрыться в каком-нибудь безопасном месте, а воины стали разбирать оружие, готовясь встретить врага. Все, однако, знали, что нападение произойдет не раньше ночи, а может быть, и через несколько суток. Поэтому подготовка к бою велась спокойно и неторопливо.

О результатах этого столкновения я узнал позже. Юты снова одержали победу, Уа-ка-ра еще раз показал себя талантливым военачальником. Он так расположил у холма половину своих воинов, что со стороны казалось, будто это весь его отряд. При помощи ружей они легко сдерживали натиск вооруженного только луками противника в течение нескольких часов. Тем временем остальные воины скрывались на обрывах в зарослях можжевельника. А ночью спустились в долину, неожиданно подкравшись к врагу, напали на него с тыла. Одновременно бросился в атаку и отряд во главе с Уа-ка-ра. В рядах арапахо началось страшное смятение, и юты одержали полную победу.

Как я уже сказал, все это стало мне известно гораздо позднее. Я говорю об этом сейчас, чтобы показать, почему мы не могли больше рассчитывать на помощь Уа-ка-ра.

Юты не стали нас задерживать. Они вполне полагались на свои собственные силы и на свое умение обращаться с огнестрельным оружием.

Поблагодарив вождя за все, что он сделал для нас, и поручив его заботам нашего раненого товарища, мы распрощались с ним. Я не видел, как он прощался с Мэриен. Никто из нас не присутствовал при этом, так как мы уехали вперед, а она несколько задержалась. Может

быть, девушка обещала ему, что они еще встретятся, потому что все мы рассчитывали на это. Не знаю, какие чувства испытывал вождь, расставаясь с белой охотницей, которую он взял под свою защиту. Трудно поверить, что молодой индеец, столько времени находившийся в обществе такой красавицы, не полюбил ее. Но если это и было так, то любовь его не встретила взаимности.

Выразив желание примкнуть к нашей партии, Мэриен подвергала себя страшному риску.

Стеббинс, считавшийся ее мужем, мог предъявить на нее свои права, здесь он был всесилен.

Но тем не менее Мэриен была тверда в своем решении. Она нежно любила сестру и ради ее спасения готова была подвергаться любым опасностям. Отговаривать ее было бесполезно, а кроме того, без ее помощи все наши попытки оказались бы бесплодными, потому что Ли-лиен могла отказаться слушать меня. Возможно, она уже относилась ко мне с полным безразличием. Как ни странно, всякий раз, когда мне вспоминался брошенный букет, вызвавший у меня в свое время сладкую надежду, я испытывал острую душевную боль. Тот, кто окружал девушку таким вниманием, мог рассчитывать на успех. Устоит ли она против такой ловкой осады? Вот почему я надеялся только на влияние Мэриен.

Глава ХСІ

НОЧНОЙ ПРИВАЛ

Мы снова проехали через верхний каньон Уэрфано, держась берега реки. За ним мы достигли места, где караван разделился: золотоискатели и драгуны свернули на юг, чтобы по долинам Хилы и Мохаве достичь Калифорнии.

За верхним каньоном долина Уэрфано поворачивает к северу, и по ней лежит путь к перевалу Робидо. В этом направлении пошел караван мормонов. Идти по их следу не представляло никакого труда — колеса и лошадиные копыта оставили ясные отпечатки. Судя по их количеству, отряд был значительно больше, чем мы предполагали. Впрочем, это не имело особого значения, так как мы не

собирались применять силу. Я считал, что многочисленность отряда нам даже на руку, потому что среди большого количества людей труднее уследить за отдельным человеком и сразу заметить его исчезновение.

Мы подъехали к перевалу Робидо, когда солнце садилось за необозримой долиной Сан-Луиса, и там обнаружили место, где накануне караван останавливался на ночлег. Койоты бродили меж тлевших еще костров, над которыми поднимался тонкий прозрачный дымок.

Теперь мы уже знали историю захваченного Кровавой Рукой фургона. Наш проводник узнал ее от посланца Сгеббинса. Повозка принадлежала к каравану «святых» и отстала от него совсем недалеко. Когда арапахо напали на нее, трусливые мормоны, вместо того чтобы прийти на помощь своим несчастным товарищам, предпочли спастись бегством и остановились, только когда достигли перевала Робидо.

Проводник объяснил также, почему не вмешался конвой. Оказалось, что и золотоискатели и драгуны давно уже расстались со своими неприятными спутниками и немного их обогнали. Они, вероятно, ничего не знали о кровавой драме, разыгравшейся в долине Уэрфано.

Мы решили провести ночь на месте покинутой стоянки. Нам было известно, что мормоны находятся впереди нас на расстоянии примерно тридцати миль. Они расположились лагерем на берегу Рио-дель-Норте, в ожидании ответа от Уа-ка-ра. Мы должны были нагнать их на следующий день.

Разогнав койотов, мы начали ставить наши палатки из бизоньих шкур. Их дали нам наши друзья юты. Одна из них предназначалась для Мэриен, другая — для остальных. Мы, в том числе и Мэриен, могли, конечно, обойтись без таких удобств, но у нас имелась другая цель. Дело в том, что в течение нескольких дней нам предстояло путешествовать с мормонами. Эти палатки должны были служить нам не столько местом отдыха, сколько скрывать нас от слишком любопытных взглядов. Ведь нам время от времени предстояло восстанавливать наш грим.

Несмотря на то что эти места часто посещаются как индейцами, так и белыми, никто нам до сих пор не по-

встречался. Но все же мы продвигались вперед с большой осторожностью, опасаясь встречи с нашими недавними врагами арапахо, но не с теми, которые были разбиты в сражении, а с каким-нибудь из преследовавших меня прошлой ночью отрядов. Как уже упоминалось, некоторые воины возвратились к холму. Но ведь другие, воодушевляемые желанием отомстить или надеждой отличиться, могли продолжать поиски. В таком случае не исключалась возможность встретиться с ними или, если бы они первые нас заметили, попасть в засаду. Отряд моих преследователей во всяком случае не мог быть меньше нашего. Невероятным казалось, чтобы менее дюжины воинов находилось там, где каждую минуту они рисковали встретиться с более сильным отрядом своих врагов ютов, не говоря уж о конвое каравана. Боясь, что арапахо находятся впереди нас, мы приняли все меры, чтобы избежать встречи с ними. Однако мы не заметили никаких признаков присутствия индейцев. В каньоне мы видели следы их лошадей, но ни в прерии, ни у перевала Робидо их не было. Если отряд и направился дальше, то, несомненно, по какому-нибудь другому пути. Никаких следов присутствия арапахо мы не нашли и на месте привала мормонов, хотя внимательно осмотрели все вокруг.

Что касается меня, я искал следы совсем другого рода, но безуспешно.

В конце концов мы убедились, что нам не надо опасаться индейцев. Даже наш осторожный траппер счел возможным зажечь огонь, и мы развели огромный и яркий костер, для которого использовали полуобгоревший хворост, разбросанный на месте привала. Огонь был нам нужен не для защиты от холода, так как ночь была теплая, а для приготовления ужина. После еды мы уселись вокруг костра покурить, и Мэриен удалилась в свою палатку. Вскоре она снова вышла, но, вместо того чтобы присесть у нашего веселого огонька, медленно пошла по направлению к реке. Молодой охотник тут же вскочил и смущенно направился к палатке, но не к ее, а к нашей. Он мог бы, конечно, избавить себя от труда делать вид, что рассматривает снаряжение. Эта уловка никого не обманула, особенно когда он, закончив осмотр, направился в ту же сторону, что и охотница.

— Влюбленные? — полувопросительно прошептал Арчилети, с выразительной улыбкой глядя на удалявшуюся фигуру молодого человека.

— Да, влюбленные, которые были долго разлучены.

— Карамба! Неужели? В таком случае, это и есть соперник мормона?

Я утвердительно кивнул головой.

— Неудивительно, сеньор, что она и смотреть не хотела на этого лицемерного святошу. Ваш товарищ настоящий красавец. Теперь я понимаю, почему отважная охотница вздыхала по своему далекому дому в Теннесси.

Так, продолжая курить и лениво разговаривая, мы продолжали сидеть у костра.

Глава XIII

ПЕРЕОДЕВАНИЕ

Костер наш уже догорал, когда влюбленные вернулись.

Прогулка при лунном свете несомненно вызвала у них много сладостных воспоминаний, и неудивительно поэтому, что им хотелось ее продлить. Однако нам всем следовало отдохнуть — пора было устраиваться на ночлег. Мы больше не опасались нападения арапахо, но все-таки решили соблюдать осторожность и по очереди охранять лагерь. Мэриен, конечно, была избавлена от этой обязанности и, пожелав нам спокойной ночи, удалилась в свою палатку, у входа в которую расположился верный Волк.

Переодевание отложили до утра. Траппер остался на страже, а мы забрались в палатку, чтобы подкрепиться сном в ожидании будущих событий.

* * *

Ранним утром, прежде чем солнце осветило снежные вершины, мы были уже на ногах и, наскоро позавтракав, приступили к переодеванию. Главным костюмером был Арчилети, который хорошо знал особенности одежды ютов. Самому мексиканцу не нужно было переодеваться.

Трапперы часто гостили у ютов, и Уа-ка-ра мог попросить его провести мормонов через пустыни Колорадо. Он собирался появиться в их лагере в своем мексиканском костюме, зная, что это не вызовет никаких подозрений. Поэтому он мог помочь нам гримироваться. Первая проба была сделана на мне. Довольно резкие черты моего лица давали возможность легко сделать из меня индейца, и, когда мои шея, руки и физиономия покрылись красной краской, я превратился в весьма внушительного краснокожего воина. Рубаха из оленьей кожи, гетры и мокасины скрыли остальные части моего тела. Несколько длинных прядей, выстриженных из хвоста и гривы моего араба и ловко вплетенных в мои собственные темные волосы, и убор из перьев дополнили одеяние, которое сделало бы мне честь даже на парижском маскараде. С такой же легкостью совершилось превращение Уингроува, но с Верным Глазом дело обстояло сложнее. Вздернутый нос, редкие рыжие волосы и зеленовато-серые глаза казались непреодолимым препятствием. Арчилети, однако, доказал, что он искусный художник. Шевелюра Верного Глаза была густо смазана угольной пастой, черные круги вокруг глаз сделали незаметной разницу в оттенках радужной оболочки и зрачка. На лицо была положена грунтовка из красной охры, поверх которой наведено вдоль носа несколько черных полос. Они замаскировали его курносость, превратив бывшего стрелка в заправского индейца.

Мэриен сама была своим костюмером, и, пока мы возились снаружи, она занималась туалетом в палатке. Костюм ее не нуждался в больших изменениях, поскольку он уже был индейским; требовалось только изменить лицо. Но как? По правде сказать, меня все время волновала мысль, что девушку узнают, и я старался придумать, как обойтись без рискованного появления Мэриен в лагере мормонов.

Однако, когда я увидел вышедшую из палатки охотницу, все мои опасения исчезли. Лицо ее было выкрашено соком ягод, на щеках нарисованы круги из красных точек, а поперек лба проведены белые линии. Хотя эта уродливая раскраска и не могла скрыть красоту девушки, она так изменила ее внешность, что даже Уингроув,

пожалуй, не узнал бы своей невесты. Тем более могла она ввести в заблуждение Холта и Стеббинса. Вскоре мы закончили наше переодевание, спрятали снятую одежду и, сложив палатки, двинулись в путь. Верный Волк сопровождал нас. Я был против этого, так же как и наш проводник, но Мэриен не хотела расставаться с товарищем, уже не раз защищавшим ее. Но собаку тоже трудно было узнать. Она была острижена и покрашена так, что походила на индейского пса.

Глава XIII

КАРАВАН МОРМОНОВ

После нескольких часов езды мы достигли западного конца перевала и, объехав выступающую скалу, увидели перед собой широкую долину.

— Смотрите! — воскликнул мексиканец. — Вон лагерь мормонов!

Траппер остановил лошадь, и мы все последовали его примеру, глядя в ту сторону, куда он указывал. Перед нами расстилалась долина Сан-Луиса. Она была совершенно гладкой, и сейчас, когда над ней висела белая дымка тумана, ее можно было принять за огромное озеро. Вдали на западе виднелись неясные очертания гор Сан-Хуан, за которыми вырисовывались светлые вершины Серебряных гор. На севере более ясно обозначались поросшие лесом склоны Сьерра-Мохада и Саватч, а справа и слева возвышались покрытые снегом Пайкс-Пик и вершина Уа-то-йа. Они, как гигантские часовые, охраняли вход в эту прекрасную долину, по которой извилистой блестящей лентой струился поток. С возвышенности, на которой мы стояли, нам было хорошо видно его русло до самых гор Сан-Хуан. В одной из дальних излучин виднелся лагерь мормонов. Если бы мы не ожидали его там увидеть, то вряд ли догадались бы, что это такое. В туманной дымке, окутавшей долину, с трудом можно было различить несколько маленьких светлых пятен. Мексиканец объяснил, что это фургоны, и я подтвердил его слова, взглянув в свою подзорную трубу. Те, что были видны, стояли к нам боком, образуя, очевидно, одну из частей

круга, внутри которого, вероятно, находился лагерь. Я продолжал смотреть в трубу, выискивая его обитателей, и рассмотрел как людей, так и животных. Я даже различал по одежде мужчин и женщин, двигавшихся около фургонов, но не мог разобрать, чем они занимались. Нас, однако, это не интересовало. Мы не собирались подкрадываться тайком, так как, полагаясь на свой грим, решили прямо, не скрываясь, ехать к лагерю.

Был полдень, и мы расположились на отдых. Хотя нас отделяло от мормонов довольно большое расстояние, мы не торопились, потому что не хотели приближаться к ним раньше вечера. Мы знали, что на нас будет устремлено много любопытных глаз, а в сумерки это было бы менее опасно. Мы могли бы, конечно, приехать и ночью, когда обнаружить обман было бы вообще невозможно, но опасались, что тем внимательнее будут рассматривать нас утром. Мы рассчитывали, что для удовлетворения любопытства наших будущих попутчиков достаточно полуса. И лучше всего, если эти полчаса придутся на сумерки. Впрочем, мы не ждали, что нас будут рассматривать, как диковину. «Святые», конечно, уже встречали на своем пути дружественных краснокожих, и с ними даже ехало несколько индейцев.

Имелась, однако, еще причина, почему мы хотели попасть в лагерь до наступления ночи. Нам необходимо было засветло ознакомиться с расположением фургонов и с окружающей местностью. Кто мог знать, как обернется дело? Может быть, удобный случай представится в первую же ночь. Нам не очень хотелось изображать проводников и охотников и гораздо приятнее было бы отказать от этих должностей, еще не вступив в них.

* * *

Последние лучи заходящего солнца озаряли вершины Серебряных гор, когда мы подъехали к лагерю мормонов. Теперь можно было точнее определить величину каравана. Он состоял примерно из двадцати больших крытых фургонов и нескольких повозок меньшего размера. Последние были на рессорах и являлись, по-видимому, более комфортабельными экипажами наиболее обеспеченных «святых». Большие же фургоны с бычьей упряж-

кой принадлежали простолюдинам, и из них-то и был построен круг, внутри которого находился лагерь. Это ограждение строится таким образом: два передних фургона останавливаются рядом вплотную друг к другу, два следующих подвозятся к ним с обеих сторон так, чтобы их передние колеса касались задних колес первых фургонов. Следующие располагаются попарно в том же порядке до тех пор, пока таким образом не выстроится половина всего каравана. Вторая половина строится точно так же, с той лишь разницей, что каждую пару подвозят к внутренним сторонам предыдущих фургонов. Таким образом, фургоны образуют неправильный круг. В одном месте обычно оставляется промежуток, служащий для входа. Когда внутрь загоняют лошадей и скот, этот вход можно закрыть, протянув поперек веревку. В случае опасности путешественники укрываются внутри такого ограждения, так как фургоны образуют надежный заслон. Их парусиновые крыши заменяют собой палатки, где удобно и спокойно располагаются на ночь женщины и дети. Снаружи ставятся часовые, а вокруг рассылаются конные дозоры, предупреждающие о приближении врага.

Подъехав к лагерю, мы убедились, что мормоны расположились на стоянку именно таким образом. Более легкие повозки были завезены внутрь ограждения. Там же взволнованно толпились женщины и дети, очевидно заметившие наше приближение. Мужчины остались снаружи. Лошадей и скот тоже не загоняли внутрь. Наш отряд был слишком мал, чтобы вызвать тревогу даже при неожиданном появлении. Нас же, конечно, ожидали и сразу признали за посланцев вождя ютов. Когда мы оказались совсем близко от лагеря, к нам навстречу поскакало несколько всадников. Мексиканец прицепил к шомполу кусок белой оленьей шкуры и начал ею размахивать — общепринятый символ мира, признаваемый и американскими индейцами. В ответ нам махнули чем-то вроде полотенца или скатерти, после чего, пришпорив коней, всадники приблизились к нам и остановились ярдах в тридцати. Мексиканец и предводитель мормонов выехали вперед, обменялись рукопожатием и начали разговор. Я слышал, как траппер на своем ломаном английском языке объяснял, что он — проводник, которого прислал

Уа-ка-ра, а мы охотники юта и будем снабжать караван дичью.

Выехавших нам навстречу мормонов было всего шесть человек, и я подумал, что если остальные переселенцы похожи на них, то это довольно неприятная компания. Впоследствии я узнал, что нас встретили даниты, или «ангелы-мстители», сопровождавшие караван. Более подходящим для них названием было бы «дьяволы-мстители», потому что я никогда не встречал субъектов более злодейского вида. Пятерых из них я, насколько помнил, никогда прежде не видел, а с шестым столкнулся всего один раз, но запомнил его хорошо. Увидев хоть раз физиономию бывшего суомпвиллского учителя, невозможно было ее забыть. Человек, разговаривавший с мексиканцем, был не кто иной, как Стеббинс. Говорили они недолго, так как в словах траппера не было ничего неожиданного или подозрительного. Предводитель мормонов указал нам участок, где мы могли устроиться на ночлег. Он находился за пределами лагеря и поблизости от реки, что как раз соответствовало нашим желаниям. Подъехав к указанному месту, мы начали ставить палатки.

Глава XCIV

ЛАГЕРЬ

Как только стало известно, кто мы такие, «святые» сейчас же столпились вокруг. Чуть ли не девять десятых всего лагеря — мужчины, женщины и дети — принялись нас рассматривать. Нам удалось при некотором усилии выдержать это испытание, приняв безразличный вид, который отличает настоящих индейцев. Мы старательно делали вид, что не понимаем замечаний окруживших нас зевак. Траппер время от времени отвечал им на своем ломаном английском языке, мы же ничего не говорили, но усердно занимаясь своим делом, украдкой поглядывали на толпу. Я заметил, что больше всего внимания привлекает к себе охотница, и на минуту меня охватил страх. Правда, ее лицо, руки и шея были выкрашены красной краской и при беглом взгляде ее можно было принять за индианку, но редкая красота Мэриен вызывала желание

рассмотреть ее поближе. Кое-кто из стоящих вокруг даже не находил нужным скрывать свое восхищение.

— Чертовски красивая девка! — заметил один. — Кто она такая? — обратился он к мексиканцу.

— Скво юта, — ответил тот и, указывая на меня, добавил: — Сестра этого вождя охотников и сама тоже охотница — бьет оленей, бизонов, горных баранов.

— Черт с ней, что она охотница. Если бы ее лицо хорошенько протереть мочалкой с мылом, она была бы красотка хоть куда!

Парень, так красноречиво высказавший свое мнение, был одним из тех шести, что встретили нас, когда мы подъезжали. Его спутники стояли тут же, уставившись на девушку своими рысьими или, скорее, волчьими глазами. Сам Стеббинс, прежде чем отойти от нас, внимательно оглядел Мэриен, хотя явно ее не узнал. Остальные продолжали громко выражать свое полунасмешливое восхищение. Я, так же как сама Мэриен, очень обрадовался, когда палатки были наконец поставлены и она могла скрыться от любопытных взглядов.

Нам представилась теперь полная возможность изучить мормонов, так сказать, в домашней обстановке, ибо им и в голову не приходило, что мы их понимаем. Большинство из этих переселенцев были простые фермеры, сапожники, кузнецы, столяры и тому подобное, с самыми обыкновенными лицами, не выражавшими ни особой святости, ни особой греховности. Но среди них попадались и другого рода «святые» — с более хитрыми и порочными лицами. Это были люди, которые, несомненно, вступили в секту, стремясь к благам земным, а вовсе не небесным. Все они занимали высокое положение среди мормонов, являясь «пастырями» остальных.

Однако я недолго их рассматривал. Меня занимало другое. Я давно уже то и дело внимательно поглядывал на вход в лагерь, окидывая зорким взглядом каждого, кто появлялся оттуда, будь то мужчина или женщина. Но до сих пор безрезультатно — те, кого я ждал, не появлялись. Вход находился примерно в двухстах ярдах от наших палаток, но даже на таком расстоянии я узнал бы огромную фигуру скваттера. Что касается Лилиен, то мое сердце сразу подсказало бы мне, что это она. Но ни

отец, ни дочь не показывались, хотя вокруг нас все время толпилось много народу. Было по меньшей мере странно, что Холт и Лилиен не последовали общему примеру. Естественное любопытство и чисто детское желание взглянуть на наш наряд и раскраску должны были бы заставить Лилиен выйти. Мое удивление возрастало по мере того как один переселенец за другим появлялись из-за фургонов, а тех, кого я ждал, все не было. Постепенно оно перешло в огорчение, а потом и в беспокойство. Меня начало мучить жестокое подозрение: а находится ли вообще Лилиен в лагере мормонов? Может быть, мы идем по ложному следу? Вдруг Холт остался с золотоискателями? Ведь история, рассказанная Су-ва-ни, в конце концов, ничего не доказывала. Быть может, Лилиен уехала с тем драгуном, который преподнес ей букет, перевязанный шнуром от его пояса?

— Да, — пробормотал я про себя, — вполне вероятно, что их здесь нет. Скваттер мог перестать повиноваться Стеббинсу и, распростившись с мормонами, уйти с золотоискателями... Да нет! Вот он, сам Холт, собственной персоной!

Высокий человек, стоявший в проходе между фургонами, действительно оказался Холтом. Он появился там, очевидно, когда я на один миг отвел взгляд в сторону. Геркулесовское сложение и огромная, закрывающая грудь рыжая борода помогли мне узнать скваттера из Теннесси, но окончательно убедил меня в этом его костюм. Он был все тот же, что я видел на Холте в то памятное утро, когда он направил на меня свое длинное ружье. Я хорошо помнил широкую куртку из толстого зеленого сукна, еще более выгоревшую с тех пор, красную рубаху, грубые, выше колен сапоги, обвязанный вокруг головы алый платок с болтающимся над бровями концом. Я жадно вглядывался в скваттера. Собирается ли он подойти поближе или просто вышел по какому-нибудь делу? Мне показалось, что вид у него задумчивый и печальный. Я не мог, конечно, различить выражение лица на таком расстоянии, но, кажется, в нем не было любопытства.

Мельком взглянув на нас, скваттер отвернулся. По-видимому, мы его вовсе не интересовали и он не разде-

лял детского любопытства своих спутников, на которых очень мало походил во всех отношениях. Холт выглядел среди них как мрачный, но величественный лев, окруженный шакалами. Его поведение усиливало это сходство с царем зверей. Ни с кем не вступая в разговор, он стоял в стороне, молчаливый и неподвижный, как статуя. Потом я увидел, как он зевнул, потянулся, а затем повернулся и исчез за фургонами.

Глава ХСV **ВСТРЕЧА У РЕКИ**

Появление скваттера успокоило меня. Раз он находился в лагере мормонов, значит, там же была и Лилиен. Читатель может удивиться, почему обстоятельство, только вчера огорчавшее меня, сегодня радовало. Но это легко объяснить. Наш план был так хорош, что опасаться больших трудностей уже не приходилось, и моя надежда на успех превратилась почти в уверенность. Судя по всему, у «святых» не возникло никаких подозрений. Мы могли совершенно свободно ходить по лагерю мормонов, и осуществить наши намерения казалось нетрудно. Меня беспокоило только одно: согласится ли Лилиен бежать с нами. Вдруг она все-таки не захочет покинуть отца? В таком случае все наши усилия оказались бы напрасными. Но, поразмыслив, я решил, что, даже если это не удастся мне, Мэриен, разумеется, сумеет убедить сестру.

Утешив себя этой мыслью, я решил заняться моим конем, которого давно уже не чистил. Огромное мексиканское седло достаточно изменило его вид, но я и без этого не опасался, что он будет узнан. Стеббинс и Холт видели его всего раз, и то при таких обстоятельствах, когда лошадь вряд ли могла привлечь их внимание. Иначе, конечно, они вспомнили бы моего араба, которого, однажды увидев, трудно было забыть.

Итак, я только собрался расседлать его, как совсем недалеко от меня возникло видение, показавшееся мне лучом света среди мрачной тьмы и заставившее меня застыть на месте. В двадцати шагах от меня стояла прелестная девушка с золотистыми волосами, падавшими

чуть ли не до колен. Нет нужды объяснить, что это была Лилиен Холт. Я сразу заметил в ней некоторую перемену. Она загорела, стала как будто выше и взрослее. На ней было то же домотканое платье, из которого она теперь немного выросла, и на шее по-прежнему поблескивала нитка фальшивого жемчуга. Мне вдруг пришла в голову радостная мысль: может быть, ей не хочется наряжаться?

Она стояла вполоборота ко мне, очевидно задержавшись, чтобы рассмотреть меня получше. Ее большие глаза были устремлены на меня с удивлением и любопытством, которых не мог не вызвать мой живописный индейский костюм. Скоро она повернулась и пошла своей дорогой, время от времени, однако, оглядываясь назад. Неужели сердце подсказало Лилиен правду? Нет, это казалось совершенно невозможным.

Дорожка привела ее к реке ярдах в ста выше того места, где были разбиты наши палатки. На таком же расстоянии отсюда находился и ближайший фургон. В руке девушка несла ведро, но, дойдя до реки, она не стала сразу наполнять его, а села на берегу у самой воды, так что ее длинные волосы рассыпались по траве. Склонив голову, она начала внимательно всматриваться в кристальную глубину, словно там отражался какой-то желанный образ.

Я следил за каждым ее движением, разумеется, молча и украдкой, зная, что на меня смотрят. Впрочем, к этому времени большинство зевак отошло от наших палаток, потому что настало время ужинать. Тем не менее приблизиться к девушке я не решался. Это выглядело бы странным, да и сама она могла бы испугаться и даже, пожалуй, убежать. Но упустить такую возможность было непозволительно. Кто знает, когда снова представится случай поговорить с Лилиен. Что было делать? И вдруг мне пришла мысль, как осуществить мое желание. Я еще не пустил моего араба пастись, а как раз возле того места, где сидела Лилиен, трава была гуще, чем где-либо вокруг. Там можно было привязать коня или подержать его на поводу, пока он пасется. Не теряя ни минуты, я расседлал его и повел к реке. Подходил я, однако, медленно, боясь слишком быстрым приближением спугнуть



Длинные волосы Лилиен касались травы, одну ногу она опустила в воду.

Лилиен. Пустив лошадь пастись, я время от времени потягивал ее за повод, который держал в руке. Девушка заметила, что я подхожу все ближе, и несколько раз взглянула в мою сторону, но не тревожно, а скорее с интересом. Впрочем, может быть, мне это показалось. Видимо, ее внимание привлекал мой араб, потому что она то и дело поглядывала на него и всякий раз все более продолжительно. То ли она любовалась им, то ли он вызвал у нее какие-то воспоминания. Ведь Лилиен могла узнать моего скакуна! Чего бы я не дал, чтобы заговорить с ней! Как стремилось мое сердце получить хоть какой-нибудь знак, что я узнан! Но я не смел открыться ей, не убедившись, что она будет мне рада, что нежные узы, связывавшие нас, еще не порваны и не ослабели.

По мере того как я приближался, надежда, что мне удастся поговорить с Лилиен, все возрастала. Она, по-видимому, не собиралась бежать от меня. Я подошел ближе, и готов уже был заговорить, когда раздавшийся сзади резкий голос помешал мне.

Глава ХСVI

ЗЛОБНАЯ ДУЭНЬЯ

— Бог ты мой! Что ты так долго возишься? Почему до сих пор не несешь воду? Ты же знаешь, что масса Холт и масса Стеббинс хотят кофе!

Я быстро обернулся на звук этого голоса. Передо мной была толстая мулатка. Ее засаленное платье из пестрой кисеи было отделано яркими лентами. На голове красовалась клетчатая повязка. Голос женщины и слова ее произвели на меня самое отталкивающее впечатление. Но, когда я увидел, с какой злобой смотрит она на Лилиен, упершись руками в бока, моя неприязнь еще усилилась, тем более что ее, как видно, разделяла и Лилиен. Я заметил, что личико моей любимой омрачила какая-то тень.

— Слышишь? Что ты тут возишься? Живей набирай воды, а то смотри, попадет тебе!

Угроза? И Лилиен повинуется!

— Я сейчас, тетушка Люси! — испуганно откликнулась девушка, торопливо зачерпывая ведром воду.

Я ожидал, что после такого кроткого ответа мулатка удалится, но, к сожалению, ошибся. Услышав слова Лилиен, она обошла меня и быстро засемила прямо к ней. Ее маленькие заплывшие глазки пылали яростью. Лилиен, явно испуганная, замерла на месте, ожидая приближения толстухи, которая сразу начала визжать.

— Какая я тебе «тетушка Люси»? Попробуй только скажи это еще раз, так я глаза тебе выцарапаю! Я тебе выдеру и волосы, которыми ты так хвастаешь! Они, видите ли, золотые! Соломенные они, а не золотые!

— Я не знала, что это вам обидно, — кротко ответила девушка. — Ведь вас так называет мистер Стеббинс.

— Тебя не касается, что делает масса Стеббинс! А ты меня так называть не смей!

Возмущенный грубостью этой ведьмы, я с трудом поборол желание сбросить ее в воду. Но это значило бы провалить все наше дело.

Я заметил, что Лилиен была напугана, как будто мулатка имела над ней какую-то власть. Вероятно, Стеббинс поручил ей следить за девушкой. Однако мне удалось подавить свой гнев и промолчать. Очень скоро я был за это вознагражден.

— Ну, что ты сидишь, уставившись в воду? — продолжала мулатка. — Уж не думаешь ли увидеть там его тень?

— Чью тень? — удивленно спросила девушка.

Я затрепетал, ожидая ее ответа.

— Господи боже мой! Не видела я, что ли, как ты писала его имя в своей книжке или как чертила ему письмо на песке в нашем лагере на Арканзасе? Ты же ведь выцарапываешь это имя всюду, даже на сундуке в фургоне массы Стеббинса. Смотри, как бы он этого не заметил!

Я готов был бы отдать свою лошадь за то, чтобы взглянуть на книжку или на сундук, о которых шла речь. Но удача мне не изменила — в следующую минуту все мои сомнения были рассеяны.

— Ты думаешь, что никто, кроме тебя, не умеет читать? — насмеялась мулатка. — Или никто не знает, что означают буквы «Э» и «У»? Разве это не значит «Эдвард Уорфилд»? Ведь так, кажется, его зовут, а?

Девушка не отвечала, но ярко-алый румянец разлился по ее щекам, и я следил за его появлением с тайным восторгом.

— Да-да! — не отставала мучительница. — Можешь любоваться его тенью в воде. Самого Эдварда Уорфилда ты никогда не увидишь, никогда, что бы ни случилось.

Личико Лилиен потемнело, так как, видимо, последние слова причинили ей боль, но это только увеличило мою радость.

Девушка что-то прошептала, но я не разобрал ее слов. Мне показалось, что они не были обращены к мулатке, что это был просто вздох горя. Но та, видимо, и не ждала ответа, потому что вдруг повернулась и заковыляла к лагерю. Когда она проходила мимо, я наклонил голову, боясь, что ей вздумается рассматривать мое лицо, тогда как мне нужно было, чтобы она скорее убралась отсюда, но мулатка не проявила особенного любопытства, а только грубо расхохоталась, оглянувшись на меня. Вслед за ней, шагах в десяти, шла Лилиен, сгибаясь под тяжестью ведра. Ее длинные золотые волосы почти касались земли.

Я уже наметил план действий. У меня больше не было причин скрываться — я узнал то, что так жаждал узнать. Я решил сообщить Лилиен о своем присутствии, но слово или неосторожное движение могло вызвать удивленный возглас, который привлечет бы внимание находившихся поблизости людей. Во время вышеописанного разговора я, не теряя времени, вытащил из кармана листок бумаги и набросал на нем всего два слова. Этот листок был оторван от памятного для меня письма, хранившегося в записной книжке. На одной его стороне были начертаны рукой Лилиен дорогие для меня стихи, нежные строки которых все эти месяцы не переставая звучали в моем сердце.

На обратной стороне листка я однажды набросал ответ в надежде, что он когда-нибудь попадет в руки той,

кому предназначался. Теперь я решил, что эта минута настала. Вот он:

К Лилиен

Напев твоих стихов проник
Мне в сердце, нежностью чаруя,
И каждый час и каждый миг
Их строки дивные твержу я.
Они всегда со мной, и мнится —
Сочувствуя моей судьбе,
Ручьи, деревья, пчелы, птицы
Поют: «Мечтаю о тебе!»
Вдруг мысль мне сердце обожгла:
Разлука для любви опасна —
Ты позабыть меня могла
И буду я молить напрасно.
О Лилиен! Коль ты решила
Глухою быть к моей мольбе,
Я не енесу разлуки с милой —
Умру, мечтая о тебе,

Эдвард Уорфилд, охотник-индеец.

Последние два слова, только что приписанные мною, должны были помочь Лилиен узнать меня. Возможно, этот план был не очень удачен, но придумывать что-нибудь другое у меня уже не было времени. Появление мулатки помешало мне объясниться с Лилиен, а начинать разговор теперь было опасно. Поэтому я решил молча передать ей записку. Когда девушка приблизилась, я сделал шаг вперед, жестом показывая, что хочу пить. Она не испугалась, а наоборот, ласково улыбнувшись, остановилась и указала на ведро, приглашая краснокожего воина утолить жажду. Я взял его, зажав между пальцами записку, так что она была видна только Лилиен. От всех посторонних глаз, даже от зоркой дуэньи, обернувшейся к нам, ее заслоняло ведро. Подняв его к губам и не говоря ни слова, я только кивнул на записку и сделал вид, что пью.

Я не видел, как Лилиен брала записку и какие чувства отразились на ее лице, но, когда девушка в сопровождении ворчавшей мулатки подходила к фургонам, она обернулась, и взгляд ее сказал мне, что мой план удался.

Глава ХСVII
ПИСЬМО СЕСТРЫ

Я вернулся к палаткам, стараясь не показывать охватившего меня волнения, и поспешил к Мэриен, чтобы рассказать ей о происшедшем. «Может быть, сегодня? Может быть, сейчас?» — спрашивал я себя. Охотница еще не выходила из палатки, но я как брат имел право войти к ней.

— Вы видели Лилиен! — воскликнула она, когда я вошел.

— Да, видел.

— Вы говорили с ней?

— Нет, не рискнул, но я передал ей письмо.

— Да, я видела. Значит, она знает теперь, что вы здесь?

— Вероятно, уже знает, если у нее была возможность прочесть мою записку.

— В этом я уверена! Какой красавицей она стала! Не удивляюсь, что вы полюбили ее, сэр. А знает ли она, что я тоже здесь?

— Нет еще. Я не рискнул сообщить ей об этом, боясь, как бы она в порыве радости не рассказала о том, что вы живы, вашему отцу, да и Стеббинсу также.

— Вы правы: это было бы рискованно. Сестра не должна знать о моем присутствии, пока мы не предупредим ее, что о нем надо молчать. Что же вы собираетесь делать дальше?

— Я пришел посоветоваться с вами. Если нам удастся сообщить Лилиен о вас, она, вероятно, сможет выбраться потихоньку из лагеря, и тогда под покровом темноты мы сможем немедленно бежать. Почему бы не сделать этого сегодня ночью?

— Конечно! — живо ответила Мэриен. — Чем скорее, тем лучше. Но как увидеться с ней? Может быть, мне пойти в лагерь? Тогда...

— Напишите ей письмо, если хотите, а я...

— «Если хотите»!.. Скажите лучше «если можете», сэр. Я не умею писать. Отец мало думал о моем учении, а мать не думала совсем. Так что, увы, я неграмотна и не могу написать даже собственного имени,

— Это ничего не значит. Продиктуйте мне то, что вы хотели бы сказать сестре. Карандаш и бумага у меня найдутся. Если Лилиен прочла первую записку, она, конечно, уже настороже, и мы найдем случай передать ей это письмо.

— А она-то уж найдет случай его прочесть. Пожалуй, это самый лучший выход из положения. Ведь Лилиен не могла забыть меня. Наверное, она послушается совета старшей сестры, которая ее так любит.

Вынув карандаш и вырвав листок из записной книжки, я приготовился писать. Девушка опустила голову на руку, словно собираясь с мыслями, и начала диктовать.

— «Дорогая сестра! За меня пишет друг, которого ты знаешь. А говорит с тобой Мэриен, твоя сестра. Я жива и здорова и нахожусь здесь вместе с друзьями. Мы приехали сюда, переодевшись индейцами. Мы решились на это только ради того, чтобы спасти тебя от страшной участи. Когда ты прочтешь это письмо, не показывай его никому. О нем не должен знать даже...»

Она запнулась. Ей мешала говорить жестоко растоптанная дочерняя любовь. Голос Мэриен дрогнул, когда она чуть слышно произнесла слова «наш отец».

— «Милая Лил, — снова, уже тверже, заговорила она, — ты помнишь, как я любила тебя? Так же я люблю тебя и сейчас и готова отдать мою жизнь ради спасения твоей. Послушай же меня, милая сестра, и последуй моему совету. Как-нибудь ночью, лучше всего сегодня же, постарайся выбраться из лагеря. Беги от окружающих тебя негодяев, беги от отца, который, как ни больно это говорить, должен был бы защищать тебя, а на самом деле... Увы! Мне трудно выговорить то, что я думаю! Итак, сегодня, Лил! Завтра может быть уже поздно. Наш маскарад может открыться, и весь план рухнет. Сегодня же, сегодня! Не бойся, тебя ждет твой друг, а с ним твой старый знакомый Френк Уингроув и другие отважные защитники. А твоя сестра ждет тебя, чтобы обнять. Мэриен».

Нет, Лилиен не могла не откликнуться на такой призыв!

Потом мы стали думать, как передать письмо. Это можно было бы поручить мексиканцу, но он, к сожалению,

нию, уже ушел в лагерь, куда его вызвали старшины каравана, чтобы посоветоваться о дальнейшем пути. Обнаружив его отсутствие, я решил, что ждать, пока он вернется, не имеет смысла. Слишком много уйдет драгоценного времени. Солнце уже заходило, и темная тень хребта Сан-Хуан простерлась по долине почти до края лагеря. В этих широтах сумерки длятся всего несколько минут, и ночь уже расправляла над землей свою темную мантию.

— Идемте, — сказал я Мэриен. — Мы можем пойти вместе. Арчилети назвал нас братом и сестрою; будем надеяться, что слова его окажутся пророческими. А пока, веря в наше родство, никто не найдет странным то, что мы вышли прогуляться вдвоем. Может быть, приблизившись снаружи к фургонам, мы найдем случай, которого ищем.

Мэриен ничего не возразила, и, выйдя из палатки, мы направились к лагерю.

Глава ХСVIII

НОЧНОЙ БАЛ

Ночь надвигалась черная, как вороново крыло, словно желая помочь нашему замыслу. Уже неразличимыми стали контуры вершин Сан-Хуана, слившиеся с темным фоном неба. Еще раньше исчезли из виду мрачные склоны Сьерра-Мохада. В глубокой тьме с трудом можно было рассмотреть только такие светлые предметы, как крыши фургонов, выбеленные солнцем шкуры наших палаток, чуть поблескивающую ленту реки и пасшихся на берегу пестрых быков. Всюду царил сплошной мрак, и людей, одетых в темное, вроде нас, можно было заметить, только если они попадали в полосу света. Несколько костров горело у входа в лагерь, но большая часть их была разложена внутри его, и вокруг них сидели переселенцы. Красные отблески огня играли на их лицах — веселых и нежных у женщин и детей и более грубых и озабоченных у мужчин. Из-под фургонов на траву протягивались красные полосы света, и иногда на них ложились длинные тени бродивших снаружи людей. Ближе к

фургонам, где свет не падал на фигуры, мелькали только тени ног. Нам удалось приблизиться к лагерю незамеченными. Впрочем, снаружи в это время находилось только несколько пастухов и часовых. И те и другие спутя рукава относились к своим обязанностям, зная, что на территории юта им нечего опасаться нападения врагов. Кроме того, это был самый приятный час для путешественников, когда они собираются тесным кругом у костров, когда вслед за ужином начинаются песни и рассказы и не смолкает веселый смех. В воздухе тогда кольцами вьется дымок от трубок, а крепкие мускулы, отдохнувшие после дневной работы, чувствуют потребность размяться в быстрой пляске.

И в этот вечер тоже, едва только убрали остатки ужина, между кострами было расчищено место для танцев. Раздались звуки флейты, рога и кларнета, и несколько пар стало лихо отплясывать кадрили. Хотя движения их были довольно неуклюжи, мы смотрели на танец с удовольствием, потому что он был нам на руку. Музыка, заглушавшая наш шепот, смешанный шум голосов, танцующие пары, которые привлекали всеобщее внимание, — все это благоприятствовало нам. Меня и мою спутницу мог бы, пожалуй, заметить только кто-нибудь вошедший в один из фургонов и раздвинувший заднюю занавеску. Но никто не смотрел наружу, так как всех привлекал веселый круг танцоров, выделявавших замысловатые фигуры кадрили. Заглянуть в лагерь можно было только через щель между двумя фургонами, стоявшими напротив входа, потому что все остальные заходили друг за друга. Там мы и заняли удобную для наблюдения позицию, с которой нам был виден весь лагерь. Нам же самим ничто не грозило. Даже если бы нас заметили, все решили бы, что индейцам захотелось посмотреть на танцы.

Скоро наше внимание привлекли двое мужчин. Это были Холт и Стеббинс, сидевшие рядом возле большого костра, так ярко их освещавшего, что даже выражение лиц было нам ясно видно. Опустив голову и посасывая свою трубку, скваттер угрюмо смотрел на огонь, не обращая внимания на танцоров. Мысли его, видимо, были далеко. Стеббинс, наоборот, с интересом следил за танцую-

щими. Он был одет щеголевато и держался очень важно, К нему то и дело почтительно подходили мужчины и женщины, и, перекинувшись с каждым несколькими любезными фразами, он их «милостиво» отпускал. Я не спускал глаз с танцующих, внимательно всматриваясь в каждое лицо, попадавшее в полосу света. Там были девушки и женщины всех возрастов; даже толстая мулатка, ковыляя, участвовала во всех фигурах кадрили.

Но Лилиен среди них не было. Я быстро оглядел круг, где виднелось много свежих, молодых лиц с розовыми щечками и белыми зубками, но Лилиен не было и там, и я обернулся к Мэриен, чтобы поделиться с ней моим недоумением. Она с каким-то странным выражением смотрела на своего отца. Мне было понятно ее все возраставшее волнение, и я не решился заговорить с ней.

Внутренность фургона, около которого мы стояли, была все время темной, но вдруг, как по волшебству, в нем вспыхнул свет, засиявший сквозь неплотную парусину. Кто-то зажег там свечу. Руководимый каким-то предчувствием, я не мог удержаться от искушения и решил заглянуть внутрь. Для этого нужно было только сделать шаг к занавеске фургона. В щель между двумя неплотно сдвинутыми кусками грубой ткани все было прекрасно видно. Несколько больших ящиков и кое-какая домашняя утварь занимали половину фургона. Сверху была набросана разная простая одежда, одеяла, платки и две-три подушки. Ближе к передку и несколько выше всего остального стоял большой сундук, на крышке которого горел огарок сальной свечи, вставленный в горлышко бутылки. Перед свечой сидела женщина. Хотя был виден только ее силуэт, я немедленно узнал Лилиен. Она слегка повернула голову, и в свете свечи сверкнуло золото ее волос. Она сидела одна, но у входа в фургон стояло несколько молодых людей, бросавших в ее сторону пыльные взгляды. Девушке они, казалось, были неприятны. Держа в руке книгу, она делала вид, что читает, но свет скупой падал на страницу, и по тому, как Лилиен украдкой взглядывала на нее, можно было понять, что ее занимает не книга, а нечто другое. Между страницами белел клочок бумаги, и она, видимо, старалась разобрать что-то

написанное на нем. Я напряженно следил за каждым ее движением, так же как и присоединившаяся ко мне Мэриен. Нам стоило большого усилия не заговорить с Лилиен. Одно-единственное слово принесло бы пользы больше, чем любая записка, но оно могло погубить все — его могли услышать те, кто стоял перед фургоном. Их присутствие, очевидно, смущало Лилиен. Она пугливо поглядывала в их сторону и, вероятно поэтому, не могла дать волю чувствам, которые вызвала в ней моя записка. Она только сдержанно вздохнула и осторожно посмотрела сперва на группу, стоящую перед фургоном, а потом назад. Я подождал, чтобы она еще раз оглянулась, и осторожно просунул между занавесками письмо Мэриен. Появление смуглой руки не испугало Лилиен. Она не вскрикнула и даже не вздрогнула. Стихи уже подготовили ее к получению более прозаического послания. Как только я увидел, что записка замечена, я уронил ее на пол между ящиками и отдернул руку. Мы отошли, опасаясь, чтобы кто-нибудь не обратил внимания на то, как долго стоим мы на одном месте. Все наше дальнейшее поведение зависело от того, когда Лилиен прочтет записку. Надеюсь, что она успеет это сделать к тому времени, когда мы вернемся, мы бесшумно скользнули прочь.

Глава ХСІХ

БЕГСТВО

Мы дошли до палаток и почти сразу же вернулись к фургону. Я только перебросился несколькими словами с Уингроувом и Верным Глазом. Арчилети еще не возвращался. Я предупредил своих друзей, чтобы они привязали лошадей недалеко от палаток, так как знал, что они могут нам скоро понадобиться. Но я и не подозревал, что не пройдет и часа, как мы будем уже скакать прочь от лагеря.

По нашим расчетам, Лилиен, предупрежденная о том, что мы ее ждем, должна была выскользнуть из фургона и незаметно подойти к нашим палаткам. Мы предполагали, что это случится около полуночи, а может быть, и немного позже, когда весь лагерь мормонов уснет крепким

сном. Тогда нам было бы нетрудно скрыться, даже если бы наши враги бросились за нами в погоню немедленно. У нас были великолепные лошади, и, если даже мормоны располагали такими же, мы все же имели перед ними огромное преимущество, так как наш проводник прекрасно знал все ущелья и перевалы этой местности. Но ни Мэриен, ни мне не пришло в голову, что бежать следовало немедленно, не ожидая полуночи. Сейчас, когда веселье было в полном разгаре и все глаза были прикованы к танцующим, ни один человек не заметил бы исчезновения Лилиен и не услышал бы топота копыт скачущей лошади среди громкой музыки и гула голосов. Не знаю почему, но эта мысль не пришла нам в голову. Возможно, потому, что мы еще не были уверены в согласии Лилиен, без которого не могли бы привести наш план в исполнение. Но неужели она откажется? Конечно, нет, если она уже прочла наше письмо. Настало время поговорить с ней, и поэтому мы снова вернулись к фургону. Свеча еще горела, слабо освещая парусину. Мы осторожно подошли к заднему концу огромной повозки и уже собирались заглянуть в щель между занавесками, как свеча внезапно погасла. До нас долетел тихий шелест, словно кто-то двигался по фургону, направляясь к его заднему концу. Мы напряженно прислушались. Наконец шорох затих, и вслед за тем край занавески бесшумно откинулся и показалось чье-то лицо.

Мэриен нежным шепотом произнесла магическое слово «сестра».

— О Мэриен! Неужели это ты?

— Да, милая Лил! Но тише! Говори шепотом...

— Так ты действительно жива, Мэриен, или мне снится сон?

— Нет, это не сон.

— Какое счастье! Но скажи...

— Все, все расскажу, но не сейчас... у нас нет времени.

— А кто... кто это стоит около тебя?

Я подошел ближе и ответил чуть слышно:

— Тот, кто «мечтает о тебе», Лилиен.

— О сэр! Эдвард, Эдвард! Это вы?

— Тс-с!.. — снова прошептала Мэриен. — Говорите

только шепотом. Лилиен, — продолжала она твердо, — ты должна бежать с нами.

— Покинуть отца?

— Да, покинуть.

— О сестра... но что он скажет? Что будет делать, если я брошу его? Наш бедный отец!..

В ее тоне чувствовалась беспредельная душевная боль, говорившая о глубокой и искренней дочерней привязанности.

— Ты спрашиваешь, что скажет отец? Он обрадуется. Да, он должен будет обрадоваться, когда узнает, какая опасность тебе грозила. О сестра! Дорогая сестра! Поверь мне... поверь своей Мэриен! Тебе уготована страшная судьба, и ты можешь спастись, только убежав с нами.

— А наш отец, Мэриен?

— Ничего плохого с ним не случится. Беги же, сестра!

Глухой, подавленный вздох был единственным ответом. Удалось ли Мэриен убедить сестру? Чтобы окончательно удостовериться в этом, я уже хотел вмешаться и обратиться к ней со страстной мольбой, как вдруг до меня долетело из лагеря громкое восклицание. Я быстро отошел в сторону и заглянул между фургонами. Глазам моим открылась картина, от которой у меня кровь застыла в жилах. Мэриен увидела ее одновременно со мной. Холт, который только что сидел у костра, теперь в страшном волнении вскочил на ноги. Это вскрикнул он, и мы сразу поняли, почему: вокруг него скакал Волк, ласкаясь, взвизгивая и всеми способами выражая радость. Пес узнал своего бывшего хозяина, и Холт тоже узнал его, несмотря на раскрашенную морду и остриженную шерсть. Скваттер удивленно восклицал:

— Лопни мои глаза, если это не мой старый пес! Эй, Стеббинс! Что это значит? — продолжал он, повернувшись к мормону. — Вы же говорили, что Волк подох?

Стеббинс смертельно побледнел, и я заметил, что его тонкие губы задрожали. Но его лицо выражало не столько страх, сколько ярость. Я без труда догадался, о чем он думает. По-видимому, появление животного произвело на него гораздо большее впечатление, чем на скваттера, но совсем по другой причине.



Волк узнал своего бывшего хозяина, и Холт тоже узнал его.

— Как странно! — ответил он с напускным удивлением, видимо с усилием овладев собой. — Действительно, очень странно... Разумеется, это ваша собака, хотя она и обезображена до неузнаваемости. Я был уверен, что она погибла: мои спутники по первому каравану сказали, что ее загрызли волки.

— Загрызли волки? Еще чего! Все волки прерий не справились бы с ней. На ней нет никаких следов укусов. Но откуда она взялась? Кто ее привел сюда?

Было видно, что Стеббинсу очень хотелось уклониться от ответа, и он сказал неопределенно:

— Кто знает? Похоже на то, что собака побывала в руках индейцев, потому что она раскрашена. По-видимому, почуяв белых, она нашла наш след и добралась до лагеря.

— Может быть, пес пришел с теми индейцами, которые приехали сегодня? — спросил Холт с живостью.

— Нет... не думаю, — ответил апостол, и я увидел, что он лжет.

— Пойдем узнаем, — предложил скваттер, делая шаг по направлению к выходу из лагеря.

— Не сегодня, Холт, — поспешно возразил Стеббинс с горячностью, свидетельствующей о его большом желании отложить расследование. — Не надо беспокоить индейцев. Утром мы их повидаем и все узнаем.

— Беспокоить! Плевал я на их покой! Почему завтра утром, а не сейчас?

— Ну, если вы так настаиваете, я пойду и сам поговорю с проводником. Он, несомненно, все объяснит нам, если пес действительно пришел с ними. Вы же подождите меня здесь.

— Только не задерживайтесь. Эй, Волк! Старый дружище! Побывал у индейцев, а? Черт возьми, старина! Я так рад тебя видеть, как будто...

Произнесенные слова вдруг всколыхнули в нем какие-то воспоминания. Не та мысль, которую он не досказал, а другая, по-видимому о дочери, сжала болью и горечью его сердце. Он не только не закончил начатую фразу, но даже перестал ласкать собаку. Шатаясь, он вернулся к костру и сел на прежнее место, закрыв лицо руками.

Когда Стеббинс отошел от костра, выражение его ли-

ца было поистине дьявольским. Конечно, он понял все. Он бесшумно прошел по лагерю, остановившись два-три раза, чтобы украдкой перекинуться несколькими словами то с одним, то с другим мормоном. Ошибиться в его намерении было невозможно! Стеббинс созывал «ангелов-мстителей»!

Нельзя было терять ни секунды. Я бросился к задней стенке фургона и с мольбой простер руки к Лилиен. Но Мэриен уже удалось уговорить ее. Обе они видели сцену в лагере, и обе догадались, что за этим последует. Мы бросились к палаткам.

Я знал, что лошади нас ждут, так как данный мной условный сигнал предупредил моих товарищей, чтобы они держали их наготове. И действительно, кони были уже оседланы и взнузданы. Мексиканец тоже вернулся. Он видел собаку и, сразу сообразив, что может случиться, поспешил к палаткам. Мы не думали о нашем имуществе — ни о мулах, ни о поклаже, — стремясь сохранить лишь жизнь и свободу. Когда я вскочил в седло, мой араб радостно заржал и как стрела помчался по равнине, унося меня и Лилиен.

Проносясь мимо лагеря, мы увидели, что оттуда выбегают люди. Их длинные тени падали почти под копыта наших лошадей. Но вскоре они остались далеко позади. Музыка внезапно оборвалась, и неясный говор сменился тревожными криками. Слышались мужские голоса, которые звали часовых, охранявших лошадей, и вслед за этим торопливый топот сгоняемых к лагерю животных. Но погоня не страшилась нас. Наши надежные кони карьером мчали нас в тьму непроглядной ночи.

Глава С

В ПОИСКАХ УБЕЖИЩА

Мы направились прямо к перевалу Робидо. Несмотря на темноту, найти дорогу было нетрудно. Глубокие колеи, оставленные прошедшим здесь караваном, различались достаточно ясно для того, чтобы можно было точно следовать по ним. Кроме того, наш проводник не сбился бы с пути даже с завязанными глазами. Мы не

сомневались, что за нами гонятся. Я лично был твердо в этом убежден. Не говоря уж о Стеббинсе, Холт, несомненно, прилагал все усилия, чтобы догнать нас. Ведь он, конечно, считал, что его дочь похитили индейцы!

Лагерь мормонов отделяли от перевала Робидо двадцать миль, и почти все это расстояние мы проехали галопом. Когда мы достигли перевала, наши взмыленные кони стали проявлять признаки усталости. Самые слабые из них, принадлежавшие Уингроуву и Верному Глазу, совсем выбились из сил и не способны были идти дальше без отдыха. Это нас сильно встревожило. Мы знали, что за нами гонятся на свежих, хорошо отдохнувших за время лагерной стоянки лошадях, тогда как мы проделали на своих довольно большой путь накануне, а в этот день проехали уже пятьдесят миль, из которых около двадцати вскачь. Неудивительно, что наши бедные кони были измучены. Мы остановились, чтобы посоветоваться. Можно было не сомневаться, что, если мы поскачем дальше, наши настойчивые преследователи нагонят нас очень быстро. Оставаться же на месте — значило ждать столкновения с настолько многочисленным отрядом, что ему без труда удалось бы захватить нас в плен. Всякое сопротивление было бы бесполезно. Ведь нам пришлось бы иметь дело не с индейцами и не с их копьями и стрелами, а с людьми, вооруженными не хуже нас самих, но значительно превосходящими в числе. Лучше всего было бы как-нибудь укрыться в ущелье и дать погоне проехать мимо, если бы для этого нашлось подходящее место. Но кругом не было ни скал, ни деревьев, за которыми мы могли бы укрыть наших лошадей. Свернуть было некуда, и, видя состояние наших лошадей, мы пожалели, что не сделали этого до въезда в ущелье. Мы даже подумали, не вернуться ли нам назад и не поехать ли прямо по склону. Но это тоже казалось опасным, потому что наши враги могли уже достичь перевала, хотя стука копыт еще не было слышно.

По счастью, в эту минуту мексиканец нашел выход из положения. Он вспомнил, что, охотясь здесь, он однажды натолкнулся на узкое ущелье в северном конце перевала Робидо. Вернее, это была просто расселина, по которой с трудом мог проехать всадник. Однако она вела

в небольшую долину, со всех сторон окруженную горами, настолько отвесными, что ни одна лошадь не могла бы подняться на них, так что трапперу пришлось вернуться назад через ту же расселину — другого выхода из долины не было. Мексиканец утверждал, что вход в расселину находится недалеко и найти его не составит труда. По его мнению, нам следовало укрыться в этой долине и переждать там до следующей ночи, пока погоня не вернется в свой лагерь. Тем временем наши лошади успели бы отдохнуть, и, если даже мормоны снова начали бы нас преследовать, мы легко смогли бы ускакать от них.

План был вполне осуществим. Но меня несколько беспокоило одно соображение, которое я и высказал нашему проводнику. Долина, как он сказал, не имела второго выхода. Если бы мормоны напали на наш след, мы оказались бы в ловушке.

— Карамба! — воскликнул мексиканец в ответ на мои слова. — Нет никаких причин бояться, что эти трусливые дворняжки найдут наши следы. Они понятия не имеют, как это делается. Ни один из их своры не смог бы выследить бизона даже на снегу.

— Но среди них есть один человек, способный обнаружить еще менее ясный след, чем наш, — заметил я.

— Не может быть! Кто же это, кабальеро?

— Их отец, — ответил я шепотом, чтобы девушки не услышали моих слов.

— И то правда, — пробормотал мексиканец. — Понятно, что отец охотницы сам охотник. Черт возьми! Но неважно. Я вас проведу в долину таким способом, что ни один самый искусный следопыт прерий не найдет нас. К счастью, местность здесь подходящая. Дно расселины покрыто каменной осыпью, и копыта не оставят на ней следов.

— Помните, что некоторые лошади подкованы и на камнях могут остаться царапины.

— Нет, сеньор. Подковы мы чем-нибудь обернем. Мы наденем на лошадей чулки!

Я хорошо знал, что он подразумевает, и мы немедленно приступили к делу. Копыта лошадей были обернуты кусками одеяла и завязаны узкими полосами кожи, вы-

резанными из нашей одежды. Проехав еще некоторое расстояние по следу фургонов, мы свернули с тропы к обрыву, который образовывал северную границу перевала. Мы молча проехали за нашим проводником еще с четверть мили, как вдруг мексиканец повернул влево и сразу исчез из виду, словно въехав в скалу. Нас, конечно, это поразило бы, если бы мы тут же не заметили в утесе темную щель — вход в расселину, о которой говорил наш проводник. Все так же молча мы повернули своих лошадей и очутились в расселине. По ее каменистому дну бежал ручей, но настолько мелкий, что он не мешал нашему продвижению вперед. В то же время мы знали, что он надежно скроет все следы, если преследователи все же найдут расселину. Но этого мы не опасались, так как были уверены, что принятые нами меры предосторожности вполне достаточны.

Доехав до маленькой долины и не думая больше об опасностях, мы спешили в самом дальнем ее конце и устроились на ночлег. Сестры, завернувшись в плащ из бизоньей шкуры, расположились под густыми ветвями большого тополя. Слыша их нежный шепот, которого не заглушали вздохи легкого ветерка и журчанье ручейков, мы догадывались, что они поверяют друг другу сладкую тайну своих сердец.

Глава СІ

РАЙСКАЯ ДОЛИНА

Мы подходим к последнему акту нашей драмы. Чтобы полностью его понять, необходимо подробно описать окружающую обстановку. Приютившая нас маленькая долина представляла собой овал не более трехсот ярдов в длину. Если бы не эта форма, она походила бы на древний кратер, склоны которого поднимались над долиной не отлого, а чрезвычайно круто, хотя ни в одном месте не были совсем отвесными. Человек, хотя и с трудом, мог бы подняться на них, цепляясь за сосны и стелющийся можжевельник, которые так густо росли на круче, что скрывали большую часть ее скалистой поверхности. Только кое-где виднелись полосы, сверкавшие на солнце. Там и сям в темной зелени можжевельника блестели ми-

ниатюрные водопады. Они сливались в многочисленные кристалльные ручейки, пересекавшие долину. Все они соединялись в ее центре и через расселину изливались в ущелье. Благодаря обилию воды долина была покрыта роскошной растительностью. Несколько великолепных тополей бросали густую тень на ярко-изумрудную траву, усеянную веселыми венчиками пестрых цветов. Ручьи заросли широкими листьями лилий, а там, где со скал бежали струйки водопадов, виднелись осыпанные сверкающими брызгами прелестные орхидеи.

Таков был очаровательный уголок, куда привел нас Педро Арчилети. В голубом свете раннего утра он казался нам восхитительным. А когда солнце слегка окрасило вершины окружающих гор и разбросало багряные розы по видневшимся в отдалении снежным пикам, несравненная красота этой маленькой долины совершенно обворожила нас.

— Это рай! — воскликнул мексиканец.

— Настоящий рай! И вот его лучшее украшение!

С этими словами он указал на молодых девушек, которые, держась за руки, возвращались с ручья после умывания. Я заметил, что краска исчезла со щек Мэриен. Нам с Уингроувом тоже удалось смыть с себя почти всю нашу индейскую раскраску. Совершенно естественно, что мы постарались сделать это при первой же возможности. Само собой разумеется также, что каждый из нас хотел поговорить со своей любимой наедине.

По счастью, внимание Лилиен привлек какой-то цветок на ветке дерева, и, выпустив руку сестры, она поспешила к нему. Мэриен, которая не так любила цветы, не пошла за нею. Но кто-то другой не преминул воспользоваться этой возможностью поговорить с прекрасной Лилиен наедине. Как сильно забилося мое сердце, когда я увидел цветок бегонии, свисавший с ветки тополя, вокруг которого она обвивалась! Какую торжественную радость я ощутил, когда крохотные пальчики осторожно сорвали цветок и прикрепили его к моей груди! Что же после этого можно назвать блаженством?

Мы бродили с нею под деревьями, вдоль ручейков; мы обошли долину и остановились у водопада, который, пенясь, низвергался со скал. Наши голоса смешивались

с журчанием вод, нежным шепотом повторявших за нами слова: «Мечтаю о тебе».

— И так будет всегда Лилиен?

— Да, Эдвард, вечно.

* * *

Место, где мы провели ночь, находилось в самом конце долины, почти у склона горы. Мы выбрали его потому, что почва здесь была немного суше. Тополи бросали обильную тень на наше укрытие, и, кроме того, его огораживали огромные камни, скатившиеся со скал.

Нам и в голову не приходило, что наше убежище могло быть обнаружено, и мы не предприняли никаких мер предосторожности на случай появления врага — не исследовали окружавшие нас утесы в поисках путей к отступлению и не наметили никакого плана защиты. Что касается Уингроува и меня, то наше легкомыслие, действительно совершенно непростительное, все-таки было как-то объяснимо. Мексиканец же, чувствуя полную уверенность в том, что ему удалось запутать наши следы, возможно, оказался менее осторожен, чем следовало, а Верный Глаз полагался на своего нового друга, к которому проникся восторженным уважением.

Впрочем, я все же заметил, что Арчилети был несколько встревожен.

Ковыляя по долине, он время от времени бросал вопрошающие взгляды на вход в расщелину. В конце концов и я почувствовал некоторое беспокойство.

Волей-неволей пришлось прервать нежную беседу с Лилиен, ведь необходимо было подумать о мерах предосторожности на случай, если мормонам удастся нас обнаружить. Мы с моей прелестной спутницей отошли от водопада и, повернувшись, увидели, что траппер бросился ничком на траву и, приложив ухо к земле, начал прислушиваться. Это движение было настолько многозначительным, что не могло не привлечь всеобщего внимания. Одна лишь Лилиен не поняла его, хотя и встревожилась, заметив, как сильно оно подействовало на других. Она испуганно вскрикнула, когда мы все поспешили к месту, где лежал Арчилети. Прежде чем мы подошли

к нему, он вскочил и, выпрямившись во весь рост, яростно топнул ногой, воскликнув:

— Карамба! Негодяи идут по нашему следу! Вы слышите их? С ними собака!

Не успел он произнести эти слова, как их подтвердил звук, разнесшийся по всей долине. Заглушая шум воды, явственно послышался лай и рычание идущей по следу собаки. Охотница сразу узнала лай и взволнованно воскликнула:

— Это Волк!

Едва она произнесла эти слова, как собака выскочила из расселины. Увидев нас, она оставила след и, подняв морду, бросилась к нам напрямик, чтобы скорее прилечь к своей хозяйке. Мы кинулись к оружию, и, схватив его, спрятались за камни. Было бесполезно спасаться бегством на лошадях: если за псом следовали мормоны, они могли перехватить нас у выхода из долины. Нам оставалось только надеяться, что собака пришла одна. Может быть, заметив отсутствие Мэриен в лагере, она нашла ее след и бежала по нему всю ночь? Однако Холт вряд ли отпустил бы ее от себя. К тому же поведение Волка показывало, что он не один. Ласкаясь к Мэриен, он время от времени отбегал и глядел назад, как будто ожидая кого-то, кто следовал за ним по пятам. И действительно, скоро в ущелье послышались голоса людей, и мелькнувшая у нас надежда исчезла. Вне всякого сомнения, это были наши преследователи, которых привела сюда собака, не понимавшая, какой опасности она подвергает свою любимую хозяйку.

Глава III

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

Услышав голоса, мы почти в ту же минуту увидели тех, кому они принадлежали. Из расселины показался всадник, следом за ним другой, затем третий, пока, наконец, в долину не выехало восемь человек. Все они были вооружены пистолетами, ножами и ружьями. В первом всаднике мы сразу узнали Хикмана Холта. Гигантский рост, зеленая куртка, повязанный на голове платок были

нам хорошо знакомы. Непосредственно за ним ехал Стеббинс, за которым гуськом следовали «ангелы-мстители».

Когда они очутились в долине, один лишь Холт продолжал ехать с прежней скоростью, ни на одну секунду не приостановив своего коня. Стеббинс тоже поехал вперед, но гораздо осторожнее, отставая от него ярдов на пятнадцать. Даниты же, увидев наших лошадей и наши головы над камнями, стали один за другим останавливаться, словно колеблясь, ехать ли им вперед или оставаться на месте. Даже Стеббинс, хотя он и следовал за Холтом, делал это весьма неохотно. Он видел стволы ружей, блестящие над камнями, и, не доехав шагов пятидесяти до нашего укрытия, натянул поводья и остановился, стараясь спрятаться за Холтом. Скваттер же продолжал бесстрашно приближаться к нам. Он находился уже настолько близко, что мы могли рассмотреть выражение его лица, которое нетрудно было понять: оно свидетельствовало о непреклонной решимости вырвать свою дочь из рук похитивших ее дикарей, так как до сих пор он имел все основания полагать, что мы индейцы. Разумеется, никто из нас не помышлял стрелять в Холта, но, если бы в этот момент Стеббинс продвинулся хоть на один шаг, он рисковал бы получить не одну пулю.

Скваттер ехал рысью и держал ружье наготове, словно собираясь стрелять без предупреждения. Вдруг он остановил лошадь, опустил оружие на луку седла и изумленно уставился на нас: вместо индейцев он увидел перед собой белых. В то же мгновение Лилиен выскользнула из-за камней и, с мольбой протягивая к нему руки, воскликнула:

— Отец! Это не индейцы! Это Мэриен... Это...

Она еще не успела договорить, как рядом с ней появилась ее сестра.

— Мэриен жива! — вскричал Холт, узнав свою давно оплакиваемую дочь. — Она жива! Хвала всевышнему! Какая тяжесть свалилась с моего сердца! А теперь я могу закончить еще с одним делом.

Холт круто повернул коня, спрыгнул на землю и, положив ружье поперек седла, прицелился в Стеббинса.

— Ну, Джош Стеббинс, — загремел скваттер, — приходи нам с тобой время свести счеты!

— В чем дело, Холт? — неуверенно пробормотал мормон, дрожа всем телом. — Я вас не понимаю.

— Я хочу сказать, подлец, что, прежде чем уйти отсюда, ты должен снять с меня обвинение в убийстве. Слышишь?

— В каком убийстве? — пролепетал Стеббинс, уклоняясь от прямого ответа.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, и знаешь, что это было не убийство, а самоубийство. Бог свидетель, оно разбило мое сердце.

Голос Холта прерывался от волнения, когда он продолжал:

— Правда, никаких доказательств этого у меня не было, а ты так ловко подстроил улики, что в них не усомнился бы никакой законник, несмотря на то, что они были лживы, как твое черное сердце. Много лет ты держал меня за горло и пользовался этим, чтобы осуществлять свои подлые замыслы. Но тут нет ни закона, ни законников, и помочь тебе они больше не могут. Тут хватит свидетелей: и твои собственные молодчики и эти люди, которые будут почестнее, понадежнее. В их присутствии ты должен признаться, что все твои улики — ложь и я невиновен в убийстве.

После того как Холт кончил свою речь, наступило глубокое молчание — так поразило всех странное неожиданное требование скваттера. Даже даниты, стоявшие у входа в долину, не проронили ни слова. Заметив, что благодаря «измене» они утратили численное преимущество, «ангелы-хранители» не проявили никакого желания двинуться вперед, чтобы защитить своего начальника. Казалось, Стеббинс на мгновение заколебался. На его лице промелькнул страх, смешанный со злобой: очевидно, ему нелегко было поступиться своим прежним влиянием. Но ему не дали долго размышлять. Как только он обернулся к своим данитам, явно собираясь отступить к ним, угрожающий голос скваттера остановил его:

— Ни с места! Не смей отворачиваться, а то получишь заряд свинца в спину! Теперь сознавайся, или я стреляю!



Положив ружье поперек седла, Колт прицелился в Стеббинса...

По тону скваттера Стеббинс понял, что уклониться от ответа ему не удастся, и он поспешно воскликнул:

— Вы не совершали никакого убийства, Хикман Холт! Я никогда не говорил этого!

— Говорить-то не говорил, да грозился сказать. Сознаться, улики ты сам выдумал и держал их как нож над моей головой столько лет. Сознаться!

Стеббинс заколебался.

— Ну, скорее! Или можешь считать себя покойником!

— Сознаюсь, — пробормотал дрожащим голосом смертельно перепуганный негодяй.

— И улики были ложными?

— Да, ложными. Я сознаюсь.

— Ладно! — сказал Холт, опуская ружье. — С меня хватит. А теперь, трусливая гадина, можешь убираться к своим красавцам. Ты им и такой понравишься. Ну, проваливай же и благодари бога за то, что унес отсюда ноги.

— Нет! — воскликнул голос за спиной Холта, и в то же мгновение из-за камней вышел Уингроув. — Нет, пусть он еще подождет! Мне тоже надо свести кое-какие счета с этим прохвостом. Человек, который рыл другому такую яму, не имеет права жить. Вы, Хик Холт, можете отпустить его, но я не отпущу. И вы бы сделали то же, если бы знали...

— Что знал? — прервал его скваттер.

— Что он собирался сделать с вашими дочерьми.

— Он муж Мэриен, — ответил Холт голосом, полным горечи и стыда. — Это моя вина. Да простит мне бог!

— Он вовсе не муж ей. Венчание было обманом. Он увез бедную Мэриен... так же как и Лилиен, чтобы...

— Чтобы что? — вскричал Холт, видимо о чем-то догадываясь.

— Для того, чтобы отдать их в жены мормонскому «пророку».

Скваттер испустил яростный вопль, заглушивший последние слова молодого охотника. Одновременно раздался выстрел, и облако дыма на мгновение скрыло от нас Холта. Почти в ту же секунду мы увидели, что конь Стеббинса без всадника понесся к выходу из долины, а

сам мормон неподвижно лежит на траве. Он был мертв: на лбу его багровела рана.

Сестры едва успели скрыться за камнями, когда да- ниты дали залп. Их пули не причинили нам вреда, в то время как наши оказались более меткими, и один из этих негодяев был убит наповал. Видя, что им несдобро- вать, пятеро оставшихся в живых вдруг повернули и ускакали в десять раз быстрее, чем приехали. Больше мы их не видели.

* * *

— Девочки мои! — воскликнул Холт, принимая в свои распростертые объятия обеих дочерей. — Сможете ли вы... захотите ли вы простить меня? Я был для вас плохим отцом. Но ведь я не знал, какие негодяи эти мормоны! Слишком поздно мне стала известна и вся подлость Стеббинса, а теперь...

— А теперь, отец, — нежно улыбаясь, сказала Мэ- риен, прерывая его полную раскаяния речь, — не говори об этом. Нам нечего прощать, и, пожалуй, не надо да- же сожалеть о случившемся, поскольку пережитые нами страдания доказали нашу преданность друг другу. После всех испытаний и горестей мы вернемся домой еще счастливее.

— Ах, Мэриен, ведь у нас нет больше дома!

— Нет, есть, — возразил я, — если, конечно, вы со- гласитесь принять от меня ваш прежний дом. Пока мы не выстроим другой, побольше, в старой хижине на Или- стой речке найдется достаточно места для всех. Впро- чем, — добавил я, прерывая себя, — здесь есть пара, которая вряд ли захочет воспользоваться ее кровом. Наверное, они предпочтут другую хижину, выше по реке.

Мэриен покраснела, а молодой охотник смущенно пробормотал, что «в его хижине хватит места для дво- их».

— Сэр, — растроганно промолвил Холт, протягивая мне руку, — мне следует о многом пожалеть и за мно- гое поблагодарить вас. Я с радостью принимаю ваше ве- ликодушное предложение. Мне нужно было бы вернуть вам деньги, да только они все истрачены. Я мог бы в

благодарность отдать вам свою дочь; но, как вижу, она и так уже ваша. Вы заслужили ее, сэр, и мне остается только одно: от всей души дать свое согласие на ваш брак.

* * *

Занавес падает. Наша драма окончена, и эпилог ее краток. Кровавые и воинственные сцены сменились картинами мирной жизни подобно тому, как стремительный поток, бурно вырвавшись из горного ущелья, спокойно катит свои воды по широкой равнине. Наши друзья — юты, с которыми мы встретились на следующий день, снабдили нас всем необходимым для путешествия через прерии. Они предоставили в наше распоряжение отбитый у арапах фурагон и упряжку мулов.

Не без сожаления расстались мы с Арчилети, Верным Глазом и Патриком О'Тиггом, который был уже на пути к выздоровлению и впоследствии, как мы потом узнали, совершенно оправился от своей страшной раны. Мексиканский траппер помог обоим солдатам добраться до долины Таоса, откуда со следующим караваном золотоискателей они направились через Колорадо в Калифорнию.

Подробный рассказ о нашем возвращении, как ни приятно было бы его писать, вряд ли может заинтересовать читателя. Великан скваттер правил фурагоном и заботился о мулах. Он разговаривал мало, но, судя по всему, был счастлив. Мы с Уингроувом тоже были счастливы, постоянно обмениваясь с нашими любимыми бессвязными словами беспредельной нежности и красноречивыми взглядами, полными любви. Мы благополучно прибыли в Суомпвилл. Там на почте меня ожидало письмо с траурной каймой. Оно извещало о смерти совершенно незнакомой мне дальней родственницы, скончавшейся на восьмидесятом году жизни. Оставшееся после нее небольшое наследство пришлось как раз кстати. Благодаря ему участок на Илстой речке был расчищен и приведен в порядок. Никто не узнал бы теперь вырубки скваттера! Бревенчатая хижина заменена прекрасным домом с двумя верандами, а небольшой клочок земли, засеянный кукурузой, превратился в ве-

ликолепные обширные поля, на которых колышутся ее золотые султаны, зеленеют широкие листья табака и в изобилии зреют драгоценные коробочки хлопка. Никто не узнал бы и скваттера в старом почтенном джентльмене с длинным ружьем за плечами, объезжающим верхом на лошади обширную плантацию. Но это не единственная плантация на Илистой речке. Немного выше по течению вы видите другую, почти такую же. Нужно ли называть имя ее владельца? Это, конечно, молодой охотник, превратившийся теперь в преуспевающего земледельца. Обе плантации примыкают друг к другу и не разделены никакой оградой. Они простираются до усеянной цветами злополучной поляны, на которой развернулись известные нам события. Топор еще щадит окружающие ее леса.

Но не на ней, а в другом месте, не менее пленительном и тоже утопающем в цветах, глаз парящего орла видит счастливую группу. Это владельцы обеих плантаций и их жены — Мэриен и Лилиен.

Сестры еще в полном расцвете своей несравненной красоты, хотя обе они окружены счастливыми детскими личиками.

О любимая Лилиен! Твоя красота подобна цветку померанца, который кажется еще прекраснее рядом со своими плодами! В моих глазах она никогда не поблекнет. Я предоставляю другим устами воздать восторженные хвалы твоей сестре — отважной охотнице.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1840 году молодой ирландец, сын протестантского священника, покинув свою родину, сел на корабль и переплыл Атлантический океан, чтобы начать в Америке новую жизнь. Позади была горячо любимая, но разоренная, угнетаемая, нищая Ирландия, впереди — заманчивый и неведомый Новый Свет. Так началась американская жизнь Томаса Майн Рида, будущего знаменитого писателя.

Герой его первого романа «Вольные стрелки», капитан Галлер, говорит о себе: «Я исколесил американский материк с крайнего севера до крайнего юга, пересек его от океана до океана. Нога моя попирала вершины Анд и взбиралась на Кордильеры Сьерра-Мадре. Я спускался на пароходе вниз по Миссисипи и поднимался на веслах по Ориноко. Я охотился за буйволами с индейцами племени пауни и за страусами в пампасах Ла-Платы. Вместе с трапперами Скалистых гор я питался вяленным мясом, а у индейцев племени москито угощали меня жареной обезьяниной... Жажда приключений не знала границ».

Многое из того, что изведал капитан Галлер, мог бы сказать о себе и сам автор. Сколько приключений и профессий испробовал он! Прежде чем стать писателем, Майн Рид был актером, учителем, торговцем, журналистом, служащим на плантации, военным. Запаса впечатлений от американских скитаний хватит ему на всю жизнь.

Действие романов Майн Рида охватывает весь мир. Увлекательные приключения его героев происходят и в Африке, и среди Гималаев, и в просторах Атлантики, и

на Борнео. Но в первую очередь Майн Рид остается романистом американского континента. Именно природа Америки, прекрасно изученная им во время долголетних странствий, образует фон лучших его вещей, и мы с детства помним описания Миссисипи в «Квартеронке», Техаса во «Всаднике без головы», Флориды в «Оцеоле, вожде семинолов».

Европейским республиканцам и демократам Америка представлялась обетованной страной свободы, осуществившей идеалы народовластия, о которых мечтали и к которым стремились европейские революционеры. В Америку стремились и революционеры, мечтавшие после поражения своих вольнолюбивых надежд о стране свободы за океаном, и европейские бедняки, надеявшиеся получить землю и работу в заатлантической республике. Были среди переселенцев и авантюристы и сектанты.

Почти половину европейцев, стремившихся за океан, составляли соотечественники Майн Рида — ирландцы, доведенные до отчаяния голодом, нищетой и преследованиями на родине. Из года в год в европейских портах на парусники и первые пароходы (в 1838 году впервые за историю мореплавания английский пароход «Сириус» переплыл Атлантический океан, пользуясь исключительно силой пара и затратив на это шестнадцать с половиной суток) садились переселенцы. За пятнадцать лет, с 1840 года по 1855 год, более трех с половиной миллионов европейцев переселилось в поисках лучшей жизни в Америку.

Перед молодым ирландцем лежала огромная страна, где все было непривычно европейскому глазу и поражающе масштабами, богатством и разнообразием своей природы.

Громадная часть страны была еще не освоена и плохо исследована. Калифорния, Техас, обширные области на северо-западе еще не были завоеваны Соединенными Штатами. По атлантическому побережью и немного к западу от него были расположены обжитые и густонаселенные штаты, а немного подальше начинались девственные леса и прерии. В школьных учебниках географии того времени громадные пространства, находящиеся к

западу от Миссури, именуется «Великая американская пустыня». Очертания горных хребтов и рек на западе страны в атласах поражают своими неточностями.

Как все это не похоже на современные Соединенные Штаты!

В Нью-Йорке — трех-четырёх-, самое большое пяти-этажные дома, большинство которых деревянные. На улицах грязь, полно отбросов, скитаются стаи собак и свиней. Нет электрического и даже керосинового освещения, кино, радио, телефона, телевидения, автомобилей. Электромагнитный телеграф, изобретенный американским живописцем Самюэлом Морзе, только собирается заменить оптический семафорный телеграф. Только что, в 1839 году, в Америку проникла новинка, изобретенная во Франции, — дагерротипия, первый из получивших распространение способов фотографии.

В стране в 1840 году 4535 километров железных дорог. В 1830 году их было только 52 километра. Поезда грязны и неудобны. Чарльз Диккенс, побывавший в США в 1842 году, писал, что вагоны похожи на обшарпанные омнибусы, духота стоит невыносимая, и, на какой предмет ни взглянешь, кажется, что между ним и тобою стелется дым. Но американцы полны гордости своими железными дорогами, и поэт Уолт Уитмен называет их символами движения и силы, пульсом континента.

Еще совершенно неизвестны имена Моргана, Рокфеллера, Форда, но Астор и Вандербильт уже принадлежат к богатейшим людям страны. Их громадные богатства не уменьшились во время кризиса 1837 года, вызвавшего восстания, подавленные войсками. Картина порожденной кризисом нужды среди изобилия поражала современников. Один рабочий спрашивал: «Как это случилось, что такая богатая страна, как наша, испытывает нужду в предметах первой необходимости! Сильный, здоровый и умный народ охвачен унижением и отчаянием... перед ним разруха и голод».

Это была страна, строившая железные дороги и хлопкопрядильные фабрики, плавившая чугун, имевшая миллионеров и испытывавшая первые кризисы, но все-таки оставшаяся еще аграрной страной — три четверти населения занимались сельским хозяйством.

Везде слышатся разговоры о видах на урожай, о ценах на зерно, о перспективах с кормовой свеклой и шортгорнским скотом. Все иностранные наблюдатели сходятся на том, что американцы живут мечтой о земле, о привольных, плодородных землях на Западе, о цветущем, благодатном саде, где царит неиссякаемое благополучие и сытость.

И вот в тяжелых бревенчатых фургонах или в простых телегах, запряженных лошадьми или волами, распродав за бесценок убогий скарб, переселенцы отправлялись на Запад. Через горные цепи и огромные американские реки движутся караваны, нагруженные продуктами и орудиями. Их сопровождают верховые. Слышатся крики животных, ругань проводников. Все полны волнения, у всех мысли о том, что ждет их впереди.

Это «движение на Запад», это освоение «свободных земель» составляет важнейшую главу в истории США. По словам Ленина, в 40-х годах аграрный вопрос выдвигался «на одно из первых мест самым ходом американского социального движения»¹. Отголосок этой борьбы за землю слышится в романе Майн Рида «Отважная охотница».

Этот роман появился сто лет назад, в 1860 году. Как и громадное большинство произведений Майн Рида, «Отважная охотница» — приключенческий роман, роман о необычайных судьбах героев, о похищениях, преследованиях, смертельных опасностях, предательстве, находчивости и героизме.

«Интерес таких произведений, — писал один русский критик, современник Майн Рида, — должен поддерживаться главным образом неожиданностью и разнообразием событий, и надо отдать справедливость Майн Риду, он мастерски умеет обставлять и разнообразить их. Скажем, кстати, что все его сочинения представляют, собственно, описания охот; но в одних из его рассказов человек охотится на животных, в других — на человека».

В романе «Отважная охотница» эта «охота на человека» оканчивается счастливо. Негодяй Стеббинс пуб-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 8, стр. 294.

лично сознался в том, что обвинение в убийстве, которым он угрожал Хикману Холту, отцу Лилиен и отважной охотницы, было ложью, после чего меткий выстрел кладет конец существованию мерзавца. Вовремя полученное наследство дает возможность привести в порядок участок на Иистой речке и зажить на нем в довольстве и счастье. Традиция счастливых концов, особенно распространенная в англо-американской приключенческой литературе, позволяет читателю с удовлетворением закрыть книгу и порадоваться за героев романа, после стольких испытаний и приключений достигших радостной развязки. На том месте, где в начале действия стояла убогая хижина Холта, расположены великолепные обширные табачные и хлопковые плантации, принадлежащие героям романа.

Правда, благополучию этому суждено быть непрочным. Действие романа происходит в самом конце 40-х годов. А в том самом 1860 году, когда печатные станки выпускали «Отважную охотницу», страна была накануне неминуемого вооруженного конфликта. Мир плантаций, счастливого быта и довольства, основанного на подневольном труде, стоял на пороге своей гибели. В следующем году разразилась гражданская война, положившая конец рабству. Ожесточенные сражения во время войны происходили, в частности, в штате Теннесси, где романист поместил плантации Уорфилда и смелого охотника Френка Уингроува.

Но из биографии Майн Рида и других его произведений нам хорошо известна позиция автора и его любимых героев по отношению к основной политической проблеме Америки того времени — борьбе системы рабства и системы свободного труда. Мы знаем, что Майн Рид всегда был пламенным борцом в защиту свободы и справедливости, врагом насилия, деспотизма, гнета и реакции.

Из героев романа внимание читателя привлекает красочная, запоминающаяся фигура Хикмана Холта. Огромный и могучий, похожий на медведя, внушающий окружающим чувство робости и страха, он, в сущности говоря, беспомощен и беззащитен перед хитрым и изворотливым хищником и угнетателем Стеббинсом, ловко использующим в своих грязных целях ложное обвинение в убий-

стве, в котором неуклюжий гигант, как выясняется в конце, был совершенно неповинен. Пронырливый и лицемерный Стеббинс прекрасно знает, как вить веревки из храброго, но простодушного скваттера. Шантажируя его угрозой обвинить в убийстве, он добивается от Хикмана Холта всего, что ему нужно. Подобные ему коварные и хладнокровные лицемеры и ловкачи успешно осуществляли свои махинации и делишки в обстановке всеобщей погони за обогащением, царившей в стране. Если бы не сразившая его пуля, он имел бы прекрасные шансы процветать и округлять свой капитал.

По отношению к «преимущественным правам», о которых говорит Холту капитан Уорфилд, получивший от правительства в награду за военную доблесть право на получение участка из государственных земельных фондов, у скваттера имеется один, но красноречивый ответ:

«...Вместо бумаг, которые я ожидал увидеть, он держал в руках длинное ружье.

— Ну-с, мистер Выгоняло, — проговорил он победоносно и полным сарказма тоном, угрожающе приподняв свое оружие, — вот мои документы. Мое «преимущественное право» — это право ружья. Думаю, тебе достаточно ясно, что я имею в виду, а?»

Это не было простой фразой, пустой похвальбой. Именно силой оружия отстаивали скваттеры свое право на землю. Как признают историки, скваттерство сыграло большую роль в аграрной истории США. Люди, находившиеся в положении Хикмана Холта, не останавливались на полдороге. Они поддерживали друг друга и умели давать решительный отпор «земельным пиратам» или «выскачкам», как они называли крупных собственников или спекулянтов земель.

В результате стойкой и упорной борьбы скваттеров за землю правительство в 1841 году издало закон о праве первой заимки. По этому закону тот, кто занял участок девственной земли и в течение пяти лет его обрабатывал, получал преимущественное право на его покупку. Этот закон и имеет в виду капитан Уорфилд, но бедняк Холт, у которого нет за душой ни гроша, не согласен с его предложениями и предпочитает оружием решить спор.

«Я не признаю вашего права на этот участок, — гово-

рит он. — Я его расчистил, и он мой. Мне плевать на преимущественное право покупки, и я никому не позволю согнать меня с земли, которую сам обработал».

Рассказчик «Отважной охотницы» капитан Эдвард Уорфилд — один из излюбленных у Майн Рида смелых и предприимчивых героев, таких, как капитан Галлер в «Вольных стрелках» или Эдуард в «Квартеронке».

Эти образы во многом автобиографичны. Таким же решительным и отважным был и автор романа — капитан Майн Рид, считавшийся одним из самых доблестных офицеров американской армии.

Необычен образ гордой и свободолюбивой отважной охотницы — Мэриен Холт. На Западе жизнь, проходившая в обстановке постоянной суровой борьбы, опасностей, наедине с дикой природой, вырабатывала подобные характеры, полные решительности и отваги. От индейских женщин она восприняла умение меткой стрельбы и вызывает восхищение знаменитого траппера Арчилети своими охотничьими подвигами. Мэриен Холт — один из самых ярких женских образов Майн Рида.

В романе «Отважная охотница» читатель попадает в мир живых и увлекательных приключений среди дикой, опасной природы, где действуют незаурядные, красочные герои. В нем запечатлены яркие, своеобразные картины навсегда ушедшего американского прошлого. В этом интерес и историческое значение книги о приключениях капитана Уорфилда, его друга Френка Уингроува и смелой охотницы Мэриен Холт.

А. Наркевич

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава I.</i> Участок скваттера	5
<i>Глава II.</i> Мэриен и Лилиен	9
<i>Глава III.</i> Место свидания влюбленных	15
<i>Глава IV.</i> Злополучный поцелуй	18
<i>Глава V.</i> Скваттер и «святой»	23
<i>Глава VI.</i> Апостол	26
<i>Глава VII.</i> Требование мормона	30
<i>Глава VIII.</i> Щедрое вознаграждение	35
<i>Глава IX.</i> Дружеский совет	33
<i>Глава X.</i> Край громких названий	42
<i>Глава XI.</i> Гостиница «Джексон»	44
<i>Глава XII.</i> Полковник Кипп	47
<i>Глава XIII.</i> Через лес	51
<i>Глава XIV.</i> Су-ва-ни	55
<i>Глава XV.</i> Чистосердечное признание	59
<i>Глава XVI.</i> Тревожные перспективы	63
<i>Глава XVII.</i> Индейское лето	67
<i>Глава XVIII.</i> Красавица лесной глуши	69
<i>Глава XIX.</i> Ряд неудач	71
<i>Глава XX.</i> Мечты и действительность	76
<i>Глава XXI.</i> Негостеприимная хижина	78
<i>Глава XXII.</i> Грубый прием	80
<i>Глава XXIII.</i> Дуэль без секундантов	85
<i>Глава XXIV.</i> В ожидании сигнала	89
<i>Глава XXV.</i> Прерванная дуэль	91
<i>Глава XXVI.</i> Миротворец	95

Глава XXVII. «Да... да!»	97
Глава XXVIII. По зову любви	102
Глава XXIX. Краснокожая прорицательница	104
Глава XXX. Гроза в лесу и в сердце	107
Глава XXXI. Нежное послание	109
Глава XXXII. Несколько слов о мормонах	112
Глава XXXIII. Клятва мести	114
Глава XXXIV. Отъезд в челноке	117
Глава XXXV. Опасная красавица	119
Глава XXXVI. Мертвая лошадь	121
Глава XXXVII. Наблюдение сверху	124
Глава XXXVIII. Белый туман	126
Глава XXXIX. Обещанное письмо	129
Глава XL. Караван	133
Глава XLI. Непредвиденная встреча	135
Глава XLII. Ступня длиной в тринадцать дюймов	138
Глава XLIII. По следу тачки	140
Глава XLIV. Два «ветерана»	142
Глава XLV. Спор о тачке	144
Глава XLVI. Невероятная история	148
Глава XLVII. Горные парки	151
Глава XLVIII. Брошенный букет	154
Глава XLIX. Неожиданное появление	156
Глава L. Вверх по каньону	158
Глава LI. Одинокий холм	161
Глава LII. Постройка укрепления	163
Глава LIII. Боевой клич	167
Глава LIV. Кровавая Рука	169
Глава LV. Роковой выстрел	171
Глава LVI. Попытка угнать лошадей	175
Глава LVII. Уязвимое место обороны	178
Глава LVIII. Укрытие на колесах	180
Глава LIX. Атака	182
Глава LX. Пленник на кресте	185
Глава LXI. Тайнственный круг	187
Глава LXII. Краснокожий художник	189
Глава LXIII. Жестокая забава	192
Глава LXIV. Сотня смертей	194
Глава LXV. Меткий выстрел	197
Глава LXVI. Погоня и обморок	201
Глава LXVII. Погоня проходит мимо	203

<i>Глава LXVIII.</i> Следы мокасин	205
<i>Глава LXIX.</i> Неожиданное соперничество	207
<i>Глава LXX.</i> Отважная охотница	210
<i>Глава LXXI.</i> Странный разговор	214
<i>Глава LXXII.</i> Уа-ка-ра	217
<i>Глава LXXIII.</i> Мексиканский траппер	219
<i>Глава LXXIV.</i> В вигваме прекрасной охотницы	222
<i>Глава LXXV.</i> Окружение врага	224
<i>Глава LXXVI.</i> История охотницы	228
<i>Глава LXXVII.</i> Неожиданность	232
<i>Глава LXXVIII.</i> Атака	236
<i>Глава LXXIX.</i> Трагедия и комедия	238
<i>Глава LXXX.</i> Страшная мысль	242
<i>Глава LXXXI.</i> Погребальная песнь	244
<i>Глава LXXXII.</i> Мэ-ра-ни	247
<i>Глава LXXXIII.</i> Воспоминания	249
<i>Глава LXXXIV.</i> Разговор по душам	253
<i>Глава LXXXV.</i> Дальнейшие размышления	255
<i>Глава LXXXVI.</i> Тигрица	257
<i>Глава LXXXVII.</i> Подозрение	260
<i>Глава LXXXVIII.</i> Все объясняется	261
<i>Глава LXXXIX.</i> План похищения	264
<i>Глава XC.</i> Охотница и ее покровитель	267
<i>Глава XCI.</i> Ночной привал	268
<i>Глава XCII.</i> Переодевание	271
<i>Глава XCIII.</i> Караван мормонов	273
<i>Глава XCIV.</i> Лагерь	276
<i>Глава XCV.</i> Встреча у реки	279
<i>Глава XCVI.</i> Злобная дуэнья	282
<i>Глава XCVII.</i> Письмо сестры	286
<i>Глава XCVIII.</i> Ночной бал	288
<i>Глава XCIX.</i> Бегство	291
<i>Глава C.</i> В поисках убежища	296
<i>Глава CI.</i> Райская долина	299
<i>Глава CII.</i> Неожиданная развязка	302
<i>А. Наркевич.</i> Послесловие	310

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Для восьмилетней школы

МАЙН РИД

Отважная охотница

Ответственный редактор
О. А. Лаврова

Консультант
по художественному оформлению
В. В. Пахомов

Технический редактор
Н. А. Молоканова

Корректор
Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 3/VI 1960 г. Подписано
к печати 9/VII 1960 г. Формат
84 × 108^{1/32}—10 печ. л.=16,43 усл. печ. л.
(16,21 уч.-изд. л.). Тираж 315 000 экз.
Цена 7 р. 35 к. с 1/I 1961 г. 74 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Суцевский вал, 49.
Заказ № 3729.



Тираж 800 экз.
с 1901 г. Издан.



Т. МАЙНРИД
*
ОТВАЖНАЯ
ОХОТНИЦА

